

Зарубежная

фантастика

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Сборник
венгерских
научно · фантастических рассказов

ПОСЛЕДНИЙ
ДОЛГОЖИТЕЛЬ

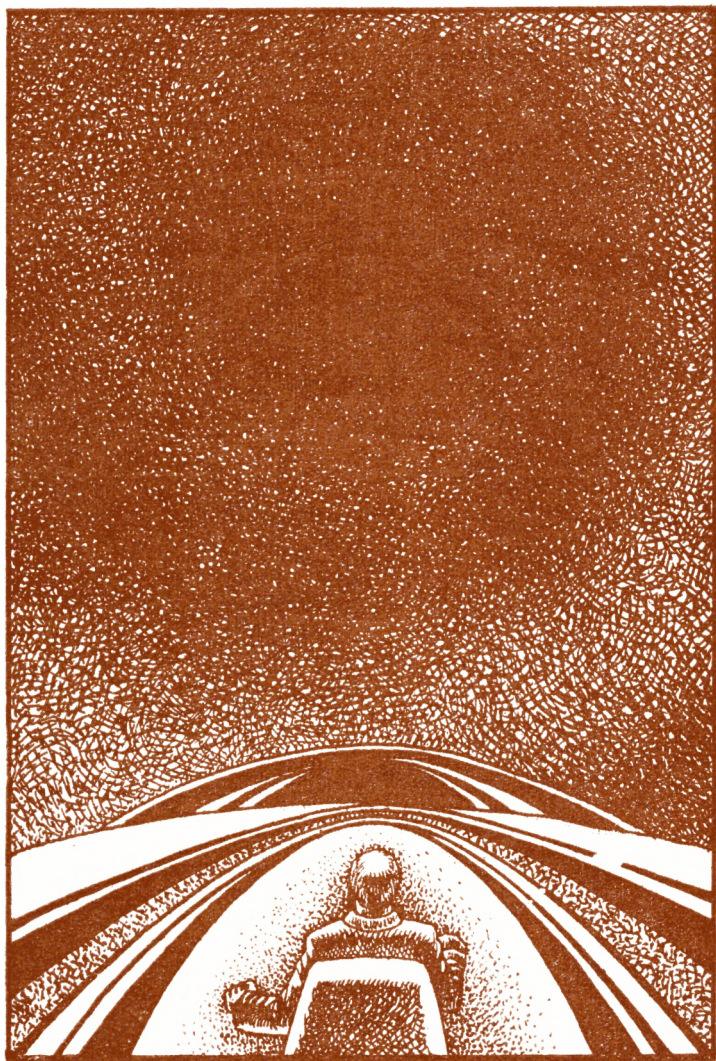
ИЗДАТЕЛЬСТВО МИР · МОСКВА

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Сборник
венгерских научно-фантастических
рассказов

Составители П. КУЦКА и Т. ВОРОНКИНА
Послесловие Е. ПАРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1980

Сб. 3
П62

П62 **Последний долгожитель. Сб. венгерских научно-фантаст. рассказов. Пер. с венг./Сост. П. Куцка и Т. Воронкина. Послесл. Е. Парнова. — М.: Мир, 1980.**

328 с. (Зарубежная фантастика)

В сборник вошли произведения венгерских фантастов, пользующихся известностью не только у себя на родине, но и за ее пределами. С некоторыми из них советский читатель уже знаком, большинство же «открывает» для себя впервые. Тема роботов и парадоксы времени, фантастический детектив и юморески, встреча с инопланетным разумом — такова тематика публикуемых рассказов, с которыми предстоит встретиться любителям фантастической литературы.

Сб. 3

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

4703000000

П $\frac{70304-188}{041(01)-80}$ **188-80**

© «Мир», 1980

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Ст. научн. редактор **И. Я. Хидекель**
Мл. научн. редактор **М. А. Харузина**
Художник **Ф. Инфанте**

Художественный редактор **Л. Е. Безрученков**
Технические редакторы **Г. Б. Алюлина, Э. И. Резник**
Корректор **С. А. Денисова**

ИБ № 2285

Сдано в набор 4.9.79. Подписано к печати 28.11.79. Формат 70×100^{1/32}.
Бумага кн. журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Объем 5,13 бум. л. Усл. печ. л. 13,33. Уч.-изд. л. 13,6. Изд. № 12/0788.
Тираж 100 000 экз. Зак. 662. Цена 1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Немного о венгерской фантастике

Любопытную книжицу обнаружил не так давно в одной из библиотек города Кечкемета ученый-литературовед Андраш Богнар.

Рукописная книга эта относится к концу XVIII века. Неизвестный автор собрал в ней стихи, песни и эпиграммы; немалая часть этих произведений представляет значительный интерес с точки зрения истории литературы. Нас, однако, больше интересует один прозаический, написанный в виде диспута фрагмент, где обсуждается вопрос: «живут ли на Луне люди?» И автор отвечает на поставленный вопрос утвердительно!

Не следует думать, будто нами движет жажда поисков традиций и воссоздание их, но сам факт несомненен: найденную рукопись можно считать одной из предшественниц венгерской научно-фантастической литературы. Тем самым перед нами новое доказательство того, что научная фантастика — явление, свойственное не только XX веку, фантастика возникла не в наши дни, но одновременно с самой литературой, она, подобно грунтовым водам, пролагала себе пути под землей и время от времени родником пробивалась на поверхность. Если в применении к мировой литературе мы можем сказать, что научно-фантастический жанр ведет свое начало с древнейших времен, что его темы, идеи, основные мысли могут

быть прослежены в старинных сказаниях, в античных мифах и легендах, равно как и в «Сказании о Гильгамеше», или в поэмах Гомера, или в Библии, то необходимо признать, что и история венгерской научно-фантастической литературы за истекшие несколько столетий также свидетельствует в пользу этого нашего утверждения.

Предпосылки научной фантастики всегда возникают в периоды социальных и научно-технических революций, они появляются в тот момент, когда человечество, совершая революционные преобразования, надеется на качественное улучшение миропорядка. Да и вообще научная фантастика — это жанр надежды и упования, и лишь очень редко — в тяжелые времена — она становится прорицательницей, предвещающей апокалипсис. Однако следует оговориться, что даже эти апокалиптические по своему характеру произведения, как правило, завершаются счастливым концом: зло повержено, и справедливость торжествует. В научной фантастике, как в зеркале, отражаются мечты и грезы человечества — хотя иной раз сны эти кошмарны, — и при анализе сюжета научно-фантастических произведений никогда не следует упускать из виду такой аспект, как взаимосвязь с общественным развитием.

История венгерской научной фантастики насчитывает приблизительно два столетия или чуть больше, если принять во внимание возникшие в эпоху Просвещения под влиянием французской литературы утопии, романы-фантазмагии, фантастические путешествия (к примеру, насыщенный философской мыслью роман Дёрдя Бешшени «Путешествие Тарименеша»). Однако оригинальные венгерские произведения в этот период возникают лишь эпизодически, гораздо чаще мы встречаем переводы и переложения с иностранных языков. Известную книгу Гольберга

«Подземное путешествие Миклоша Климюша», переиздававшуюся неоднократно, наши предки, не менее нас тяготившие к фантастике, зачитывали до дыр.

В первые десятилетия минувшего века, в годы, которые у нас принято называть Периодом реформ, утверждает себя оригинальная венгерская литература, оживляется книгоиздательская деятельность, создаются газеты и журналы, где одно за другим появляются на свет произведения фантастического жанра, написанные в серьезном или же сатирико-юмористическом ключе. Венгрия тех времен стремится стать на путь буржуазного развития, а ее интеллигенция и писатели размышляют о путях и возможностях национального и человеческого самоутверждения; фантазия рисует самые разные — зачастую противоречащие друг другу — картины будущего. Зарождается также научно-популярная литература, влияние которой сказывается и на художественной литературе. Фантазируя, писатели «открывают» идеально организованные, совершенные общества, некий «прекрасный новый мир», к примеру, на Луне или же в неизведанных доселе краях Земли, а то и под землей. Из литературы этого периода упомянем лишь два произведения.

Герои повести Ференца Нея «Путешествие на Луну» (1836) достигают цели на воздушном корабле. На Луне они обнаруживают рационально построенное общество и, естественно, массу фантастических изобретений и приборов, вроде законсервированного в хрустальных трубках солнечного света или транспортных средств, приводимых в движение с помощью магнетизма, искусственного дождя и т. д.

Рассказ Миклоша Йошики «Последние дни» (1847) уводит читателя в далекое будущее и на далекую планету, затмевая фантазию современных писателей-фантастов множеством остроумных идей. Тут

и обитатели планеты, обладающие телепатическими способностями, и диковинные животные, и самолеты, и подводные суда, гибкое стекло, и блаженные, неземные края, а на этом необычайном фоне развивается столь же необыкновенная эфирно-бесплотная любовь.

После поражения революции 1848—1849 годов и освободительной борьбы долгое время мы не находим в венгерской литературе следов научно-фантастической тематики. Нация смирилась с настоящим, избрав позицию пассивного сопротивления, и взирала на будущее, почти не питая надежд.

Лишь в обширном творчестве Мора Йокаи появляется фантастическая и научно-фантастическая тема — поначалу в одном-двух коротких рассказах, позднее же, начиная с семидесятых годов, — в нескольких романах, которые позволительно считать классическими образцами, предшественниками современной венгерской научно-фантастической литературы. С полным основанием можно утверждать, что романы и рассказы Йокаи заложили фундамент венгерской научной фантастики; их разнообразие, занимательная фабула, насыщенность знаниями точных наук, интерес к общественным проблемам, гуманное содержание, изумительное богатство языка вызывают восхищение даже у современного читателя.

Особое место среди этих произведений занимает вышедший в 1872 году трехтомный «Роман будущего столетия». Но великолепны и роман об Атлантиде — под названием «Океания», и утопическая робинзонада «Там, где деньги — ничто» или пронизанная горечью сатира «Вплоть до Северного полюса», не говоря уж о множестве рассказов. С тех пор не было в Венгрии писателя, который по силе художественного воображения превзошел бы Йокаи. Впрочем, и с популярностью его тоже никто не мог бы соперничать.

Из всех венгерских писателей М. Йокаи и поныне привлекает самую обширную читательскую аудиторию. Литературное воздействие его трудно переоценить.

Конец прошлого века и начало нынешнего столетия выдвинули массу подражателей Йокаи, писателей, которые не могли высвободиться из-под его влияния. Титус Товельди, писатель с неудачно сложившейся судьбой, создавший в романе «Новый мир» картину утопического коммунистического общества, был не меньшим последователем Йокаи, чем, например, Иштван Макаи, который в романе «Аэроплан на Луну» занимался исключительно научными и техническими проблемами и с посрамляющей Ж. Верна и Г. Уэллса точностью предугадал реальный полет на Луну.

Буржуазное развитие конца века, расцвет промышленности, техники, науки и в Венгрии сопровождается блестящим взлетом научно-фантастической литературы. Почти одновременно с выходом в свет оригиналов переводятся на венгерский язык произведения Ж. Верна, Г. Уэллса, Робида, Эд. Беллами, Росняи, Лассвитца, Жулавского и других, да и венгерские писатели все чаще и чаще обращаются к фантастике. Они создают множество произведений для молодежи, приключенческих романов, книг научно-популярного или развлекательного характера, но в это же время зарождается и немало ценных философских или социально-критических работ. В них очень легко распознать и влияние обостряющихся классовых противоречий, и новые идейные направления, и напряженную, полную неразрешимых конфликтов атмосферу внутри Австро-Венгерской монархии, но все действия, события, факты — по вполне понятным причинам — перенесены в будущее, прошлое или заключены в рамки фантастических ситуаций.

В первое десятилетие текущего века писатели, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Нюгат» («Запад»), поставили своей целью обновление венгерской литературы. Идейная направленность этого журнала была неоднородна: буржуазно-либеральные устремления соседствовали с социалистическими воззрениями. Многие из писателей «Нюгата» обращались к жанру фантастического и научно-фантастического романа и рассказа. Упомянем среди менее значительных имена Золтана Амбруша, Иштвана Сомахази, Виктора Чолноки, Кароя Мераи-Хорвата, Лайоша Биро и Дюлы Уй, отметив при этом, что крупнейшие представители этого направления, такие, как Михай Бабич, Дежё Костолани, Геза Чат или Геза Лацко, часто облекали идейное и общественное содержание своих произведений в научно-фантастическую форму.

Следует особо отметить другого классика венгерской научной фантастики, глубокого мыслителя и разностороннего художника Фридеша Каринти. Каринти был страстным поборником разума, здравого смысла — и это в период разгула самых неразумных, бессмысленных страстей человеческих! Естественно, что творчество такого писателя могло пойти лишь по руслу сатиры, и действительно, научно-фантастические романы и новеллы Каринти носят сатирический характер.

Ф. Каринти сознательно провозглашает себя последователем Свифта, продолжая в двух своих романах описания путешествий Гулливера. Роман «Путешествие в Фа-ми-ре-до» рисует конфликт между разумными, говорящими механизмами и живым человеком, роман «Капиллария» вскрывает фантастические, противоречивые особенности взаимоотношений между женщиной и мужчиной. Повесть «Тысячеликая душа» утверждает вечную силу и неистребимость человеческих идеалов, а «Небесный репортаж» в духе

Данте воспевает всепобеждающую силу любви. В своих рассказах Каринти зачастую выступает с протестом против войны и всяческих форм бесчеловечности, смело провозглашает победу разума. Из венгерских писателей двадцатого столетия Каринти больше всех интересовался естественными науками, многими своими находками и «изобретениями» он не раз опережал мировую научно-фантастическую литературу.

Первая мировая война и у нас, в Венгрии, вылилась в революцию; после подавления Венгерской советской республики в стране воцарился фашистский режим Хорти. В период между двумя мировыми войнами в венгерской научной фантастике можно проследить два резко отличающихся направления. В книгах, рассчитанных на юного читателя, очень часто встречалась проповедь национализма и шовинизма вперемешку с техницистскими теориями и тенденциями. Эти романы порождали в читателе смехотворные мечтания, расписывая перспективы венгерского мирового господства, воссоединения Венгрии и США; они изобиловали описаниями умопомрачительных чудес техники, не раз содержали подстрекательства против соседних народов и каких бы то ни было форм социализма.

Писатели другого направления в духе ранее намеченных традиций продолжали борьбу за идеи гуманизма и социализма, выступали против национализма во имя будущего человечества. Правда, произведения такого рода подчас носили оттенок горечи и пессимизма, но по тому времени они другими быть и не могли: мало кто тогда верил в освобождение и в возможность реального осуществления социализма. Михай Бабич написал проникнутый духом горького разочарования роман о «вечной войне», другие писатели, рисуя апокалиптические видения, передавали свой

страх перед надвигающейся угрозой немецкого фашизма.

Однако интересно отметить, что первый (к сожалению, утерянный) роман писателя-социалиста Петра Вереша был написанной по всем правилам утопией, в какой-то мере отражающей влияние Эптона Синклера. Здесь необходимо упомянуть, что в те годы в Венгрии выходило большое количество переводов, и венгерский читатель имел возможность ознакомиться не только с произведениями западных авторов, но и с фантастикой Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Мариэтты Шагинян или Валерия Брюсова.

Лучшим произведением той поры явился роман «Казохиния» Шандора Сатмари, писателя «одной книги», но этой единственной его книге была уготована судьба славная и необычная. Ф. Каринти и М. Бабич восторженно отозвались о романе, ознакомившись с ним по рукописи; о публикации его тогда не могло быть и речи, и лишь через несколько лет, в самый разгар второй мировой войны, удалось воспользоваться оплошностью цензуры и напечатать роман, хотя и в сильно урезанном виде. Успех романа был поистине ошеломляющим; с тех пор «Казохиния» переиздавалась неоднократно, и каждый раз тираж расходился мгновенно. Ш. Сатмари тоже можно назвать продолжателем традиций Свифта и — в какой-то мере — Каринти; в своем философском произведении он исследует основные вопросы человеческого бытия, сопоставляет мир разума с миром чувств, решительно высказываясь в пользу их единства и гармонии, а стало быть, полноты человеческой жизни.

Освобождение страны в 1945 году создало новую ситуацию и новые условия для развития венгерской научно-фантастической литературы. Венгерский читатель вскоре имел возможность по переводам ознакомиться с многими произведениями советской науч-

ной фантастики, с ранее недоступными книгами Обручева, Беляева, Ефремова, Циолковского и др., и венгерские писатели с новой энергией принялись за работу. Развитие, однако, проходило отнюдь не так гладко. Как известно, литературоведение в те годы рассматривало научную фантастику исключительно как юношескую литературу, как средство пропаганды научных знаний или дань тяге к приключениям. Романы тех лет характеризует теория техницизма и «короткая дистанция» разбега, крылья фантазии, образно выражаясь, волочились по земле, и научно-фантастические произведения той поры скорее напоминали производственные романы о выполнении пятилетних планов. Из всей тогдашней литературы можно упомянуть, к сожалению, лишь роман Петера Фёльдеша для юношества «Фиолетовый свет», который выделяется на общем сером фоне остроумными находками и увлекательным сюжетом.

В венгерской научно-фантастической литературе, так же как и в советской, перелом произошел к концу пятидесятых годов. Круг возможностей быстро расширился, и к середине шестидесятых годов в Венгрии познакомились не только с новыми именами советских фантастов — Днепровым, Гуревичем, Журавлевой, Парновым, Альтовым, братьями Стругацкими и др., — но и с западными писателями прогрессивного, гуманистического толка — Бредберри, Саймаком, Азимовым, Карсаком, Олдиссом, Полом и новейшими французскими, итальянскими, немецкими, испанскими, шведскими, английскими, японскими писателями. Мы увидели вдруг, что научная фантастика — почти необозримый простор, каждая пядь которого сулит волнующие открытия. Параллельно изучению теоретических, критических и литературоведческих работ по научной фантастике мы узнали и о существовании «фэндом», т. е. организованного объединения

многочисленных читателей и почитателей научной фантастики.

Оживилась и деятельность венгерских издательств: чтобы удовлетворить растущий читательский интерес, выпускались в свет антологии, отдельные тома и серии. При Союзе венгерских писателей вскоре была создана Рабочая комиссия по научно-фантастической литературе, куда принимали не только писателей, но и кинематографистов, художников, музыкантов. Комиссия устраивала творческие дискуссии, помогала организовать читательские клубы и участвовала в различных международных съездах и конференциях.

Таким образом, были созданы все предпосылки для того, чтобы научно-фантастическая литература в Венгрии, как и в других социалистических странах, развивалась равномерно и глубоко. К числу ранее известных писателей-фантастов примкнули новые, один за другим появлялись и молодые авторы; характерно, что в большинстве своем эта молодежь трудится на поприще точных наук. И теперь мы можем сказать, что в венгерской научно-фантастической литературе сотрудничают и творят, поддерживая и дополняя друг друга, писатели трех поколений. Познакомимся хотя бы бегло с творчеством крупнейших представителей этих трех поколений.

К их числу относится Енэ Сентивани, автор книги «Человек с каменным топором». Увлекательное повествование о жизни первобытного человека, издаваемое и переиздаваемое вновь для каждого подрастающего поколения венгерских читателей, занимает достойное место в ряду произведений Джека Лондона, Уэллса, Голдинга на аналогичную тему.

Мария Сепеш завоевала интерес читателей тремя необычными, психологически напряженными романами. Из них наиболее удачным, пожалуй, можно на-

звать «Зеркальную дверь в море» — роман, который совершенно по-новому подает знакомую тему «встречи миров», представив нам жизнь подводных городов будущего со всеми ее сложностями и противоречиями.

Далее следует многочисленная группа писателей, причисляемых более или менее к одному поколению. Дюла Фекете, Эрвин Дертян, Дюла Хернади, Лайош Мештерхази, Петер Жолдош, Золтан Чернаи, Миклош Ронасеги, Ласло Немеш, Клара Фехер, Дежё Кемень — если перечислить лишь наиболее известных — входят в эту группу, но только по возрасту, потому что по содержанию и жанру своих произведений и по творческой манере они резко отличаются друг от друга. Дюла Фекете, полемически заостряющий актуальные проблемы, — подлинный утопист. Дюла Хернади — писатель, экспериментирующий в области современной художественной формы, любитель парадоксов. Лайош Мештерхази реагирует на проблемы, волнующие человечество в целом, столь же чутко, как и на нужды собственной страны. Золтан Чернаи свою трилогию, вскрывающую жгучие тайны, сумел написать в спокойной, классической повествовательной манере. Эрвин Дертян использует роботов, чтобы высмеять диктаторов или капиталистических дельцов, спекулирующих на сокровенных чувствах человека. Петер Жолдош в своих увлекательных, отлично скомпонованных романах повествует о приключениях космонавтов будущего, о жизни на далеких планетах или о силе человеческого духа, побеждающего даже смерть. Дежё Кемень — превосходный мастер научно-фантастических детективных рассказов. Клара Фехер, обращаясь порой к юному, порой к взрослому читателю, рассказывает поучительные притчи об «острове землетрясений», или о необычной общественной структуре «Оксигении». Сюжеты книг Миклоша Ронасеги так или иначе связаны с таинственными изо-

бретениями, порожденные его фантазией ученые получают в своих лабораториях удивительные химические соединения или насекомых, наделенных злой волей. Воображение Ласло Немеша привлекают проблемы анабиоза и искусственного охлаждения. Однако самое время остановиться, иначе перечислению нашему не будет конца.

К следующей группе — но опять-таки лишь по возрастному принципу! — можно отнести писателей, сравнительно недавно вошедших в литературу; это авторы отдельно изданных романов или сборников рассказов: Петер Сентмихайи Сабо, Кальман Папай, Иштван Касаш, Бела Балаж и другие, чьи имена вряд ли стоит тут перечислять, поскольку они мало что скажут советскому читателю. Эти молодые писатели пишут более лапидарно, сжато, предпочитают мелкие жанровые формы; они пренебрегают «традиционными» темами научной фантастики, подыскивая новое содержание для своих произведений. И вообще они заняты поисками новых путей, своим новаторством то повергая редакторов в испуг, то (гораздо чаще) вселяя в них надежду. Многие из этих писателей имеют высшее техническое образование, им больше, чем писателям-«гуманитариям», известно о благословенной и опасной силе науки, должно быть, поэтому они более сдержанны и осторожны, не проявляют энтузиазма к идее «всемогущества» человека и не считают технику панацеей от всех зол.

А вслед за этой писательской волной идут совсем молодые — двадцати-двадцатипятилетние фантасты — со своим поэтическим или шутивным подходом к теме, с присущей им иронией и самоиронией, подчас со стремлением высмеять самый жанр научной фантастики, а стало быть, стремлением новаторским. Они неохотно берутся за написание романов, их жанр — короткий рассказ в две-три странички, они

хотят спасти мир и человечество при помощи своих творений, но желание это бескорыстно и — несмотря на всю их юношескую ироничность — наивно и чисто.

Очень кратко, поистине лишь в самых общих чертах, мы попытались дать обзор венгерской научно-фантастической литературы, рассказали об истории ее развития, основном содержании, упомянули виднейших ее представителей, обрисовали современное положение венгерской фантастики, а тем самым, пожалуй, и наметили возможности и перспективы ее дальнейшего развития.

В заключение скажем несколько слов о характерных чертах венгерской научной фантастики или — в полюбившемся у нас сокращении — «НФ». Конечно, со стороны легче судить, легче было бы определить ее особенности, направления, и все же попытаемся справиться с поставленной задачей.

Традиции венгерской культуры — по большей части рационального и философского плана, нередко связанные с исследованием так называемых «коренных», «решающих» вопросов человеческого бытия. Многие из этих традиций сохранила и научно-фантастическая литература наших дней; и все же современные наши романы и рассказы в меньшей степени тревожат и будоражат душу, в них больше юмора — от обычной шутки до иронии или сатиры. Венгерскую научную фантастику не прельщают чудеса науки и техники, они, эти чудеса, разве что дают повод для развертывания сюжета, приключеческого или вполне будничного. Да в этом и нет ничего удивительного, ведь Венгрия — маленькая страна, она не может похвастать изобретениями, повлиявшими на судьбы человечества. В центре внимания нашей научно-фантастической литературы находится не техника, но человек. И венгерские писатели свидетельствуют об

этом в равной мере как своими произведениями, так и высказываниями в печати.

«Духовная нагрузка человека в наши дни неизмеримо велика, — говорит Золтан Фабиян, автор нескольких интересных научно-фантастических романов. — Сотворить порядок, внутреннюю гармонию в самих себе при таких обстоятельствах подчас кажется абсурдом. Создавать, закладывая порядок — задача искусства. Если научно-фантастическая литература возьмет на себя эту миссию, она может стать человеку доброй помощницей в его ежедневной, ежечасной, непрестанной борьбе за гармонию и порядок...»

Петер Куцка

Пал Молнар
Последний долгожитель

Поллину нравилась жизнь; хотя возраст его и приближался к тремстам годам, ему до сих пор не прискучила собственная молодость. Дни его протекали в покое и благоденствии; он работал, учился, развлекался, много путешествовал, каждый раз в новые, доселе неизведанные края. Одним словом, в этом мире он чувствовал себя превосходно. А между тем целое столетие прошло с тех пор, как он остался единственным из всей группы, подвергшейся эксперименту; прочие его сотоварищи—все двадцать девять человек — давным-давно отказались от этой затеи и прекратили принимать регенератин, чудодейственное средство, провозглашенное в былые времена панацеей от всех бед. И лишь один Поллин держался стойко, пережил своих правнуков и с грустью, но и без чрезмерного отчаяния, одну за другой провожал в последний путь своих жен.

Однако с недавних пор он стал испытывать усталость, какую-то необъяснимую отупляющую лень, которая неожиданно охватывала его, парализовала тело и мысли и надолго отравляла настроение. Поначалу Поллин думал, что все это симптомы легкого недомогания, которое пройдет само по себе, и потому не придавал им серьезного значения. Позднее, однако, он заподозрил неладное, и подозрение это стало крепнуть, хотя он и старался отогнать черные мысли.

Переломный момент в его жизни, когда Поллин

вынужден был признаться самому себе, что с непреходящей молодостью для него навсегда покончено, произошел сегодня, тринадцатого октября две тысячи четыреста четвертого года.

Из уважения к хронологии, а также для того чтобы восстановить причинно-следственные связи, придется проследить ход событий с самого утра. Хотя гнетущие подозрения уже давно одолевали Поллина, в это утро они окрепли и сменились твердой уверенностью.

В самом пробуждении не было ничего необычного: автомат проиграл запрограммированный музыкальный отрывок, после чего револьверный шприц ввел под кожу Поллина небольшую дозу тонизирующего препарата. Затем автоматическая рука влажной губкой обтерла его тело, а струя сухого воздуха и полоскание для рта освежили Поллина и прогнали остатки сна.

На все процедуры ушло не более полутора минут, так как Поллин сам поставил автомат на ускоренный темп: он намеренно вычеркнул из своей жизни излишний комфорт, чтобы сохранить натренированность тела. У его постели стояла шведская стенка с целой системой разных эспандеров, и Поллин каждое утро не меньше часа занимался гимнастикой. И не напрасно: многие молодые люди завидовали его твердым, как камень, мускулам, а хорошо развитый брюшной пресс делал его фигуру юношески подтянутой. Ему удалось сохранить безукоризненную спортивную форму, и физическое здоровье до сих пор ни разу не подводило его.

Однако сегодня утром он почувствовал непреодолимую вялость и лень; такой апатии ему еще ни разу не доводилось испытать. Руки и ноги отказывались повиноваться, и любое даже малейшее движение стоило ему невероятных усилий. Впервые за триста лет жизни он вынужден был прибегнуть к рекламному

тонизатору «психовитал»; он принял тройную дозу стимулятора и только тогда почувствовал его воздействие.

До последнего дня Поллин работал с полной нагрузкой, без всяких скидок на преклонный возраст. В научно-исследовательской химической лаборатории он нес двухчасовую службу наблюдения за приборами. Задача была нетрудная, она никогда не истощивала всей энергии Поллина, но сегодня он никак не находил в себе сил взяться за привычную работу. Лишь сейчас ему стало ясно, что давно затаился в нем непонятный недуг, с которым он никак не желал считаться и избегал даже самой мысли о нем, а теперь им пришлось столкнуться в открытую, и от этого никуда не денешься. Оставался один выход, и волею-неволею Поллин вынужден к нему прибегнуть: теперь уж ему не миновать визита к психиатру.

У Поллина были основания сторониться психической проверки. Неизвестно, чем обернется визит к психиатру, и неспроста многие поговаривали, будто неврологические клиники переполнены.

Поллин опасался, что у него не слишком много шансов ускользнуть от курса лечения: широкий технический прогресс, роботы и подсобные автоматы на все случаи жизни — все это давало человеку огромную власть над миром. Вот почему ученые уделяли такое внимание душевному состоянию людей.

— Прошу, дружище, — доктор Логарн приветливо похлопал Поллина по плечу. — Признаться, меня несколько не удивляет ваш визит. Я был уверен, что если не ко мне, то к кому-то из моих ближайших потомков вы обратитесь непременно.

Поллин нерешительно помедлил у двери. Им овладел страх, как только он почувствовал, что фотоэлементный регулятор захлопнул за ним металлические створки дверей. Как знать, откроются ли они вновь,

чтобы выпустить его? В особенности теперь, после такого «обнадеживающего» вступления Логарна. Наверное, он, Поллин, чем-то вызвал у врача недоверие. Бывает, что совсем молодые люди вынуждены подолгу задерживаться в стенах этого заведения, что же тогда говорить о нем, с его бременем трехсот лет!

Доктор Логарн сел за свой письменный стол.

В обстановке кабинета ни одна деталь не напоминала, что это приемная врачевателя душ. Всю правую стену от пола до потолка занимали полки с книгами, противоположная стена — из цельного кварцевого стекла — служила окном. За спиной доктора мягко колыхались ярко-зеленые листья экзотических растений, пол покрывал красный бахромчатый ковер. Обстановка была скорее по-домашнему уютной, чем больничной.

Однако Поллин прекрасно знал, что камеры, ловко замаскированные всеми этими предметами мирного быта, следят за малейшими оттенками его мимики, точнейший звукоанализатор записывает на магнитофонную ленту каждое его слово, а может быть, и ритм дыхания.

— Прошу вас, Поллин, проходите и располагайтесь как дома, — голос доктора звучал по-прежнему приветливо.

Да только на эту приветливость теперь уже больше никто не клюнет, даже дети и те знают, что это не более как испытанный врачебный прием, призванный внушить пациенту доверие. От такого обращения не успокоишься, а напротив, большого труда стоит унять нервную дрожь.

Поллин опустил в кресло перед докторским столом.

— Выслушайте меня внимательно, друг мой, — доктор Логарн упорно придерживался взятого тона. — У нас, естественно, хранятся результаты всех ваших

медицинских обследований. Нам прекрасно известно, что мы имеем дело с человеком безукоризненного здоровья и стальных нервов, такой человек мог бы прожить мафусаилов век и без всякого регенератина. Но в то же время нельзя забывать о том, насколько рискован ваш эксперимент.

При этих словах доктор поднялся с места, и некоторое время они с Поллином молча смотрели друг другу в глаза.

— Должен признаться, это просто чудо, что вы до сих пор переносили курс без всяких жалоб.

Похвала оставила Поллина равнодушным. Он давно свыкся с тем, что о нем говорят только в таких выражениях, как «чудо», «невероятно», «сенсационно» и тому подобное. У него выработался стойкий иммунитет против такого рода эпитетов.

— Прошу вас, доктор, перейти к сути. Дело в том, что я...

— Да-да, я знаю, — перебил доктор Логарн. — Вы чувствуете утомление и вялость. Едва вы успели переступить порог, дорогой Поллин, как я распознал у вас типичные симптомы неврастении. Скажу больше, мне и не надо было видеть вас; в основном картина была ясна, я знал, что это неизбежно.

Поллин старался казаться невозмутимым.

— Преклоняюсь перед столь искусственным диагностом. Однако мне от этого ничуть не легче. Если вам так досконально известен этот недуг, откройте мне, что меня ждет. Можно ли тут как-то помочь?

— Согласен, Поллин, — тон Логарна стал жестким, — отбросим условности в сторону! Ваша болезнь излечима, при условии если вы сами захотите излечиться.

Доктор Логарн умолк. Тишину нарушал только монотонный, усыпляющий шелест кондиционера.

— По патетике вашего тона я догадываюсь, куда

вы клоните, — сказал Поллин без всякого любопытства или удивления.

— Догадываетесь вы или нет, а я как врач должен сказать вам прямо: прекратите принимать регенератин.

Поллин скроил насмешливую мину.

— И только-то? К этому и сводятся все премудрости вашей науки?

— Другого выхода нет, Поллин. Человеческая жизнь гармонична лишь в естественном единстве со смертью...

— Можете не продолжать! — раздраженно воскликнул Поллин, вскакивая с места. — В вас говорит зависть и только зависть. Я требую немедленно выпустить меня.

— Никто вас не держит, вы знаете, что дверь сама раскроется перед вами, и все же требуете от меня разрешения! — Доктор не в силах был скрыть свое недовольство. — Да вам и не хочется уходить отсюда ни с чем... вам страшно!

Широкая ладонь психиатра с размаху стукнула по стеклянной пластине стола, и стоявший на столе видеофон подпрыгнул и опрокинулся.

— Я пришел к вам за помощью, — запальчиво бросил ему Поллин. — Мне казалось, что вы достаточно опытный специалист. А вами движет заурядная человеческая зависть...

— Да поймите, глупец вы этакий, что я мог бы раздобыть это лекарство, если бы захотел! — взорвался доктор Логарн и тоже вскочил с места.

И врач, и пациент, тяжело дыша, смолкли как по команде: оба понимали, что лучше на какое-то время прервать разговор. Поллину уже мерещились шаги бегущих санитаров, и пальцы его непроизвольно сжались в кулаки. Но дверь не открылась, да и в кабинете не слышно было никаких подозрительных сигнала

лов. Доктор Логарн первым взял себя в руки, он снова сел в кресло и продолжил беседу с пациентом.

— Для вас, Поллин, так же как и для остальных двадцати девяти участников эксперимента, время потеряло всякую ценность. Вам некуда было спешить, для вас не существовало неотложных дел. А в результате все ваши действия и поступки утратили свое значение, по крайней мере в ваших собственных глазах. Вы могли допускать любые промахи и ошибки — у вас было время их исправить, все упущенное вы без труда могли наверстать. Однако должен вам заметить, дружище Поллин, что подобное состояние заманчиво лишь на первый взгляд. Ведь именно оно, это сознание бесконечности времени одним махом выключило в вас неслыханно мощный побудительный фактор. Неужели вы не заметили, Поллин, что ваша жизнь как бы повернулась вспять и стала похожей на зоологическое или растительное существование? Остальные ваши товарищи поняли это — кто раньше, кто позже. Вот и вам следовало бы признать, друг мой, что человеческую природу перехитрить нельзя.

Доктор Логарн вытащил платок и провел им по лбу.

— Я не требую от вас немедленного решения, Поллин. Мне хочется, чтобы вы сами пришли к этому выводу.

— К одному выводу я уже пришел, доктор. А именно: в психологии вы такой же дилетант, как и я.

Поллин резко повернул к двери, а доктор с улыбкой бросил ему вслед:

— Не стану препираться с вами, Поллин. Считайте себя правым. Надеюсь, что в скором времени мы оба поумнеем!

Створки двери, глухо щелкнув, сомкнулись за долгожителем. Доктор поднял опрокинутый видеофон, нажал кнопку включения.

— Есть там еще кто-нибудь? — усталым голосом спросил он у ассистентки.

День медленно тянулся к вечеру. Вытянувшись в кресле перед телевизионной стеной-экраном, Поллин с наслаждением приканчивал свою обычную порцию фруктового концентрата. Он часто поглядывал на часы, с нетерпением ожидая прихода Далмы, чтобы рассказать ей о смехотворном предложении этого недоучки-доктора. Однако она что-то задерживалась.

Далма, восьмая жена Поллина, была от природы умна и на редкость красива. В двадцать лет она вышла за Поллина и, судя по всему, была с ним счастлива. Всемирная слава мужа принесла известность и ей. У них было двое детей, и Далма растила их с нежностью и заботой. Годы мелькали один за другим, и вот уже в волосы Далмы закралась седина, ее фигура, некогда стройная, расплылась, а скользящая и плавная походка сменилась тяжелой поступью. Поллин все чаще оставлял жену по вечерам в одиночестве под тем предлогом, что неплохо бы заглянуть в бар поболтать с молодежью и потанцевать с девушками.

Между тем он любил ее. Он любил каждую из своих жен, но, пожалуй, Далма была ему милее всех. Его постоянно преследовало чувство, будто между ними так и не установилось подлинной близости, и поэтому он помимо воли вел нескончаемую борьбу — с ней, за нее. Вот и сейчас, пока Поллин смотрел стереокартины на телевизионной стене-экране, мысль о жене не покидала его. Он так глубоко задумался, что не слышал, как приоткрылась дверь, и спохватился, лишь когда жена остановилась рядом с его креслом. Вздвигнув от неожиданности, он посмотрел на жену, и внезапно им овладел страх. Лицо Далмы, всегда так

пленявшее его зрелой женской красотой, сейчас неузнаваемо изменилось: губы нервно подергивались, глаза глубоко запали, веки припухли и покраснели; видно было, что Далма недавно плакала, от всего ее существа веяло тревогой и отчаянием. У Поллина перехватило горло. Он чувствовал, что случилась беда, но не мог или не решался спросить, в чем дело.

Женщина заговорила первой. Голос ее чуть дрожал, но на лице застыла холодная, непоколебимая решимость.

— Поллин, я должна сказать тебе прямо: я ухожу от тебя.

— Что случилось? — Поллин почувствовал, что бледнеет.

— Ничего.

Далма направилась к двери.

Поллин вскочил с кресла, точно подброшенный катапультой.

— Далма, родная, — произнес он срывающимся голосом, пытаясь удержать жену за плечи. — Скажи мне, что все-таки случилось?

— Абсолютно ничего, Поллин, — ответила женщина, не глядя на него. — Я ухожу... потому что мы с тобой не пара. Мне все это не под силу, я старею.

— Далма, дорогая моя, но ведь все это было известно нам заранее... И потом ты же знаешь, что я люблю тебя и буду любить...

— Да, знаю. И после моей смерти станешь навещать урну с моим прахом... точно так же, как сейчас навещаешь своих прежних жен. Нет, Поллин, я этого не хочу. Лучше мне уйти.

Поллин стиснул ее руку.

— И ты бросаешь меня в такую минуту... — проговорил он медленно, словно обращаясь к самому себе.

— Пусти меня, — женщина попыталась высвободиться, — нет никакого смысла тянуть дальше...

Поллин выпустил руку жены.

— Далма... а как же наши дети?

— Дети?.. — Далма окинула Поллина язвительным взглядом. — Да они скоро обгонят тебя. Чего ты от них ждешь? Они и не воспринимают тебя как отца... — У нее прорвались долго сдерживаемые горькие слезы. — Даже надо мной они посмеиваются, зачем я вышла замуж за эту живую мумию...

— Далма, выслушай меня! — Поллин хотел обнять жену.

— Оставь меня в покое! — с досадой бросила женщина и, оттолкнув его, выбежала из комнаты.

«Вам грустно? У вас плохое настроение? Примите психовитал, и жизнь опять улыбнется вам!» — слышался назойливый текст телерекламы.

Поллин повернул голову и успел захватить кадр: актриса с лучезарной улыбкой протягивала зрителю зеленую коробочку этого волшебного снадобья.

К полуночи двое мужчин коротали время у стойки бара.

Сквозь матовое затенение на потолке просачивался мягкий красноватый подсвет, наполняя овальное помещение бара приятным полумраком и уютной теплотой. Кроме этих двух мужчин все танцевали, оркестр, поддавшись общему приподнятому настроению, играл вот уже час без перерыва.

Горд, не скрывая скуки, томился разговором. Он ритмично покачивался в такт музыке, с завистью поглядывая на танцующих. Стоило кому-то из них посмотреть в сторону сидящих, как Горд с улыбкой кивал и поднимал свой бокал с виски.

— Постарайся понять меня, Горд, — в третий раз повторил Поллин и одним духом опрокинул в себя виски.

Горд, облокотившись о стойку, посмотрел Поллину прямо в глаза.

— Вот что, приятель, — начал он решительным тоном, с оттенком нетерпения. — Я буду с тобой откровенен, потому что остальные не решатся высказать тебе правду: мы не понимаем и никогда не могли понять тебя, старина.

Поллин отказывался верить своим ушам. Лишь какое-то время спустя он, запинаясь, выдавил:

— В каком... смысле?..

— Не скрою, — спокойно продолжал Горд, — мы тебя ценили как своего рода научный феномен. Ценили, но не более того, Поллин, ведь мы постоянно чувствовали, что ты — нам не ровня. И оттого никто не любил тебя, Поллин... Ты считал меня своим лучшим другом. Это верно, я действительно относился к тебе лучше других. Именно поэтому мне кажется, Поллин, нам лучше объясниться начистоту. Так знай же: мы никогда не понимали тебя и никогда не пойдем.

Поллину хотелось убедить себя, что Горд просто шутит.

— Но, послушай, ведь мы неплохо проводили время, когда бывали вместе... и вы, казалось, рады мне...

Горд резко перебил его.

— Это верно, Поллин. Мы радовались твоему обществу и сейчас радуемся. Но до сегодняшнего вечера мы знали другого человека: не подопытного кролика, занудного нытика и пессимиста, а неизменно молодого Поллина, великого долгожителя, единственного и неповторимого. С ним мы всегда готовы посмеяться и выпить, и девушки гордятся, когда он танцует с ними. Так вот, старина, нам нужен такой Поллин. Очень тебя прошу, дружище, перестань ныть, меня с души воротит от твоих нудных исповедей о рухнувшей семейной жизни и о дураке-докторе. Давай пропустим еще по одной и пошли танцевать!

Поллин почувствовал сильнейшее головокружение. Не от виски, хотя напиток был выдержанный — запасы XX века. Слова Горда его ошеломили. Бутылки, стойка, зажженные светильники, кресла, столы — все заплясало у него перед глазами, когда он, соскочив с табурета, потащился к кабине видеофона. Ему необходимо было поговорить с Далмой, и как можно скорее. По счастью, из памяти его карманного компьютера еще не стерт кодовый номер родителей Далмы. Зайдя в кабину, он тотчас разыскал этот код и нажал соответствующие клавиши. Пустой экран долгие минуты вибрировал перед глазами, потом появилась Далма; у нее было утомленное, заспанное лицо.

— Далма, родная моя!.. — воскликнул Поллин.

Женщина устало провела рукой по глазам.

— Это ты, Поллин... Что тебе нужно?

— Далма, любимая, — ласково проговорил Поллин, — я брошу принимать регенератин и тоже состарюсь... — наклонившись вплотную к микрофону, он прокричал во весь голос: — вместе с тобой!

Женщина молчала, уставившись перед собой сонным взглядом.

— Ты слышишь меня, Далма?.. — воскликнул он.

— Теперь это уже не важно, Поллин, — тихо ответила Далма. — С меня хватит.

Поллин молчал, лицо его окаменело.

— Я всю себя отдала тебе, Поллин, — так же тихо продолжала женщина. — А взамен получила лишь жалкие крохи... ты всегда оставался чужим... С меня хватит, Поллин, я не желаю начинать все сначала. Прощай!

Отображение стало бледнее, отдалилось, экран опустел.

Поллин успел почувствовать только, как колени его подгибаются.

Когда он открыл глаза, то встретил взгляд Горда —

холодный, изучающий. Затем и бывший приятель исчез из поля зрения.

Зато откуда-то из непомерной дали вдруг выплыли веселые ребячьи лица: давно забытые друзья детских игр улыбались ему; перед ним возникло доброе материнское лицо, мать смотрела на него пристально и озабоченно, как прежде; а вот девушка, которую он полюбил впервые в жизни, улыбнулась ему радостно и безмятежно, и оба они рассмеялись, звонко и от души, как смеются только в юности...

Вой сирены спугнул видения. Поллин приоткрыл глаза, и белый электрический свет ослепил его. Сильные руки с профессиональной сноровкой подхватили его под мышки, подняли, понесли.

И в эту минуту великий долгожитель почувствовал себя жестоко обманутым.

Эрвин Дертян

Блеск и нищета кибернэросов

Ниже мы приводим отрывки из романа «Блеск и нищета кибернэросов».

Действие его происходит в конце XX века в некоей Новобургундии. Наука и техника достигли столь высокого уровня развития, что сделали возможным весьма необычное изобретение. Профессор Палевский создает робота, внешне не отличающегося от живого человека. Роботы-кибернэросы были сконструированы для того, чтобы изгнать из жизни человека тягостные муки, связанные с любовью, — ревность, измену, тоску. Но находчивые политики приспособливают кибернэросов и для деловых целей, благо интеллектуальный багаж политического деятеля Новобургундии, включая самого президента, не превышает возможностей среднего кибернэроса. Не случайно живого президента принимают за его кибернэроса — разницы между ними нет.

Изобретение Палевского производит сенсацию. Оно с каждым днем завоевывает все больше сторонников, и отдельные голоса противников новшества, вроде журналиста Ги Дорнана, который пытается доказать, что любовь, даже со всеми ее муками, — это самое прекрасное проявление человеческой сущности, тонут в общем хоре восторгов.

Торжественно и весело готовилась столица и вся Новобургундия к великому дню, когда профессор Палевский на приеме в Академии продемонстрирует представителям науки и печати первый экземпляр кибернэроса-мужчины. Правда, о предполагаемой сенсации уже «пронюхала» — выражаясь профессиональным языком — газета «Le Midi». Ловкий репортер из этой газеты спросил у профессора Палевского, что он намерен делать с первым кибернэросом-мужчиной.

— Как и в случае с кибернэросом-женщиной, преподнесенной президенту, я буду стремиться, чтобы киб попал в надежные руки, — уклончиво ответил профессор.

После столь наивно-дипломатической фразы от репортера не потребовалось большой сообразительности. Он тотчас обратился к обладательнице «надежных рук» — супруге президента республики с вопросом: как она поступит в случае, если профессор Палевский подарит ей плод своей творческой мысли?

На беседе случайно присутствовал сам президент, господин Маладруа, и, прежде чем его жена успела ответить, он пояснил:

— Мы обсудили возможный вариант. Моя жена придерживается мнения, что это эпохальное открытие представляет собой большую культурно-историческую ценность, и было бы несправедливо оставить его в частном пользовании. А потому она решила подарить кибернэроса Национальному музею.

Супруга бросила на мужа испепеляющий взгляд, но, естественно, не могла противоречить президенту.

Таким образом, программа приема не являлась тайной. Президент Академии в краткой речи поздравит профессора Палевского, который затем в нескольких словах ознакомит собравшихся со своим изобретением и передаст его первой даме республики. Та

поблагодарит ученого и после того, как с кибернэроса, словно с обычного памятника, соскользнет покрывало, передаст робота директору Национального музея. В конце церемонии профессор Палевский ответит на вопросы, если таковые возникнут.

Так была задумана официальная часть. При ее подготовке особое внимание обратили на то, чтобы не повторился скандал в Сорбонне, когда известный своей чудаковатостью профессор Палевский, демонстрируя первых кибернэросов-женщин и желая показать их в самом выгодном свете, устроил в храме науки стриптиз. Но прием в Академии должен был стать более эффектным зрелищем, чем пресловутая лекция в Сорбонне. Дипломатический корпус явился в полном составе, во фраках и смокингах, а дамы в вечерних туалетах, тем самым отдавая должное пионеру науки. Актальный зал Академии встречал гостей праздничными огнями, и, хотя вход был строго ограничен, допускались только избранные, тем не менее приглашенных набилось сверх меры. Особый интерес к предстоящему событию проявляли международная пресса, радио, телевидение и кинообъединения.

Благодаря тщательной подготовке все проходило по заранее продуманному плану. Президент республики, министры, члены дипломатического корпуса, светила науки — все с цилиндрами в руках, как на открытии художественной выставки, — обступили скрытого покрывалом кибернэроса. Рядом стоял президент Академии и произносил никому не нужное вступительное слово. За ним виднелись тесные ряды гостей чином поменьше, но тоже довольно высокого ранга — политические, общественные, научные деятели и корреспонденты. Вдруг раздались оглушительные аплодисменты, возгласы, вспышки юпитеров: к микрофону подошел профессор Палевский.

«Что скажет он, этот беспокойный ум? Какой но-

вый сюрприз преподнесет человечеству?» Этот вопрос был на устах у всех. Палевский неловко поклонился — он никогда не умел преподнести себя широкой публике — и тихим, дрожащим голосом начал:

— Ваше превосходительство господин президент, господа министры, уважаемые гости, дамы и господа! Я не стану пространными объяснениями отнимать у вас дорогое время. Хочу лишь привлечь ваше внимание к двум основным идеям, которые руководили мной при создании кибернэросов. Первый кибернэрос действительно запрограммирован для выражения сущности, так сказать, самого мужественного в мужчине: силы воли, характера, нравственной и физической чистоты. Сейчас же я стремлюсь доказать то, что в случае с кибернэросом-женщиной многие подвергали сомнению, а именно: при изготовлении кибернэроса возможно учесть все индивидуальные пожелания, иными словами, кибернэросы могут быть созданы по образу и подобию, вкусу и желанию любого из нас. Сейчас, когда я завершил свой труд и в знак уважения вручаю его первой даме Новобургундии, я смею надеяться, что мне удалось создать робота, который удовлетворит ее всем известному тонкому артистическому вкусу, и выразить своим изобретением то глубокое уважение и благодарность, которые она по праву заслуживает, вдохновив меня на это начинание и оказав ему всяческую поддержку.

Последовали бурные аплодисменты, и профессор с чуть интригующей улыбкой уступил место следующему оратору: сейчас была очередь супруги президента. Несколько смущаясь при свете юпитеров, она подошла к микрофону.

— Дамы и господа! Мне выпала честь официально представить вам эпохальное изобретение, гениальную находку нашего великого ученого, первый образец кибернэроса-мужчины, и тем самым как бы утвер-

дпись выпуск в свет кибершэроса-мужчины, подобно тому как мы отправляем в славный путь корабли. Я глубоко осознаю возложенную на меня почетную задачу; благодаря профессору Палевскому я первая из всех женщин мира удостоилась чести назвать кибершэроса своим.

Здесь она на мгновение запнулась, взглянув на своего мужа; на лице его играла ироническая и вместе с тем самодовольная улыбка. Это внезапно привело ее в ярость. В ушах ее все еще звучали слова профессора Палевского... «самое мужественное в мужчине: сила воли, характер..». А перед ней, словно в насмешку, расплывались водянистые глаза низенького, сутулого, пузатого президента. В ней проснулось неожиданное упрямство... Так нет же, нет, она не позволит выставить себя на посмешище! Не отдаст музею своего кибершэроса! Но ведь и мужа нельзя представить обманщиком: как-никак президент республики. К тому же печать уже сообщила о передаче кибершэроса музею.

В этот момент в точном соответствии с протоколом из аудитории вышел директор Национального музея, готовый принять кибершэроса. Президент кивком подбодрил супругу. За спиной секретарь шепотом все громче подсказывал ей заранее подготовленный текст: «Это неоценимое по значению открытие...»

Она сделала над собой усилие, и опять потянулись заученные фразы:

— Это неоценимое по значению открытие — столь же важная веха в истории культуры человечества, как печатный станок Гутенберга, первый маятник Галилея, первый барометр Торричелли, первый фонограф Эдисона, первый рентгеновский аппарат, первый аэроплан, кино, атомный реактор, искусственный спутник... Было бы нескромным объявить это общечеловеческое достояние собственностью одного человека.

Я надеюсь, что поступлю в традициях нашего всеми любимого и уважаемого благородного ученого, приняв решение: первого кибернэроса-мужчину сделать общим достоянием Новобургундии и передать его Национальному музею... — Тут она снова взглянула на самодовольное лицо мужа и добавила: — После моей смерти.

Президент весь скривился, словно его ущипнули, и уронил цилиндр. Директор Национального музея невольно развел руками, словно вопрошая, что теперь делать? А госпожа президентша с победоносным видом продолжала:

— Пусть эта историческая реликвия принадлежит всем... после моей смерти. Пусть она станет достоянием нации и славит непреходящий бургундский гений. А теперь позвольте представить вам это великое изобретение нашего времени, этот символ человеческого равноправия.

С этими словами она подошла к кибернэросу и, сама сгорая от любопытства, под бурные аплодисменты присутствующих потянула ленточку. Покрывало с мягким шелестом упало, и... она остолбенела при виде первого кибернэроса-мужчины, ставшего отныне ее собственностью, этого символа силы воли, мужественности... Перед ней была копия ее мужа.

Да, еще один президент Новобургундской республики стоял перед ошеломленным новобургундским президентом. Сутулый, пузатый, во фраке и крахмальной манишке, с цилиндром в руке. Тот же лоб, нос, рот, те же глаза. Сходство особенно бросилось в глаза в тот момент, когда кибернэрос подскочил к подлинному президенту, чтобы подать ему упавший цилиндр, и при этом со всем известной президентской неуклюжестью уронил свой собственный, и оба, говоря абсолютно одинаковыми голосами, принялись

раскланиваться и обмениваться любезностями, пропуская друг друга вперед.

Киноаппаратуру забыли выключить, и она увечила эту сцену — недоуменное лицо президентши, словно вопрошавшее: кому нужен второй, достаточно и одного такого... изумление публики, багрово-синие от сдерживаемого смеха лица гостей, толпу министров, дипломатов, академиков, бестолково топчущихся вокруг двух совершенно одинаковых фигур, в глазах которых при взгляде друг на друга мелькал одинаковый ужас.

Нет, судя по всему, профессору Палевскому действительно не везло с публичными выступлениями. Он вновь оказался виновником общественного скандала, а между тем намерения у него были самые лучшие. И в самом деле, что может быть убедительнее наглядного доказательства?.. К тому же он искренне уважал президента, считая это своим гражданским долгом.

Наконец, госпожа президентша вспомнила, что одну фразу из своей речи она не досказала. И то ли в замешательстве, то ли желая спасти положение и забыв, что ранее она намеренно опустила эту фразу, — словом, она прокричала в микрофон:

— А теперь я прошу вас, господин директор, принять от меня этот подарок, — тут она несколько замешкалась, но быстро нашлась: — ...на сохранение до тех пор, пока он не перейдет в полную собственность музея.

Только этого еще недоставало: процедуры передачи музею одного из двух одинаковых президентов! Взгляды присутствующих блуждали по полу, потолку, окнам. Многие подносили ко рту перчатки или платки, пряча улыбку. Лица гостей кривились, горло сжимали спазмы, грудь вздрагивала от беззвучного смеха.

Когда же директор музея, которому по программе полагалось благодарить за щедрый дар, в нерешительности стал протягивать руки то к одному, то к другому президенту, не зная, кого же из них следует принять для музея, сдерживаемый смех прорвался со стихийной силой и присутствующие разразились гомерическим хохотом.

О благословенны театры, где в крайнем случае, когда скандал уже неизбежен, можно опустить занавес! У лиц, действующих на арене общественной жизни, такой возможности нет. Один из двух президентов Новобургундской республики — и кто мог поручиться, который из них настоящий! — раздраженно, но, разумеется, шепотом прохрипел директору Национального музея, чтобы тот забрал наконец этого похожего на него идиота, в то время как другой изысканно вежливо, даже галантно, как и подобает государственному мужу, протянул директору руку и представился: — Маладруа, президент республики.

Директор музея бросил отчаянный взгляд на единственного человека, который мог хоть как-то спасти положение, — на профессора Палевского; поняв ситуацию, тот поспешил на выручку. Но в общей неразберихе даже он теперь уже не мог с уверенностью сказать, где президент, а где кибернэрос. Когда же Палевский приподнял фрак одного из них и стал нащупывать нужный позвонок, чтобы остановить механизм, тот, кого он принял за кибернэроса, завизжал как от щекотки и, вместо того чтобы замереть на месте, вдруг бросился прочь, смешавшись с толпой приглашенных...

До предусмотренных программой вопросов очередь так и не дошла. Прием, произведший глубокое впечатление на его участников, закончился. Успех кибернэроса-мужчины превзошел все ожидания...

Со временем киберэросы стали органичной и непрременной частью повседневной жизни и уже ни у кого не вызывали удивления, как автомобили или, скажем, самолеты. В метро, в парках, на улице стало естественным и привычным видеть, как мужчина или женщина целуется со своим киберэросом. В Сорбонне установилась традиция устраивать ежегодный бал со стриптизом в честь изобретателя киберэросов. Повсюду открылись салоны кибов. Печатались всевозможные медицинские труды о применении киберэросов.

В искусстве возникла особая кибернэротическая школа, которая провозгласила своим лозунгом замену человека отображением киберэросов (ведь киберэрос — существо более высокого класса, нежели человек, поскольку он лишен таких декадентских пережитков, как ощущения и разум). Любовь и взаимопонимание можно встретить только у киберэросов, то есть существ, не способных ни на какие чувства и рассуждения. Совершенное человеческое общение неосуществимо между людьми, человеческое — в метафизическом смысле слова — может быть лишь сверхчеловеческим, механическим.

Это направление за короткое время стало господствующим в творческой жизни страны. Сторонники кибернэротической литературы объединились вокруг журнала, в первом номере которого они провозгласили свои принципы: «Современной литературе не нужны ни разум, ни чувство». «Современная литература развивается под знаком инстинкта. И слова в ней терпимы лишь постольку, поскольку их взаимосвязь и взаимозависимость не выражают ни чувства, ни мысли». «Цель поэзии — показать элементы инстинктов и страстей в кибернэротических отношениях, следовательно, подлинная поэзия может мириться лишь со словами-импульсами, которые иной раз могут быть

Позднее литературная школа распалась на два крыла. Либералы признавали, что писатель может допустить осмысленность текста тогда и только тогда, когда этот текст выражает бессмыслицу. Логика и психология допустимы в поэзии, если они применяются для выражения бессмыслицы, то есть подчеркивают мудрость и поэтическую красоту отображаемого абсурда. Ортодоксальные же кибернэротики вообще отрицали право на существование какой-либо мысли и логики.

Кибернэросы вызвали к жизни новые отрасли промышленности, революционизировали моду, культуру интерьера, кулинарное искусство, производство легковых автомашин — словом, всю неуропейскую цивилизацию. На железной дороге — после долгих споров, считать ли кибов багажом или пассажирами, — было решено, что если кибернэрос занимает сидячее место, следует платить полную стоимость, если же хозяин сдает его в багаж, то он приобретает билет за полцены. В некоторых ресторанах повесили объявления у входа: «Собакам и кибернэросам вход воспрещен». Но в Новобургундии это начинание позорно провалилось. Новобургундские граждане восприняли его как ущемление своих суверенных прав. А вот в Соединенных Штатах — единственной стране, где не прижились кибернэросы, — долгое время висели дискриминационные объявления, вроде «Собакам, неграм и кибернэросам...» или «Собакам, неграм, евреям и кибернэросам...» или «Неграм, желтым, евреям, кибернэросам..» — и т. д. — «...вход воспрещен». Однако постепенно кибернэросы исчезли с этих вывесок, поскольку сравнение кибернэросов с определенными категориями людей вызывало возмущение. Кроме того, особенно в случае с кибернэросами высшего класса, запрет был практически не осуществим, поскольку разница между кибернэросами и людьми неуловима

простым глазом. Нередко случались пренеприятные сцены, когда официанты с помощью лупы пытались разглядеть известных и уважаемых людей, вроде кинозвезд или сенаторов. Папская энциклика положила конец попыткам дискриминации даже со стороны консервативных кругов.

Но один вопрос по-прежнему оставался нерешенным: какое место отводить кибернэросам в этике. А кибернэросы особ, занимающих высокое положение? Как надлежит к ним обращаться? Что должно отличать кибернэросов графов от кибернэросов баронов, герцогов, не говоря уже об эрцгерцогах? И вообще, может ли кибернэрос обладать титулом?

По всей видимости, кибернэросы прочно укоренились в новобургундском и во всем неуропейском обществе. Публиковалось все больше работ по социологии, репортажей и журнальных статей, авторы которых взывали к совести общества, пытались расшевелить и потрясти ее, чтобы преодолеть духовную отсталость, сексуальную скудость отдельных — немало важных — областей, провинций и слоев населения. Красноречивыми документами и неопровержимыми фактами эти авторы доказывали, что весьма значительные слои рабочих и крестьян лишь по серости отказываются от кибернэросов. За временными мерами — разъяснительной работой, государственными кредитами, пособиями — последовали более радикальные: бесплатное распределение кибернэросов для изменения нетерпимых в наш век отношений. Однако правительство, стремясь к разумному прогрессу, отвергло демагогический радикализм и провозгласило своим принципом постепенную ликвидацию этих гигантских белых пятен на карте культуры.

Когда первый приступ гнева несколько утих, профессор Палевский решил более обстоятельно позна-

комиться со злосчастным номером «La Voix Humaine», этой грязной газетенки, стоящей ниже всякой критики. Он решил поднять брошенную ему перчатку и хорошенько проучить этих нахальных молодчиков. За всю его более чем тридцатилетнюю деятельность не было ни одного случая, чтобы кто-то осмелился поставить под сомнение серьезность и основательность его научной работы. Напротив, профессор славился именно чрезмерной осторожностью и сотни раз проверял результаты, прежде чем их опубликовать.

На сей раз он не только проверил и перепроверил все расчеты на самой современной кибернетической счетной машине, но и по своему обыкновению каждый вывод, который лежит в основе конструкции кибернэроса, подверг дополнительной проверке на ультрасовременном кибернетическом комплексно-комбинационно-логико-аналитическом приборе. А общеизвестно, что логические машины не ошибаются, особенно машины конструкции Палевского. Еще ни разу не было зафиксировано, чтобы при правильно поставленном условии машина выдала неправильное суждение независимо от того, о чем шла речь: о порядке маневрирования железнодорожных составов на вокзале, о распределении машинного парка на новом предприятии или о какой-либо другой инженерно-технической задаче. Более того, были попытки использовать логические машины даже в практике судопроизводства. Например, с их помощью в Сан-Франциско вынесли приговор по делу о разводе отца троих детей, который изменил жене. Известнейшие юристы и психологи анализировали решение машины и не обнаружили в нем ни одной юридической или логической ошибки. Правда, на другой день подсудимый покончил с собой, но этот его поступок уже выходит за пределы точных наук.

Итак, профессор Палевский всеми возможными способами стремился проводить испытания конструкции кибернэроса. Вначале он сопоставил применяемые им при конструировании кибернэросов химические вещества с элементами, составляющими человеческий организм. Машина четко показала, что искусственные материалы по меньшей мере равноценны природным элементам, за исключением случаев, когда они качественно превосходят последние. Точно так же Палевский поступил и с координацией движений кибернэроса, в том числе любовными действиями и т. д. Во всех случаях машина высказалась в пользу кибернэроса. Наконец, он запрограммировал эти действия, вместе взятые, и, как следовало ожидать, машина ясно, логически неопровержимо показала, что все они по крайней мере равноценны человеческой любви.

Профессор Палевский удовлетворенно потирал руки, вспоминая, с какой скрупулезностью и осматривательностью производил он проверку своих опытов. «И это они хотят опровергнуть», — думал он с тайным злорадством и решил возбудить открытый процесс против безответственных клеветников. Ведь в конце концов на карту поставлена его научная репутация.

С этим приятным чувством он принялся за чтение статьи Дорнана. Неожиданно ему в голову пришла мысль подвергнуть анализу логической машины саму статью. Да, это будет достойным ответом. Посмотрим, выдержат ли аргументы противника те испытания, которые столь блестяще выдержал ход его мыслей.

Журналист в качестве эпиграфа к своей статье выбрал два стихотворения. Одно из них принадлежало средневековому трубадуру и на языке того времени звучало совсем неплохо:

Больше всего на свете
я ненавижу день,
Который нас разлучает,
любимая нежной любовью!
Но еще больше, чем день,
я ненавижу солнце —
Вестника дня.

Профессор прочел перевод и логически сформулировал его содержание: поэт ненавидит день, потому что тот отделяет его от любимой. «Ну, а теперь посмотрим, что он хочет этим сказать», — подумал Палевский и задал вопрос своему верному другу — кибернетико-логической машине. Если поэт ненавидит день, потому что тот отделяет его от любимой, задал он первую посылку, а ночь не ненавидит, то что же отделяет его от любимой? Машина ответила через секунду: свет. Профессор поставил следующий вопрос. Если именно свет разлучает поэта с любимой, то какова причина этого? Машина вновь защелкала — и вот уже готово логически неопровержимое следствие: поэт лишен зрения, он слеп.

Профессор Палевский почесал затылок. Что хочет сказать поэт своей слепотой? Но как бы там ни было, на все легко получить ответ: ведь прибор запрограммирован не только на зрительные, но и на слуховые и осязательные раздражения. Профессор продолжил анализ второй цитаты, на сей раз из стихотворения Аполлинера. Дорнан с помощью этих двух поэтов, столь далеких друг от друга по времени, хотел дать читателю почувствовать непреходящую красоту и вечность любви.

О Лу, я вновь говорю с тобой о любви.
Любовь воскрешает сердце, как солнце рождает день.

Если любовь воскрешает, как солнце, тогда данное лицо (профессор поставил вопрос, и ответ не заставил себя ждать) — солнцеклонник.

Слепой солнцеклонник! Вот чертовщина! Если этот журналист и дальше во всем столь же последователен, просто не стоит тратить на него время. «Для солнцеклонников я и в самом деле не могу создать кибернэроса, ни для слепых, ни для зрячих, я могу создать автомат лишь для тех, кто обладает естественными человеческими инстинктами», — ворчал Палевский, постепенно заинтересовываясь содержанием статьи. Дорнан, как было договорено с главным редактором, в начале статьи знакомил читателя с изобретением профессора, причем не скупился на похвалы гениальности и технической изобретательности автора. Стало быть, этим Палевский мог быть доволен. Он просто не понимал, какие еще могут быть возражения против его открытия. Дорнан задает вопрос: «И почему я все же утверждаю, что кибернэрос, — который как конструкция заслуживает всяческого одобрения, — по сути своей блеф, одурачивание народа, профанация и унижение человека?» И далее продолжает: «Человек — это звучит гордо», — писал Горький. Венец творения, как принято говорить. Самое развитое и сложное живое существо, *Ното сариелс*, как он себя называет. Можно ли низводить человека до уровня машины? Как же можно любовь, эту сугубо человеческую функцию, специфическую потребность удовлетворить без человека-партнера?»

«Ну, наконец-то, после множества возвышенных фраз хоть одно здравое суждение, которое можно проверить», — подумал профессор. Как бишь оно звучит: можно ли специфически человеческую потребность удовлетворить без человека-партнера? Чтобы упростить вопрос, он заложил в машину еще более доступную фразу. «Если человек специфически человеческую потребность удовлетворяет с помощью человека-партнера, то он...» Машина с привычной быстротой подсказала ответ — людоед.

Больше сомнений не оставалось: господин журналист защищает людоедов! Профессор поставил вопрос в несколько более усложненной форме: «Если человек удовлетворяет специфически человеческую потребность с помощью человека-партнера, но не является людоедом, что из этого следует?» Машина работала медленно, она щелкала довольно долго, а затем дала сразу три ответа: а) его подвергают искусственному питанию, б) он гомосексуалист, в) он предприниматель, эксплуатирует чужую рабочую силу.

Профессор успокоился, но, чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, поставил еще один вопрос в косвенной форме: «Если человек удовлетворяет человеческую потребность без помощи человека-партнера, кто он?» И снова получил три ответа: а) отшельник, б) онанист, в) в безлюдной глуши справляет собственные нужды.

Профессор продолжал читать статью.

«Любовная жизнь в ее современной форме — такое же проявление человеческой сущности, как и любая другая наша деятельность; любовь — это совокупность инстинктов, воплощенных в человеке, однако она значительно более слепого, неосознанного инстинкта живого существа, в ней заключается то, что возвышает человека над животным».

Профессор сначала проверил первую часть фразы с помощью ранее испытанной формулы: «если... то...». «Если любовная жизнь в ее современной форме является одним из проявлений человеческой сущности, — поставил он вопрос, — то человек в его современной форме...» «...животное», — прозвучало неопровержимое суждение машины. «Если именно любовь возвышает человека над животным, то любовь...» «...это мышление», — дала машина логически безошибочный ответ.

Профессор Палевский вздохнул. «Противоречия, сплошные противоречия в каждой фразе, ведь животное не способно мыслить», — торжествующе заключил он. Это такая ерунда, что логически мыслящему человеку даже не стоит ею заниматься.

Теперь он просто наугад выхватывал куски из статьи: «Если любовь красит нашу жизнь... то любовь...» «...лакмусова бумажка». «Если любовь — одно из высших проявлений души, то...» «...любовь — это молитва», — поочередно проверял он утверждения Дорнана. «Если человек — это такое психологическое единство, в котором психика неотделима от биологии, то есть соединение тел невозможно без участия душ, значит...» «...любовный акт — это переселение душ, а сама любовь — основной догмат буддистской религии».

Очевидно, наш друг Дорнан в своем благородном порыве защитить справедливость прибег к поэтическим гиперболам, ибо трезвый машинно-логический анализ статьи привел профессора Палевского к фантастическим результатам. Вот некоторые из них: «Любовь — это жареное сало на вертеле». Так расшифровала машина фразу Дорнана: «Какая-то неведомая и в то же время знакомая извечная стихия охватывает влюбленного, проникает в него, он чувствует себя так, словно огонь сжигает его, словно он растворяется в другом существе, которое поглощает все самое благородное в нем». «Любовь — щебетание птиц». (Расшифровка фразы: «Спонтанная песнь природы».) «Любовь — диссертация на историко-философскую тему». (У Дорнана: «Явление, возникшее в ходе исторического развития человека и вобравшее в себя его принципиальную суть».) «Любовь — игра в водное поло». (Соответственно в тексте: «Любовь облегчает тяжесть жизни, и мы как бы парим в ее среде, словно само счастье затеяло с нами шумную и весе-

лую игру».) И так далее... Ответы следовали один за другим и все более неожиданные.

Дорнан чувствовал, что так он далеко не продвигается. Борьбу надлежало каким-то путем активизировать, вернуть проблему с небес философии обратно на землю, а одними статьями не сдвинешь дела с места. Кибернэросов следовало разоблачить и выставить на посмешище каким-то ясным и доступным пониманию каждого способом.

Ему помогла случайность. Как раз в это время в Париже начался Международный конгресс этических наук. По традиции его должен был открыть президент республики. Дорнан припомнил прием в Академии, и тут его вдруг осенила невероятная идея. А что, если вместо президента на заседание явится его кибернэрос? «Мировой скандал наконец-то откроет людям глаза», — ответил он себе.

Правда, вначале план казался неосуществимым. Ведь для этого требовалось устранить два почти непреодолимых препятствия: не допустить на заседание настоящего президента и как-то раздобыть кибернэроса, взять напрокат, наконец выкрасть, что ли, из музея, куда тот все же попал.

Но, сколь фантастической ни казалась Дорнану эта идея, она не давала ему покоя. А вдруг выйдет... Во всяком случае, он должен попробовать, решил журналист.

Вскоре Дорнан настолько ожил со своей идеей, что, даже не веря в ее осуществление, все-таки отправился в Национальный музей на рекогносцировку. К своему удивлению, на месте кибернэроса он увидел лишь пустую витрину; президента куда-то забрали. Он обошел музей, но так и не нашел кибернэроса.

Его журналистское чутье сработало автоматиче-

ски. Что это значит? Куда девался всемирно известный кибернэрос, гордость новобургундского гения, копия президента, ставшая чуть ли не национальной реликвией? Почему ее прячут от посетителей? Он тут же проинтервьюировал директора музея. Тот сперва, естественно, говорил околичностями, ссылаясь на инвентаризацию и реставрацию, но, когда Дорнан припер его к стенке и пригрозил, что поставит эти вопросы перед общественностью, на страницах газет, был вынужден признаться, что кибернэроса одолжил протокольный отдел президента. С какой целью — об этом не знает даже он, директор, но взяли его при условии, что через день-другой вернут обратно.

«С чего бы это протокольному отделу потребовался кибернэрос президента?» — недоумевал Дорнан.

— Может быть, они проделывают это не впервые? — спросил он без всякой задней мысли, повинувшись одному лишь инстинкту репортера.

— А как же, конечно, — ответил предупредительный директор и вынул регистрационную книгу: — Взяли 5 мая, вернули 7-го; взяли 8 июня и снова вернули через два дня; в июле и августе не брали, зато в сентябре затребовали 3-го, 7-го и 25-го. С 25-го кибернэроса восемь дней не было в музее. И вот сейчас взяли два дня назад...

Тут вдруг директор страшно испугался своей болтливости и принялся умолять Дорнана считать все сказанное секретной информацией и не публиковать сведений, которые могли бы навлечь на них обоих одни неприятности. Ги Дорнан, естественно, также не хотел этого и обещал отнестись к полученной информации как к секретной, и уж при всех условиях использовать ее так, чтобы оградить директора от неприятностей. Ведь в конце концов любой посетитель музея мог обнаружить таинственные исчезновения кибернэроса.

Загадка не давала журналисту покоя. «Для чего мог понадобиться протокольному отделу кибернэрос президента?» — размышлял он, но так ни до чего и не додумался. Он еще раз просмотрел даты выдачи президента из музея, однако и это не дало ему ничего нового. Он уже хотел удовольствоваться наиболее простым объяснением, что кибернэрос потребовался супруге президента: в конце концов, как говорит латинская поговорка, *de gustibus non est disputandum**. Но случайность помогла раскрыть истину. Два дня спустя, разыскивая собственную статью, он наткнулся в номере «La Voix Humaine» от 7 мая на следующее небольшое сообщение: «Президент республики принял Карлоса Модуньо, нового доминиканского посла». Внезапно ему пришло в голову, что президента взяли из музея 5 мая. «А может, эти два факта связаны между собой?» — мелькнуло в мозгу. Но он тут же подавил в себе абсурдную мысль. Что может быть общего между кибернэросом президента и назначением доминиканского посла? Тем не менее, поддавшись дразнящему любопытству, он просмотрел газеты за те дни, когда кибернэроса брали из музея. Ведь очевидно, что в случае падобности его возьмут не в тот же день, а заранее. И как он раньше до этого не додумался?

Вот тут-то Дорнан и сделал ошеломляющее открытие. Каждый раз изъятие кибернэроса совпадало с каким-либо событием в общественной жизни страны: 8 июня взяли президента, то бишь кибернэроса, а 10 июня президент присутствовал при торжественном спуске на воду нового военного корабля. Все шло как положено. А впрочем, кто знает?

На этот раз Дорнан просмотрел газеты внимательно, номер за номером. В июле и августе музейного

* О вкусах не спорят (лат.).

кибернэроса оставили в покое. И в газетах за это время тоже не было никаких сообщений о президенте, кроме того, что он взял полагающийся ему отпуск. В сентябре он снова приступил к исполнению своих обязанностей, и тут одно за другим следуют поразительные совпадения: 3-го одалживают музейного президента — 5-го президент республики присутствует на приеме у американского посла, где произносит тост. Дата следующего изъятия из музея — 7 сентября. А очередное публичное выступление президента состоялось 8-го числа, когда он посетил международный пресс-клуб. И самое фантастическое совпадение: запись в регистрационном журнале музея от 25 сентября. А 26-го начался недельный визит президента республики в Гелию, в ходе которого глава государства посетил несколько городов, выступил в палате лордов, в парламенте, присутствовал на торжественном ужине у королевы, дал прием в посольстве и т. д. И вот наконец в последний раз президента берут из музея накануне заседания Конгресса морально-этических наук. Странные, более чем странные совпадения!

Дорнан не мог отвязаться от сумасбродного предположения: что если вместо президента все это время выступал его кибернэрос? «Нет, это невероятно», — спорил он сам с собой. Ведь президент открывал заседание, произносил речи, выступал на совещаниях. Разве кибернэрос в состоянии проделать нечто подобное? Дорнан гнал от себя эту фантастическую мысль. «Но ведь и кибернэрос сам по себе — существо фантастическое, — возражал Дорнан-скептик, — и вообще, что считать невероятным после того, как здравомыслящие люди всерьез принимают весь этот механический бред?»

В конце концов победило любопытство, и Дорнан принялся самым внимательным образом изучать публичные выступления президента. Тут он сделал по-

трясающее открытие, а именно: интеллектуальный уровень президента не превышает возможностей среднего киберпэроса! Было общеизвестно, что на данном этапе развития техники словарный запас киберпэроса достигает 500 слов. Дорнан не пожалел труда, с карандашом в руках посмотрел статьи президента и установил, что выступления главы республики являются перестановками всего лишь 347 слов. Разговорная шкала современных киберпэросов включает семь-восемь тем. Дорнан установил, что президент, где бы ему ни приходилось выступать, постоянно разглагольствовал только на три темы: о коммунистической опасности, о солидарности свободного мира и о новобургундском национальном престиже. Как признавал сам профессор Палевский, при создании киба он стремился как можно больше приблизить его к живой модели. Теперь подозрения уже не казались Дорнану столь фантастическими, и он с нетерпением ждал открытия Конгресса.

На открытии президент опять-таки говорил только на три заданные темы! «Нет, — решил Дорнан, — нельзя объяснить простым совпадением, что ему всегда приходит в голову одно и то же и что он всегда говорит на одни и те же темы одними и теми же словами. С другой стороны, со времени дебатов в конвенте новобургундские политические деятели не очень-то обогатились находками или идеями», — возразил он себе. Но чем объяснить странную заботливость, с какой приближенные президента старались держать его на почтительном расстоянии от остальных? Подозрение в журналисте все крепло.

Дорнан решил во что бы то ни стало докопаться до истины. Вскоре ему представилась возможность увидеть президента по телевидению на церемонии открытия новой школы, где тот произнес речь. И когда в результате неловкого движения оператора неумоли-

мая камера скользнула по фигуре президента сверху вниз, Дорнан окончательно утвердился в своей догадке: вместо президента говорил кибернэрос. Собравшиеся на торжество уважаемые люди восторженно аплодировали... кибернэросу.

Наутро газеты подробно и обстоятельно комментировали «глубокие» замечания кибернэроса. Обмануто общество. Надругались над самим творцом изобретения, беднягой Палевским, у которого и в мыслях не было, что кто-то способен так злоупотребить его изобретением, созданным с благородной целью: он, Палевский, мечтал сделать счастливыми всех безнадежно влюбленных, ему и в голову не приходило, что его творение примется восхвалять военные блоки.

Дорнан задумал разоблачить эту циничную игру и только ждал подходящего момента. Случай вскоре представился. Дорнан решил осуществить свой план во время приема нового заморского посла по случаю вручения им верительных грамот. Чтобы лишний раз убедиться в своей правоте, журналист отправился в музей, но, как он и предполагал, киба на месте не оказалось. Тогда он условился со своим коллегой-фоторепортером поменяться ролями на время церемонии — в качестве фоторепортера Дорнан мог присутствовать на приеме.

План оказался удачным. Дорнан беспрепятственно прошел в актовЫй зал и вместе со своими коллегами усердно фотографировал президента, который, по обыкновению, твердил о коммунистической опасности, о солидарности свободного мира и новобургундском престиже. Все шло, как задумал Дорнан. Сердце его билось где-то у горла. Он выждал, когда президент кончит речь, и затем подошел к нему, словно бы за тем, чтобы попросить его встать рядом с послом и сфотографировать их вместе. Тем временем он, якобы невзначай, прикоснулся к шестому позвонку прези-

дента. Никакого результата. Он решил, что перепутал позвонки, и нажал сильнее. Президент никак не отреагировал. Но Дорнан знал, что делает, и в третий раз еще решительнее нажал на позвонок.

— Что вы делаете?.. — прошептал президент.

Коллеги удивленно смотрели на Дорнана. Тот похолодел. Вне всякого сомнения, президент был живой, настоящий, хотя и вел себя, как робот.

— Тысяча извинений, господин президент, — краснея, пролетел сбитый с толку журналист.

— Ведите себя пристойно и не нарушайте приличий, — прошептал президент.

Дорнан едва дождался конца приема — теперь уже следовало выдержать взятую на себя роль — и что есть духу помчался в музей.

Кибернэроса там не было. Дорнан ворвался в кабинет директора.

— Где президент? — обрушился он на директора.

— Его взяли в мастерскую... ремонтировать... У него испортилось включающее устройство.

— А может быть, его все-таки забрал протокольный отдел? — недоверчиво спросил Дорнан.

— Да нет, — промямлил директор, — они просили... Но я как раз не мог дать... Ведь я же говорю: у него испортилось включающее устройство.

Петер Сентмихайи Сабо
Черные и белые дыры

Джек Флойд ровно пятьдесят лет не знал страха смерти... На долю профессиональных исследователей космоса выпадает немало минут, опасных для жизни. Джек научился в подобные минуты думать не о себе, а только об экипаже. Его первый брак, который вполне был равносителен десятилетней каторге — во всяком случае, что касается чувств, — зашел в тупик. Понадобилось целых десять лет, чтобы он, наконец, решился порвать с опостылевшей семейной жизнью. А потом ему встретилась Сью, и на этот раз брак оказался удачным. Доказательством тому были двое очаровательных детишек.

Но Флойд по-прежнему не испытывал чувства страха: судьба, как ему казалось, должна была щадить его. В его жилах текла добрая шотландская кровь, а твердость характера была сродни языческой самоуверенности отцов-пилигримов. Но главное — он в этом был твердо убежден — счастливые люди никогда не умирают. А Джек и Сью были поистине счастливы.

Как правило, в экспедиции посылали на два месяца, после чего полагался двухмесячный отпуск. Если экспедиция оказывалась более продолжительной, то космонавту потом давалось столько же свободных дней, сколько их проходило за это время на Земле. Это было даже выгодно, поскольку земное вре-

мя текло гораздо медленнее, чем в полете, на каком-нибудь далеком участке Галактики.

Дом Флойда находился в Ларго. Ничем не омраченные тихие дни, рыбалка и прочие радости жизни... Правда, пойманных рыб полагалось немедленно бросить обратно в воду, так мало их осталось после подводных бурений нефти в давние времена, и все-таки это было приятной забавой. Питер и Пегги часто ходили на рыбалку вместе с отцом. Сью предпочитала стереовизор, где она любила смотреть ежечасные передачи новостей. Джек Флойд терпеть их не мог. Слишком много места в них отводилось возмущениям землян против космических резерваций. Жители Земли были попросту неспособны осознать тот факт, что все эти чертовски дорогостоящие космические базы и резервации в один прекрасный день для них же самих обернутся только благом. И возможность эта вполне реальна. Хотя, бесспорно, немногочисленному персоналу этих баз пока жилось несравненно лучше, чем «земляным червям», как презрительно называли между собой землян обитатели космоса.

Как горда была Сью в тот день, когда представила командира космического корабля Джека Флойда своей семье! Ведь если кто-либо из людей космоса вступал в брак с человеком, не принадлежавшим к сей привилегированной касте, это считалось из ряда вон выходящим событием.

Теперь все переменялось. Хотя Флойд знал, что сейчас он не в форме, но бросить курить все же не мог; он закуривал одну сигарету за другой, если, конечно, не находился в это время на борту своего корабля. На своем «Триумфе». Как ни странно, на корабле его и не тянуло курить. К тому же в полете курение категорически запрещалось. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что работает на износ, выкладывается весь без остатка, но уж очень хотелось

ему быть безупречным командиром. Ну и Сэмюэль Камберленд, Главный космический координатор, тоже заботился о том, чтобы подкинуть работенку. Крепкий орешек был этот Сэм. Мало ему Нобелевской премии за результаты в исследовании космоса, так он еще был обладателем нескольких дипломов различных университетов. Сэм вовсе не старался делать вид, будто разбирается во всем — от психологии до атомной физики, однако в случае необходимости сразу же обнаруживалось, что он прекрасно ориентируется в каждой из этих наук. Джек Флойд любил координатора, но и побаивался его. «Наверное, такими будут роботы-андроиды, если их когда-либо создадут», — эта мысль приходила ему на ум, когда он сталкивался с Сэмом. К тому же Сэм Камберленд отнюдь не походил на кабинетного ученого или сухого книжного червя. У него было десять детей — от разных браков, он возглавлял бесчисленные научные общества и каждую зиму исправно приносил на алтарь спорта одну или сразу обе сломанные конечности.

Нет нужды говорить, что именно Сэм Камберленд послал Флойда в конце концов на медицинское обследование.

— Не нравится мне твоя серая физиономия, Джек, — заметил он однажды, и тут же постарался придать голосу игривость: — Здесь, в космосе, нам нужны оптимисты.

Только и всего. Сэм никогда ничего не приказывал, он лишь ронял отдельные, как бы случайные, замечания. Однако, что бы ни сказал Главный космический координатор, это звучало как приказ. Стоило ему небрежно обронить какое-либо замечание, и его пожелание поспешно выполнялось. Правда, пожелания Камберленда были всегда только разумными.

Стало быть, затемнения в легких... Доктор Спек,

космический врач, растерянно взъерошил редкую шевелюру.

— Ничего не понимаю! — размышлял он вполголоса. — Но компдиагносту виднее. Еще не было случая, чтобы диагноз, поставленный машиной, оказался ошибочным. Всего полгода назад вам делали рентген, а сейчас... Боюсь, что придется взять на исследование срез ткани.

Джек Флойд не был дураком. Он знал кое-что о раке, и даже само название этой болезни было ему ненавистно. Если он и боялся смерти, то именно такой. Подлой, медленной, унижительной, с болями, с жалким концом. Жить, будучи приговоренным к смерти, когда поначалу всякий тебя жалеет, а через какое-то время надеется, что у тебя хватит мужества на тихое, благопристойное самоубийство.

Джек сидел в приемной космической клиники, поджидая доктора Спеска. Врач появился нескоро и при виде Джека попробовал изобразить на лице улыбку. Джек сразу смекнул, что дело плохо.

— Злокачественная, да? — спросил он.

Доктор потупился.

— М-м, видите ли... — начал он.

— Да не тяните! — грубо оборвал его Джек. — Я не кисейная барышня, сам понимаю, что дело труба.

— Тогда каких слов вы от меня ждете? — голос доктора звучал удрученно.

— Сколько мне осталось жить?

— Несколько месяцев, командир. Вы вполне хорошо выглядите, если учесть, что... — доктор запнулся. — Процесс будет развиваться медленно. Пять или шесть месяцев... может, и больше. Конечно, мы сделаем все, что в наших силах, но, к сожалению... Повесить бы того типа, который в последний раз делал вам рентген! Будь он хоть чуть повнимательнее, он не мог бы проглядеть. Какое-то роковое стечение

случайностей, ведь рентгенолог не удосужился проверить диагноз на вычислительной машине. Вы не знаете, кто был этот негодяй? Мы никак не можем найти его личный номер в картотеке. Надо бы...

— Подите вы к черту! — простонал Джек, и не попрощавшись ушел.

Он почувствовал страстную потребность выпить. Купил бутылку виски «Муншайн» и залпом осушил ее. Джек прекрасно знал, что последует за его визитом к врачу. Обдумав случившееся, доктор Спек тут же даст знать Сэму, и к тому времени, как Джек доберется до космической станции, его будет ждать записка с просьбой зайти к шефу. Затем состоится торжественная церемония проводов на пенсию, цветы и благозвучные некрологи авансом. «Герой освоения Венеры смертельно болен» и все такое прочее...

А Сю придется продать дом в Ларго. Иметь в своем распоряжении весь дом могут лишь космонавты, находящиеся на действительной службе.

Он не знал, что предпринять. Послание от шефа может подождать. Пока Джек его не получил, он свободен. Будем считать, что пока ничего не произошло, ничто не изменилось.

Взгляд его упал на зеленый, прозрачный шар обсерватории. Билл Крэгг наверняка сидит на своем месте и по обыкновению пялит глаза на какую-нибудь звездную туманность или корпит над своими звездными картами. Глядишь, и выпить у него что-нибудь найдется...

Крэгг был малый чудаковатый, но на редкость славный. Можно было промолчать, сидя с ним бок о бок, несколько часов кряду и все же чувствовать, что ты приятно и не без пользы провел время, к тому же в отличном обществе. Джеку нелегко было судить о научных достижениях Билла Крэгга, поскольку командиры кораблей обходились элементарными по-

знаниями в области астрономии. Билл Крэгг был космологом, астрономом-теоретиком, а теоретическая астрономия — это уже почти царство философии. По сути говоря, командиров космических кораблей можно бы сравнить с журналистами: и те и другие обладают массой сведений, практических знаний, но не специализируются в какой-либо одной области. Да от них это и не требуется, зато каждый командир космического корабля непременно должен отличаться индивидуальностью, умом, общим развитием. Ему нужно знать не что, а как. Джек Флойд слышал, например, что на Станции-3 есть командир с дипломом по древнегреческой философии. Конечно, кое-кому может показаться, что это чересчур далеко от космонавтики, но, говорят, пока этот командир вполне справлялся со своим делом. При нынешнем изобилии всезнающих вычислительных машин и всяческих приспособлений той мелочью, которая способна втиснуться в мозг одного человека, вполне можно и пренебречь.

— Привет, Билл! — весело поздоровался Джек и плюхнулся на стул.

Только теперь он по-настоящему почувствовал, каким тяжелым грузом лежит на сердце его тайна, и у него вдруг возникло безрассудное желание тотчас же освободиться от этого бремени. Однако он подавил свое желание. Прошли долгие секунды. Астроном поднял голову и наконец-то заметил Джека.

— Привет, — слабо улыбувшись, сказал он. — Выпьешь чего-нибудь?

Джек благодарно кивнул. Они снова пили «Муншайн», это был единственный из спиртных напитков, которым разрешалось пользоваться обитателям космоса. В него добавляли какую-то примесь, от которой человек никогда не мог захмелеть по-настоящему.

Астроном опять склонился над столом. Флойд

встал рядом и бросил взгляд на карты. На всех картах стоял один и тот же знак: НДЕ 226868, С.

— Все те же черные дыры, Билл? — спросил он, поддразнивая. Всем было известно, что Крэгг просто одержим страстью к черным дырам в космосе. — Мне кажется, у тебя какой-то нездоровый к ним интерес. Ты, небось, представляешь себе вокруг них смазливых девчонок или что-нибудь в этом духе.

Крэгг слыл закоренелым женоненавистником, он не терпел рядом с собой женщины-астрономов, да и те не выносили его оскорбительной манеры поведения. Крэгг относил женщин к породе людей с ограниченными умственными способностями, считал их существами низшего порядка, хотя и бесполезными.

— Ага, дыры, — рассеянно пробормотал Крэгг, поглаживая козлиную бородку. — Подумать только, за последние три десятка лет мы почти не продвинулись в этой области. Теория Пенроуза предсказала целый ряд весьма вероятных явлений, однако, если не считать новых гипотез, разрастающихся, как сорняки, ни одного практического шага вперед сделано не было.

— Что ты имеешь в виду? Созвездие Лебеда неизмеримо далеко. Если бы даже запустили межзвездную ракету, она достигла бы этого созвездия только через несколько сотен лет, если бы вообще достигла...

— Я имею в виду не Лебеда. Черные дыры могут быть, должны быть почти повсюду. По-моему, у каждой солнечной системы должно быть такое... слепое пятно. Черная дыра по сравнению с нашей системой столь же мала, как скажем, теннисный мячик в сравнении с Тихим океаном.

— Послушай, оставь ты в покое эти дыры, Билл, не то окончательно свихнешься. Насколько я знаю...

— Замолчи-ка! — раздраженно прервал его

Крэгг. — Как же мне не свихнуться, если я убежден, что эти дыры — ключ к познанию всей Вселенной!

— Ну ладно, — пожал плечами Флойд и вдруг почувствовал боль под мышкой. — Тогда расскажи мне о них.

Крэгг внимательно посмотрел на него.

— Джек, мне не нравится твой вид! Ты плохо себя чувствуешь?

Джек подозрительно покосился на приятеля.

— Ничего со мной не происходит, — сказал он резко. — Ну, выкладывай про свои дыры!

Крэгг усмехнулся.

— Прежде ты не слишком-то интересовался ими. Итак, я полагаю, ты знаешь, в чем состоит суть теории Пенроуза. Первая черная дыра, о существовании которой нам стало достоверно известно, находится в созвездии Лебеда. Пенроуз и многие другие описывали процесс, в ходе которого огромные массы с рыхлой структурой сжимаются до состояния чудовищной плотности. Тело, как мы его себе представляем, почти исчезает, остается, так сказать, лишь воспоминание о нем.

— Тебе не кажется, что «воспоминание о теле» — выражение не слишком научное? — спросил Флойд с иронией.

Крэгга это не смутило.

— У такого «воспоминания» настолько мощное гравитационное поле, что даже свет не может уйти от него. Потому-то они и невидимы, эти дыры. У каждой дыры свой «горизонт событий», в действительности черная дыра должна существовать в совершенно ином пространстве-времени, ни в коем случае не в нашем. Конечно, нам известно о гравитации намного больше, чем во времена Пенроуза. Мы используем антигравитационные частицы, пусть даже и в ограниченном смысле, взять, к примеру, эффект АГ. Суть в том, что

по моему мнению — впрочем, и Пенроуз намекал на это, — в каждой солнечной системе где-нибудь да должна быть черная дыра. Поскольку же мы не знаем природы этих дыр, то не можем предсказать и их местонахождение, если только...

Крэгг, задохнувшись от возбуждения, на миг прервал свою лекцию.

— Словом, пусть слепец попробует найти в Тихом океане этот теннисный мячик, — кисло заметил Флойд.

— Вот именно, — признался Крэгг. — Ты ведь наверняка помнишь «Эксплуер-10006»?

— А как же. Тот автоматический искусственный спутник, который вернулся обратно без всяких результатов?

— Да, тот самый. Он обращался в предполагаемом секторе космоса, где должна находиться наша черная дыра. Все сигналы от него прекратились примерно на десять часов, а затем он продолжил свою работу. В его памяти мы не нашли никакого объяснения, хотя вычислительная машина и соответственно бортовой журнал должны были бы зафиксировать перерыв связи с нашими станциями. Однако ничего этого не оказалось. Только... пустые блоки, на весь период прекращения связи. Полный пропуск, понимаешь?

— Боюсь, я не совсем понимаю, куда ты клонишь.

— Потому что не видишь, какой вывод из этого следует. Пенроуз изобразил черную дыру символически, он сравнил ее с воронкой, ось которой есть сингулярность, особенность времени. Если какой-либо предмет извне попадает в воронку и пересекает «горизонт событий», то он падает в нее и не может возвратиться. Однако у Пенроуза есть одно интересное замечание: он, например, утверждает, что во Вселен-

ной должны быть и белые дыры, где происходит обратный процесс появления тела из некоего хаотического состояния. И время в этих белых дырах течет вспять; тем самым оборачивается принцип причинности. А примерно год назад меня осенила догадка, что черные и белые дыры представляют собой некую единую сущность.

— Для меня это чересчур заумно, — признался Флойд и осторожно дотронулся до груди.

— Представь себе вместо одной две воронки, узкие концы которых соединены трубкой.

— Вот это да! — прерывая приятеля, выдохнул Флойд.

— И все, что попадает в эту двойную воронку с одной стороны, выходит из другой. Знаю, что это может показаться довольно абсурдной идеей, но, по моему, тот искусственный спутник был втянут в воронки, исчез, а потом снова появился, став совершенно новым, как перед запуском. Иначе говоря, никакого пропуска времени не было. Искусственный спутник, если воспользоваться еще более абсурдным термином... возродился вновь!

— Ну, нет, дружище, ты меня разыгрываешь! Такие шутки я не намерен сносить даже от тебя, — сказал Флойд, поднимаясь с места.

— Но это же не противоречит теории Эйнштейна!

— А что ей противоречит? Если бы сейчас существовали специалисты по охоте за ведьмами, они наверняка тоже ссылались бы на Эйнштейна. Бредовая гипотеза, Билл. На твоём месте я бы выкинул ее из головы.

— Есть еще кое-что, Джек. Биологи поместили на искусственный спутник культуру живой ткани. Ну, знаешь, типичный эксперимент. Так вот, эта культура преподнесла биологам сюрприз: она почти не выросла. Вернее, выросла ровно настолько, насколько

могла вырасти за время возвращения после того, как прошла через черную дыру. И десять часов тоже укладываются в этот срок.

— Что же ты предлагаешь? Послать еще один искусственный спутник?

— Именно об этом я и просил Сэма. Но наш Главный координатор придерживается того же мнения, что и ты. Он считает это чистейшим бредом. Между тем, если эта дыра действует так, как я себе представляю... туда можно было бы послать растения, животных, а со временем и человека. Ибо она... само бессмертие!

— Но, Билл, твои доводы чересчур легковесны. Все знания, которые мы до сих пор накопили, свидетельствуют о том, что жизнь — процесс необратимый. Если живое существо разлагается на составные части, то получить его обратно новехоньким невозможно. Представь себе, как сложилась бы ситуация, скажем, в случае с собакой?

Крэгг налил себе виски.

— Ну, на другом конце воронки я рассчитывал бы увидеть только что родившегося щенка, который скулит от голода. Ради бога, постарайся забыть о привычных предрассудках, ты рассуждаешь, как англиканский епископ времен Ньютона. В конце концов жизнь не такая уж загадочная штука, это — совокупность физических и химических процессов, ее можно создать даже искусственным путем. Так чего же ты ко мне придираешься? Если бы только у меня была хоть какая-нибудь возможность доказать, что я прав!

Зазвонил видеофон. Крэгг прошел в переговорную будку. Флойд проворно взял с его стола листок бумаги и торопливо набросал несколько рядов цифр. Когда Крэгг вернулся, его гость взглянул на часы, пробормотал какую-то отговорку и поспешно уда-

лился. Крэгг с чувством некоторого разочарования продолжил свою работу. У него было такое ощущение, будто его в чем-то предали. Уж от кого другого, а от Флойда он ожидал большего понимания. Никогда бы не подумал, что капитан такой ограниченный. Впрочем, что с него взять: бездушный технократ, ничуть не лучше остальных, тупоголовый служака.

А Джек Флойд, поспешно покинув обсерваторию, достал из кармана смятый листок, где были записаны координаты «Эксплоурера-10006» в критический момент перед его исчезновением. Это примерно месяц полета на «Триумфе». Удастся ли ему проделать эксперимент в одиночку? Не исключено. Правда, план больше смахивает на самоубийство. Джек почувствовал угрызения совести. Нужно было бы обсудить все это с Крэггом. В конце концов это его идея. Но он не может рисковать: а вдруг Билл откажется? Крэггу ничего не стоит воспрепятствовать ему добраться до космического корабля. Нет, это не годится. Экипаж еще в отпуске, там сейчас лишь охрана и, конечно, обслуживающий персонал. Их, наверное, еще не успели известить о состоянии здоровья командира Флойда. По рангу все они гораздо ниже и не осмелятся остановить его. Конечно, есть еще Сью, Пегги и Питер... Но о них ему сейчас думать нельзя.

Двое вооруженных охранников чаевничали перед ангаром.

— Добрый вечер, сэр! — почтительно вытянулись они перед командиром.

— Добрый вечер, друзья! Мне нужно кое-что посмотреть в бортовом журнале, я заканчиваю отчет об экспедиции. Впрочем, что вам объяснять, сами понимаете.

Охранники улыбнулись. Они знали, как командиры кораблей ненавидят административную часть сво-

ей работы, но знали и то, что до утверждения отчета бортовые журналы обычно запираются.

— Конечно, сэр, но ведь нужно разрешение...

Но Джек Флойд уже вошел в ангар и сделал вид, будто не расслышал последних слов.

— Не следовало бы его пропускать, — прошептал охранник помоложе.

Тот, что постарше, отмахнулся и снова потянулся за чашкой.

— Ты что, их не знаешь? Или на Землю захотелось вернуться? Да Сэм Камберленд за Флойда в огонь и воду!

В полумраке ангара огромный корабль отливал стеклянным блеском. Он не походил на старинные ракеты в виде карандаша, а своими мягкими очертаниями напоминал скорее женскую грудь.

Джек осмотрелся: к счастью, вокруг корабля никого не было. Он вскарабкался на стартовую платформу, вошел в лифт. Добравшись до кабины управления, первым делом поспешил проверить, заправлены ли баки горючим. Если они пусты, весь его безумный план обречен на провал с самого начала. Но приборы показывали, что баки полны. Тогда командир задраил шахту лифта, включил систему АГ и подтянул корпус корабля под защитный зонт. Это означало, что практически никакая внешняя сила более не угрожала кораблю.

Джек подошел к навигационному компьютеру и заложил в него координаты и другие данные, необходимые для расчета траектории полета. Теперь настал самый опасный момент: он включил аварийный сигнал и при помощи дистанционного управления раскрыл нужный сектор ангара. Джек по опыту знал, что у него в запасе всего две секунды, пока главный

компьютер на Станции проверяет все данные, связанные с разрешением на взлет и расписанием полета. Через две секунды он установит, что у «Триумфа» такого разрешения нет, и включит системы аварийной службы. Но корабль уже медленно поднимался из ангара и стал постепенно наращивать скорость.

Резкий голос затрещал в кабине. Это был Эд Мартинес из диспетчерского центра Станции.

— Алло, «Триумф»! Кто на корабле? Какого дьявола вы стронулись с места? У вас нет разрешения на взлет, «Триумф»! Немедленно отвечайте! Прием.

— Алло, Эд. Это командир корабля Флойд. Я совершаю на «Триумфе» пробный полет без экипажа.

Наступила мертвая тишина. Эд с трудом обрел дар речи.

— Ты что, спятил, Джек? За полет без разрешения полагается военный трибунал. Я должен немедленно остановить ракету, и ты прекрасно знаешь, каким способом!

— Знаю. Но тогда тебе придется разнести на куски корабль, да и меня заодно, разумеется. Соедини-ка лучше меня с Главным координатором.

Джек выигрывал драгоценные секунды. Ни у кого не хватило бы духа сбивать корабль, стоявший целое состояние. Единственно, что они могли сделать — это попытаться дистанционно включить систему АГ. Однако это грозило бы Флойду немедленной смертью, не говоря уже о том, что не остановило бы корабль и не снизило набранной им скорости. Флойд хорошо знал это, так же, как и те, кто остался там, внизу. Ситуация напоминала угон самолетов в стародавние времена. Людям на Станции не оставалось ничего иного, как отговорить командира от осуществления задуманного плана. Джек Флойд отчетливо представлял себе, какая мучительная борьба происходит сейчас в душе Эда Мартинеса. Как себя вести? Что пред-

принять? Ведь до сих пор еще никто не «угонял» космических кораблей... Он колебался, а Флойд радовался, ибо время работало на него.

— Твоя взяла, Джек. Соединяю, — выдохнул наконец Эд.

Почти немедленно в кабине послышался голос Сэма, уверенный, бодрый, полный желания действовать.

— Говорит Камберленд. Что это ты там вытворяешь, Джек? Доктор Спек рассказал мне обо всем. Что тебе взбрело на ум? Мне бы не хотелось сейчас говорить громких фраз, но помни, что ты на волосок от военного трибунала. Подумай о семье!

— Не надо об этом, Сэм, и вы сами знаете, почему.

— Знаю. Какой в этом смысл? Я обязан прервать полет, Джек, и тебе не поможет наша дружба.

— Что ж, вам виднее. Но, боюсь, вы опоздали.

Командир космического корабля терпеливо выждал, пока Сэм Камберленд полностью истощил запас проклятий, а затем приступил к неторопливым, подробным объяснениям. Он пытался представить дело так, чтобы Крэгг остался в стороне. Иначе более подходящего козла отпущения беснующемуся Главному координатору не найти.

Сэм Камберленд некоторое время переваривал изложенный Джеком план.

— Что ж, — сказал он наконец с ледящей душой иронией, — весьма дорогостоящий способ самоубийства: ты заказал себе гроб стоимостью в несколько миллионов. Я и не знал, что ты так падаешь на рекламу. А дело только в ней, поскольку никакой научной ценности твой полет не имеет. Если эту идею тебе подбросил Крэгг, тогда и он безмозглый идиот. Мне надо побеседовать с ним. Пока все...

Флойд невесело усмехнулся. Все шло отлично. Он включил автоматическое управление и перешел в тес-

ную кабинку хранилища микрофильмов. Ему хотелось побольше узнать о черных дырах, прежде чем он вступит с ними в более тесный контакт. Времени у него достаточно, чтобы изучить эту проблему.

Пульсирующая боль под мышкой не утихала. В аптечке Флойд нашел болеутоляющие препараты, но наркотических средств там не было. Первый допущенный промах: пока морфий ему еще не нужен, но он очень хорошо знал, что скоро понадобится.

Он дремал у пульта управления, когда загудел ин-терком. На сей раз его вызвал Крэгг.

— Алло, Джек. Ты меня слышишь?

Джек медленно открыл глаза:

— Слышу.

— Сэм рвет и мечет. А я простить себе не могу, что впутал тебя в эту историю! Увы, Джек, таких хитроумных теорий по меньшей мере несколько сотен.

— Выше голову, Билл! Не твоя вина, если все произойдет не самым лучшим образом. Ты не должен себя корить. Я просто хотел сбежать, вот и все. Мне не хотелось, чтобы... А, все равно. Так будет лучше, один на один с болезнью. Не хочу, чтобы близкие мучились со мной, шли на жертвы ради меня. А сейчас... Ведь это, в сущности, та же экспедиция, правда, состоящая всего из одного человека. Хорошо, если бы газеты не раздували эту историю. А Сью скажи, что мне пришлось отправиться в полет раньше времени. Передай, что я ее обнимаю. И детей. И позаботьтесь о них, Крэгг, если со мной... если я не...

— Полно, Джек, не беспокойся. Что же касается газет... Будь уверен, шеф не даст этому делу просочиться. Ни к чему нам признаваться в собственных

упущениях. Да и другим пример подавать не следует.

— Благодарю.

Наступила томительная пауза. Ее прервал Флойд.

— Скажи, Билл, есть ли какая-нибудь надежда на то, что ты прав?

В голосе Крэга сквозило уныние.

— Пенроуз описывает, что должно произойти в том случае, если космонавт приблизится к так называемому «горизонту событий». Сначала он ничего не заметит. У него не будет возможности произвести измерения в этом месте или придерживаться расчетного курса. Приливные силы — что бы мы под этим не подразумевали — возрастут до бесконечности. Послушай, Джек, передо мной как раз то место книги: «Если что-либо попадает в такую черную дыру — будь то космический корабль или молекула водорода, электрон, радиоволны или световые лучи, — никогда не возвращается обратно. С точки зрения нашего понимания Вселенной, все превращается в абсолютное ничто». По мнению Пенроуза, закон сохранения материи здесь не действует. Весь процесс, как Пенроуз представлял себе его, длится несколько тысячных долей секунды.

— Именно это меня устраивает. Получше любой известной формы самоубийства. Ну, а теперь кончай, Билл. Я болен, и вы мне надоели. Я выключаю аппарат интеркома. Хочу остаться один.

— Подожди, Джек, во имя всего святого! Я должен сказать тебе нечто важное, должен сказать это даже в том случае, если...

Но Джек вырубил умоляющий голос. Боль, блуждающая по телу, сделала его безжалостным. Он криво улыбнулся. Уж его-то они не напугают. Его не отговорят.

Прошло две недели. Джек Флойд находился во власти всесокрушающей боли. Он не мог спать и, что-

бы как-то занять себя, бесконечно ходил по тесным помещениям, вытаскивал старые бортовые журналы и пробирался в безлюдные каюты других членов экипажа. Выдвигал ящики, рассматривал хранящиеся в них фотографии, мелкие предметы обихода. Прежде такая мысль не могла бы прийти ему в голову, но сейчас он утратил всякие представления о нравственности. Джек чувствовал себя Робинзоном, но Робинзоном, отвергающим общество людей. Он часто задумывался над своим недугом, который с незапамятных пор бросал вызов медицине. Врачи научились бороться почти со всеми болезнями, кроме рака. А может быть, противоядием ему является совсем простой препарат? Подобно Флемингу, некогда открывшему пенициллин, какой-нибудь ученый однажды совершенно случайно откроет средство против рака? Станет лечить буйно разросшиеся злокачественные образования, скажем, уксусной эссенцией или спиртом? И проклятое, неуправляемое размножение клеток прекратится! Оно, конечно, может быть и нервного происхождения. Или возникать под влиянием магнитных полей, а может, от воздействия аппарата АГ?.. Нет, все это чушь. По мнению ученых, рак возник вместе с человеком...

Джека Флойда мучили кошмары. Во сне ему мерещились какие-то ужасы, слышались странные звуки. Однажды он принял такую дозу снотворного, что чуть не умер. В другой раз случайно поджег бумаги на столе. К счастью, четко сработало автоматическое противопожарное устройство. Но Джек все же получил ожоги. Он перестал бриться, и борода пылала рыжим пламенем, устрашающе обрамляя его изможденное, мертвенно-бледное лицо.

С каждым днем он заметно терял в весе и с отращиванием присматривался к собственному телу, видя, как тают мышцы и все более выдаются кости...

Иногда Флойд включал радио, но тут же выключал его. Дня за три до предполагаемого места «исчезновения» искусственного спутника, он попытался вызвать Станцию. Но радио молчало.

В последний день к командиру вернулась ясность мысли. Видения исчезли, он перестал думать о дыре, как о какой-то мощной и грозной силе. И все же представление о ней как о слиянии «рая» и «ада» не оставляло его. Если Крэгг прав, то человек входит в воронку с одной стороны и, очистившись, выходит из нее возрожденным...

И вот час пробил. Флойд понял это, заметив какое-то свечение, сопровождаемое потрескиванием. Затем наступила полная тьма. Флойда охватило ощущение пустоты, которое как бы засасывало его, растворяло в себе... Он пытался закричать, но у него уже не было ни горла, ни грудной клетки... На полу в агонии еще билось то, что оставалось от Джека Флойда, но вскоре и это растаяло.

Спустя месяц и десять часов автоматическая сигнализация космического корабля «Триумф» связалась со Станцией, и корабль в состоянии аварийной готовности совершил посадку.

Персонал столпился вокруг корабля. Сэм Камберленд не сводил взгляда с Крэгга.

— Я рад, что он передумал и вернулся. Если только... Но будем надеяться, что все в порядке. Полагаю, это послужит достаточным доказательством того, что черные дыры представляют собой надуманную опасность.

— Вовсе не значит, что он туда добрался,— ворчливо сказал Крэгг.

Люк не открывался. В толпе воцарилась мертвая тишина.

— Доктор предрекал ему пять месяцев жизни,—
нерешительно произнес Крэгг.

Механики несколько минут провозились с входным люком. Камберленд и Крэгг вошли первыми. Сначала они направились в кабину управления. Она была пуста. Обошли все помещения. Никого. Главный координатор включил бортовой журнал. Записей не было.

И вдруг Крэгг испуганно вскрикнул.

Возле пульта управления лежал новорожденный младенец. Глаза его были закрыты, а кожа отливала желтизной.

— Некому было кормить его,— у Крэгга на глазах проступили слезы,— именно это я и собирался ему сказать.

Петер Сентмихайи Сабо
Сжатие времени

Третьего октября 198... года доктор Джордж Хайд, ассистент кафедры физики Норвичского университета, коренастый, молодой человек, с бородой, в очках, заказал такси, чтобы доехать до лондонской гостиницы, и сложил в потертый чемодан все необходимое для опыта, который предстояло ему продемонстрировать членам Королевского общества.

В машине, тасуя, точно карты, свои заметки, написанные на маленьких листочках, он еще раз просмотрел их.

Имя доктора Джорджа Хайда не было известно в узких кругах специалистов, поэтому члены Королевского общества с некоторым недоумением и недоверием прочли пригласительный билет:

«Доктор Джордж Хайд приглашает Вас на доклад о приборе, управляющем пространством-временем, и о нестационарных течениях времени. Доклад будет сопровождаться наглядным физическим экспериментом».

Хайд был готов ко всяким неприятным сюрпризам, но пустота аудитории Королевского общества его обескуражила. Несколько друзей и знакомых Хайда, тоже молодые ученые, составляли большинст-

во присутствующих, среди которых были также скачущие журналисты, обязанные информировать естественнонаучный отдел своих газет и журналов обо всех публичных лекциях Королевского общества.

Хайд осмотрелся, протер очки и начал говорить. Он вертел в руках свои карточки, мямлил и крутил их, потом уронил всю пачку на пол. Журналисты усмехнулись.

— Дамы и господа! Нас здесь собралось так мало, что с моей стороны было бы дерзостью долго злоупотреблять... гм... вашим временем... Поэтому я намереваюсь вкратце изложить лишь суть моих исследований. Общеизвестно, что за последние десятилетия сторонники теории «большого взрыва» своими аргументами загнали в угол сторонников теории «стационарной Вселенной». Итак, вот мои расчеты... — Он нервно теребил кусочки бумаги разного цвета и формы, которые тут же снова посыпались на пол. — Но это теперь и не столь важно. По моим расчетам, поскольку строение Вселенной однородно, а пространство-время едины, при расширении Вселенной пропорционально сжимается время. Я долго опровергал эту теорию, долго и сам считал все это фантастикой, пока наконец не задумался над одним тезисом американского физика, доктора Роберта Эрлиха, который считает, что время не непрерывно. По его мнению, должен существовать «хропон», самый короткий в природе отрезок времени, мельчайшая его единица, две триллионных от триллионной доли секунды. Если записать это цифрами, то между десятичным знаком и цифрой два надо поставить двадцать три нуля...

Итак, из теории Эрлиха следует — хотя он относил это лишь к элементарным частицам, — что время не непрерывно, а по природе своей квантовано. Стало быть, время, если вам угодно, «зернистое». Из это-

го в свою очередь вытекает, что кванты времени могут ускоряться и замедляться, может возникнуть перерыв, то есть «остановка времени». В истории мира были, видимо, такие «мертвые периоды». Но, кроме того, это означает, что квантованное время не гарантирует необратимости причинно-следственных связей: последовательность причины и следствия может меняться. В лабораторных условиях мне удалось получить хрононы. Я долго бомбардировал ими часть пространства — алюминиевую пластинку. На таком воображаемом теле, которое представляет собой алюминиевая пластинка, я могу при желании продемонстрировать обратимость времени, то есть причинно-следственных связей.

Слушатели с интересом следили за тем, как Хайд вынул из чемодана блестящую металлическую пластинку, положил ее на стол, потом достал несколько стаканов и куриные яйца. По залу пробежал смехок, и даже основательно вспотевший Хайд улыбнулся.

— Я знаю, смешно демонстрировать такой опыт в Королевском обществе, но моя цель, применяя органические и неорганические вещества, убедить скептиков в правильности моего тезиса. Сейчас я разобью стакан на этом алюминиевом противне. Видите? Прекрасно. Теперь я ставлю противень на алюминиевую пластинку. Как вы можете убедиться, сейчас стакан снова стоит перед вами совершенно целый. А теперь этот же опыт я сделаю с куриным яйцом. Пожалуйста!

Встав с мест и вытянув шеи, присутствующие смотрели, как на алюминиевой пластинке из разбитого яйца возникает целое; потом, снятое с пластинки, оно опять разбивается. Хайд предложил зрителям самим сделать несколько подобных опытов. Публике явно нравилось представление; люди аплодировали, оживленно переговаривались, кивали, всем

своим видом показывая, что сроду не видели такого ловкого фокусника.

После доклада было задано лишь два вопроса, и оба задал старик, как позднее выяснил Хайд, профессор Финлей, один из самых видных в Америке исследователей элементарных частиц.

— Какое по величине пространство можете вы бомбардировать хрононами и считаете ли вы возможным обращать причинно-следственные связи в живых структурах?

— Максимальное пространство — один квадратный фут, но, думаю, можно и плоскость, значительно больше этой, «выложить» такими пластинками. Яйцо — живая структура, то есть почти живая, именно поэтому я его выбрал. Разумеется, если бы мы умершую уже особь поместили на такую обращающую плоскость, то не «вернули» бы ей жизнь, и речь могла бы идти лишь о виртуальной обратимости...

— А как по-вашему, в какой стадии этого «сжимающегося времени» находится сейчас Вселенная?

Хайд почесал затылок.

— Это скорее философский вопрос... Должен, конечно, наступить такой момент, когда прежнее равновесие причинно-следственных связей нарушится, иными словами, как говорил Гамлет, «распадется связь времен». Жизнь людей и само колесо истории начнут все быстрее крутиться в обратную сторону. Но это произойдет очень нескоро, только тогда, когда время действительно остановится... в переходном состоянии равновесия...

Больше вопросов не было. Кое-кто подошел поздравить Джорджа Хайда, по большинство, смеясь и недоуменно покачивая головой, тут же покинули зал. Секретарь Королевского общества не стал просить молодого физика подготовить письменный текст доклада для опубликования в ежегоднике.

Джордж Хайд вернулся в Норвич в мрачном расположении духа. Его жена Барбара, приготовив праздничный ужин, ждала его, но по расстроенному лицу мужа сразу поняла, что для праздника пока нет никаких поводов.

На другой день лишь одна из утренних газет, «Обсервер», поместила несколько строк о докладе Джорджа Хайда: «Перед немногочисленными слушателями выступил с докладом молодой преподаватель Норвичского университета, доктор Джордж Хайд. Он пытался доказать интересную теорию времени с помощью нескольких не очень убедительных, но забавных фокусов, в которых главную роль играли куриные яйца и стаканы. По его мнению, структура пространства-времени Вселенной такова, что сжатие времени и нарушение причинно-следственных связей могут сопровождаться расширением пространства. Доктор Хайд тоже, как видно, стал жертвой старой ловушки: что было раньше, курица или яйцо? Но на этот вопрос, как мы полагаем, и он не даст определенного ответа».

Покраснев от гнева, Джордж Хайд отшвырнул газету. Теперь на кафедре станут над ним издеваться, а студенты будут пересмеиваться за его спиной.

— Не сердись, дорогой,— проговорила Барбара, тоже прочитавшая газету.— Гении редко получают признание при жизни.

Джордж выругался и, хлопнув дверью, вышел из комнаты. Он знал, что Барбара сказала это из лучших побуждений, но ее наивность хоть кого могла вывести из себя.

В лаборатории он мужественно перенес поздравления и неизбежное подтрунивание коллег, а затем углубился в свои расчеты. О степени расширения Вселенной он располагал данными главным образом бла-

годаря Хаблу, но, определяя возраст Вселенной, мог опираться, разумеется, только на ориентировочные оценки. И о нарушении равновесия пространства-времени мог делать лишь примерные предположения: плюс-минус один-два миллиона лет здесь едва ли учитывались...

Огорченный, Джордж отошел от вычислительной машины. Его взгляд упал на алюминиевую пластинку, которую он предварительно положил возле себя. На ней валялась дохлая муха. Это привлекло его внимание, и он вспомнил вопрос профессора Финлея о живых организмах.

Хайд поспешил на кафедру психологии, где один ученый, с виду робкий, запуганный, уже долгие годы проводил лабиринтные опыты с крысами и белыми мышами, так что постепенно и сам стал похож на своих подопытных животных. В лаборатории психолога стояла ужасная вонь. Хайд попросил у него мышь и, взяв ее за хвостик, морщась, понес к себе на кафедру. Ему не повезло, он встретил несколько своих учеников, на которых вид Хайда с мышью произвел неизгладимое впечатление.

Хайд положил мышь на алюминиевую пластинку. Животное оцепенело, потом заволновалось, за какую-то долю секунды словно бы изменилось в размере и, наконец, вытянувшись, испустило дух.

«Понятно, — рассуждал Хайд. — Жизнедеятельность — комплексное явление, и распад причинно-следственных связей нарушает деятельность клеток и органов. Да, это так... Но сжатие времени Вселенной должно когда-нибудь произойти... Здесь причина и следствие, превращаясь в свою противоположность, не обязательно вредят живым организмам...»

Джордж Хайд потеревил всклокоченную бороду. Алюминиевая пластинка, бомбардированная квантами времени, стала проводником хрононов: время на

ней как бы лилось, пульсировало. Но откуда оно лилось и, главное, куда?

Он положил на пластинку свои ручные часы. Часы остановились, но через несколько секунд стрелки стали двигаться в обратную сторону. Вскоре они замерли, и часы распались на части. От них осталась только металлическая и стеклянная пыль.

Потом Хайд проделал еще несколько опытов со всевозможными мелкими предметами, но, как он обнаружил, разные предметы вели себя совершенно по-разному, и никакой общей закономерности ему вывести не удалось. Распад квантов времени происходил, по-видимому, в этих случаях неодинаково.

Все это было невероятно увлекательно, и Хайд подумал, что в ближайшем будущем его ждет Нобелевская премия по физике, а, кроме того, люди когда-нибудь станут называть его имя рядом с именами Ньютона, Эйнштейна, а может быть, первым среди них...

Однако одному из величайших физиков всех времен пора было идти домой — он обещал Барбаре сделать в тот день кое-какие покупки. По дороге Хайд зашел в «Гамбургские небеса» и там, уничтожая с аппетитом вкусный сэндвич, подумал, что день сегодня тянется дольше, чем вчера. Вдруг он заметил, что правая рука у него слегка посинела и распухла. Особой боли он не ощущал, но вид руки так смутил его, что по пути домой он заглянул к врачу.

Врач недоуменно хмыкнул, помял руку, задал кое-какие вопросы, сделал укол, потом пригласил еще одного врача, который в свою очередь осмотрел Хайда и тоже принялся расспрашивать его о том о сем. Хайду сделали рентгеновский снимок, после чего оба врача стали шепотом совещаться.

— Видите ли, мистер Хайд,— смущенно сказал наконец один из них, — мы считаем, что вам необхо-

димо немедленно лечь в больницу. У вас нарушено кровообращение, но ни причины, ни характера этого явления мы пока установить не можем.

— Боли я не чувствую, и некогда мне заниматься подобными пустяками,— сердито проворчал Хайд.

Другой врач сокрушенно посмотрел на него.

— Но это необходимо. Если вы не поторопитесь, правую руку придется, по всей видимости, ампутировать.

Три недели пролежал Джордж Хайд в больнице, и врачи сделали все возможное, чтобы спасти ему руку. Их усилия не пропали даром, но только отчасти: рука осталась парализованной.

Все эти три недели Джордж был поглощен мыслью о сжатии времени.

— Какое счастье, что все так обошлось,— ласково встретила его Барбара, которая, казалось, не обращала внимания на то, что рука у мужа висела плетью. — Смотри, не опоздай завтра на доклад в Королевском обществе. Он несомненно пройдет с успехом. Я собираюсь отметить это событие праздничным ужином.

Джордж Хайд оторопел.

— Опять доклад? Но ведь я уже прочел его больше трех недель назад!

— Да что ты, дорогой мой!

— Барбара, я еще не окончательно сошел с ума! Третьего октября я прочел этот проклятый доклад в Королевском обществе. Ты же сама видела ту злополучную заметку в «Обсервере»...

— Джордж, я и в самом деле не понимаю... Ведь сегодня второе октября! Куда ты собрался? Джордж, погоди!

Хайд помчался в университет.

— Как, ты еще не в Лондоне? — спросил психолог и похлопал его по спине.— Быть тебе великим

человеком, старина! О чем ты читаешь доклад? Подумать только, такой молодой! А с этими жалкими мышами карьеры не сделаешь!

Джордж Хайд ворвался в лабораторию и подбежал к рабочему столу. Он перевернул все вверх дном, но алюминиевой пластинки так и не нашел. Больше того, не нашел он и своих заметок.

Закрыв лицо руками, он погрузился в размышления. Тщетно допытывались коллеги, что с ним случилось.

Хайд ясно, отчетливо помнил все. И вдруг он понял. Дверь... Эта алюминиевая пластинка была как бы дверью, через которую начало утекать время... время Вселенной. Уже три недели утекает время, и постепенно, но все быстрее, оно сжимается, поворачивая все вспять. И эта алюминиевая пластинка здесь, где-то здесь, только теперь она навеки в другом времени, можно сказать, в другом пространстве...

Случай с Джорджем Хайдом заинтересовал нескольких психиатров, но превходящие обстоятельства помешали им спокойно заняться исследованием.

Когда Джордж Хайд тихо скончался в психиатрической клинике, мир был накануне второй мировой войны. К счастью, ему не пришлось ее пережить.

Бела Балаж

Встреча

Научно-исследовательский корабль «Меркурий» вошел в систему Эпсилон Эридана.

— Координаты 423-688-321, — доложил штурман.

— Включить автоматическое управление. Посадка на планете номер семь, — отдал распоряжение командир Ларр.

Зелено-голубой диск на щите видеографа все увеличивался, пока наконец не заполнил экран. Двигатели «Меркурия» взревели, корпус его начал мелко вибрировать, затем все стихло. Перегрузка, вызванная ускорением, ослабла; люди с облегчением почувствовали, что снова могут двигаться нормально.

— Сила притяжения 0,9g, температура окружающей среды 80°C, атмосфера слегка отравленная, — бормотал Ларр, диктуя данные. — Ну, здесь высаживаться не стоит. Включить манипуляторы на взятие пробы.

Из космического корабля, ощупывая все вокруг, выдвинулись гигантские механические руки.

Шарообразное Существо неподвижно покоилось на скале и размышляло над сложнейшей математической проблемой. Но вот оно вздрогнуло, потревоженное оглушительным ревом снижающегося космического корабля.

— Стоило только сосредоточиться... И решение, кажется, было близко,— нервно пульсировало Существо, укоризненно разглядывая непрошенных пришельцев.— На редкость примитивная колымага! Когда-то в Центральном музее я видел макет подобного сооружения. Ну что ж, поразмыслить всерьез теперь все равно не удастся, по крайней мере хоть рассмотрим оригинал.

И Существо направилось к «Меркурию».

Манипулятор помещал один за другим живые организмы в камеру для изучения их мыслительных способностей. Сейчас на дно шлепнулось какое-то палочкообразное существо. Космофилолог в шлеме с конвертором привычно крутил трансформаторное устройство, читающее мысли и ощущения подопытных. Постепенно клокочуще-булькающие звуки стали разборчивее.

— Все кругом непривычное. Я ощущаю страх. Не нахожу пищи. Бежать отсюда, бежать!

Ларр махнул рукой и нажал кнопку дезинтегратора. По камере промелькнул сине-фиолетовый луч, и организм исчез, распавшись на атомы. Загудели вентиляторы, и манипулятор взял очередной экземпляр для исследования. Это было гигантское существо. Агрессивность его природы выявилась с первых же мгновений. Оно яростно кидалось на прутья клетки.

Снова зазвучал трансформатор:

— Незнакомое место. Я никогда здесь не был. Чувствую злость и голод. Только бы перегрызть эти тонкие прутьки, и я сожру их всех до единого, ведь они — явно слабые и беззащитные твари. Если бы эти палки не были такими прочными! Голод! Боль! Голод!

Ларр узнал все, что требовалось. Глаза его блеснули, и он снова включил дезинтегратор.

В этот момент манипулятор подцепил Существо. Командир с интересом рассматривал пульсирующий, переливающийся всеми цветами радуги шар.

— Активизирую свои мысли в 98-м мозговом поле,— прозвучало из трансформатора.— Я очутился на космическом корабле архаической конструкции, назначение камеры пока не установлено. Меня разглядывают. У этих пришельцев смехотворное строение: из тела выступают пять отростков. Им свойственна только двусторонняя симметрия. Перехожу на более короткие волны. Ага! Это разнополюсные позвоночные млекопитающие. Судя по строению и скелету, это уроженцы планеты с гравитацией средней мощности и умеренным климатом. Мозг у них помещается в верхнем отростке. Он составляет чуть больше одной сотой всей массы тела. Концентрация нейронов 10^7 в 1 кубическом сантиметре, следовательно, у них в общей сложности 10^{10} клеток мозга. Время реакции нейрона... сотая доля секунды. Что ж, при таком интеллекте и то, чего они добились, можно считать достижением...

— Покорнейше благодарю, — негромко фыркнул командир, с возрастающим интересом присматриваясь к Существо.

— Мне следовало бы внимательнее отнестись к их конвертору мыслей. Ведь я нахожусь в непосредственной связи с мозгом филолога, — дернулось Существо, досадуя на собственную рассеянность.— Нужно тотчас же перейти на инверсию. По крайней мере узнаю, откуда они прилетели.

Ларр отказывался верить самому себе, а между тем все это происходило на его глазах. Регуляторы трансформатора мыслей сами собой переключились на обратную связь, космофилолог как загипнотизированный уставился на «пленника» в камере, а конвертор возобновил свои показания:

— Исследовательский корабль «Меркурий» с третьей планеты...

Ларр привел в действие дезинтегратор. Никто посторонний в космосе не должен знать — без особого на то разрешения — откуда они прибыли. Ведь пока им не известна природа исследуемого. А вдруг утерянная информация навлечет на Землю смертельную опасность?

Существо в камере продолжало спокойно пульсировать. Словно невидимая оболочка защищала его от смертоносных лучей.

— ...Солнечной системы, — продолжал трансформатор. — Галактоцентрические координаты...

Ларр выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в проклятый шар.

— ... = $136^{\circ}21'42''$; $D = 0^{\circ}02'14''$...

Лицо командира окаменело. Он стиснул зубы и выстрелил в филолога.

— Варвары! — ужаснулось Существо. — Надо провести немедленную ретрансформацию объекта.

Ларр начал сомневаться в собственном рассудке. Шарообразное Существо необъяснимым образом вдруг оказалось возле филолога и обволокло кровотокающую голову.

— ... = 30 637, 5238 световых лет, — закончил трансформатор.

— Немедленно старт! — вне себя скомандовал Ларр.

Двигатель взревел, огромный столб огня вырвался из нижних дюз корабля, люди снова почувствовали, как стискивает горло и как все их тело наливается невыносимой тяжестью от перегрузок; кровообращение словно замерло. «Меркурий» с максимальной скоростью удалялся от планеты.

Существо освободило филолога и своеобразными перекатывающимися движениями, словно ртуть —

без малейших признаков колебаний или поисков — направилось прямо к кабине пилота и замерло у пульта управления.

— Мы отклоняемся от запрограммированной траектории, — через некоторое время сообщил штурман.

Ларр проверил приборы, внес возможные коррективы, прибегнув к своему богатому опыту космонавта, и наконец вынужден был прийти к заключению, что послушный и надежный доселе «Меркурий» более не подчиняется его воле. Он понял, что пришла пора выполнить приказ, рассчитанный на подобную ситуацию. Он еще раз взглянул на таинственного пришельца — медленно пульсирующий шар; лицо его скривилось в горькой упрямой улыбке, и он нажал кнопку самоуничтожающего устройства.

Ослепительно яркий взрыв разнес корабль на миллионы частиц.

Существо, окутанное предохранительной оболочкой, парило в космосе, задумчиво рассматривая разлетающиеся обломки «Меркурия».

— На редкость гордая порода! Предпочли умереть, но не покориться. Обидно было бы дать им погибнуть. Испробую-ка я локальную инверсию времени. Они того заслуживают.

— Голод! Боль! Голод! — ревел трансформатор, и Ларр привел в действие дезинтегратор. Затем усталым жестом потер лоб.

— Очевидно, я перетруился, вот и начинает мерещиться всякая чушь. Будто мы исследовали какое-то шарообразное существо и... Да, что-то здесь не ясно. Надо поговорить с экипажем.

«Появились загадочные психические aberrации,— занес он позднее в бортовой журнал.— Впредь до выявления их причин предлагаю объявить систему Эпсилон Эридаана запретной зоной!»

И командир отдал приказ стартовать.

— Должно быть, я допустил неточность. Какие-то воспоминания у них все же остались, иначе они не покинули бы планету, не выполнив до конца программу исследований. Так на чем же меня прервали? Никак не удастся толком сосредоточиться! — раздраженно пульсировало Существо на скале...

Кальман Папани
СНОВА И СНОВА

«В Европе теперь уже все ходят в зимних пальто». При этом мысли он поежился и окончательно проснулся.

Солнце стояло высоко, но жары еще не чувствовалось. Из окна бунгало видны были руины. «Немного осталось от города,— подумал он,— и жалко трогать эти развалины». Накануне вечером он приехал из Афага, где до темноты ждал начальника экспедиции, который привез его сюда, к руинам. Археологов здесь собралось много, и весь облик международного лагеря напоминал венгерскому археологу Ласло Ведрешу студенческий лагерь в Аквинкуме. Там была интересная и приятная работа, не давшая, правда, больших результатов. Примерно того же ждал Ведреш и от Адабских раскопок. Вот если бы вместо Адаба их послали в Вавилон!

Он приехал одним из последних и в тот же вечер познакомился с большинством участников экспедиции; всем им ближайшие два месяца работы представлялись чем-то вроде хорошего отдыха. Так сказал Джон Мортимер, с которым больше всего беседовал Ведреш, предпочитавший, если уж приходилось объясняться на иностранном языке, ломаный английский.

Ведреш не спеша оделся и вышел из бунгало. Все

еще спали; по крайней мере никого не было видно, только несколько арабов плелись к кухне. Он направился к развалинам. Лагерь был разбит на краю города. Редкие деревья, синее небо, руины и тишина... От древнего города мало что сохранилось, и Ведреш не очень-то верил в успех раскопок. Он сел на камень, окинул взглядом лагерь. Теперь скрылись из виду и арабы.

— Доброе утро, — произнес кто-то по-французски за его спиной.

Обернувшись, он машинально ответил на приветствие. На него с улыбкой смотрел Лагардье, лысеющий коренастый человек средних лет.

— How do you do? — Чтобы Ведреш его лучше понял, француз перешел на английский язык. — Я решил прогуляться и посмотреть на наш городок. Развалины довольно живописные, жаль только, мало что сохранилось.

Ведреш с ним согласился. Нашлось, о чем поболтать с четверть часа. Между тем лагерь ожил, возле бунгало появились археологи в пижамах.

— Когда приступим к работе? — спросил Ведреш.

— Не знаю, — ответил Лагардье, — да и не больно интересуюсь. Там, подальше, — он указал на другой конец города, — от одной постройки кое-что уцелело. Видимо, с нее мы и начнем осмотр. Понятия не имею, для чего она служила; по тому, что от нее осталось, трудно судить. Утром, так я слышал от Мортимера, мы все вместе осмотрим развалины, а после обеда Олсен и иже с ним решат, где начнем копать.

— А пока я предлагаю плотно позавтракать, — сказал Ведреш, и они пошли в столовую.

Все утро археологи осматривали руины. Только начальник лагеря — так Ведреш окрестил Олсена, высокого светловолосого шведа, — был всерьез увле-

чен предстоящей работой. Он, судя по всему, основательно изучил историю города, в то время как остальные участники экспедиции знали только, что Адаб был одним из торговых центров Древнего Вавилона. Но Олсен не сумел разбудить их интерес. После обеда на коротком совещании решили, с чего следует начать, и договорились завтра же утром приняться за дело.

Потом Ведреша пригласил к себе Мортимер, живший один в палатке. Этот англичанин, лет сорока, обладавший чувством юмора, с симпатией относился к Ведрешу, с которым его сближало увлечение шахматами. Сыграв после обеда несколько партий, они условились вечером продолжить это занятие.

Во время ужина Мортимер спросил, не пропало ли у Ведреша что-нибудь из вещей.

— По-моему, нет, — ответил тот.

— Видишь ли, — продолжал англичанин, — из моей палатки исчезли кое-какие мелочи. Я подозреваю рабочих, но пока никому, кроме тебя, об этом не говорил.

— Что же пропало?

— По сути дела, ничего ценного. Зеркальце, бритва, зубная паста вместе со щеткой.

— Непременно скажи Олсену, — посоветовал Ведреш. — Знаешь, я привез несколько тюбиков зубной пасты, могу с тобой поделиться.

— У меня болит голова, — пожаловался Мортимер, — а коробка с лекарствами тоже куда-то запропастилась.

Он взял у Ведреша лекарство и пошел объясняться с Олсеном. Поиграть в шахматы в тот вечер им не удалось.

На следующий день археологи трудились с утра до обеда, но ничего интересного не обнаружили.

И тогда решили покопать здесь еще завтра, а если опять ничего не найдут, попытаться счастья в другом месте.

Вечером Мортимер зашел к Ведрешу.

— Не обижайся на меня,— сказал он,— но и сегодня я не смогу сыграть с тобой в шахматы. У меня разламывается голова. Впрочем, как нам играть? Шахматы мои исчезли, да и сидеть не на чем. Утром пропало почти все мое имущество.

— Ты шутишь,— сказал Ведреш.— Кому нужны твои стулья?

— Не знаю. Но палатку мою обобрали основательно, только вещи потяжелей остались.

— Ты говорил вчера с Олсеном?

— Да. Он возмущен случившимся, но полагает, что не стоит сейчас портить отношения с рабочими.

— Иными словами, считай, мол, что ничего не привез из дому.

— Примерно так.

— Прекрасно,— усмехнулся Ведреш.— Завтра тебя, спящего, выкинут вон, а твою палатку уволокут. Хотел бы я знать, что тогда скажет добряк Олсен?

— Пойду поищу его, но дай мне сначала что-нибудь успокоительное.

За ужином все обсуждали таинственное исчезновение имущества Мортимера. Самого англичанина при этом не было. Он пожаловался доктору на сильную головную боль, и тот посоветовал ему пораньше лечь спать.

Ужин отнесли Мортимеру в палатку. Между тем Олсен успел переговорить с уполномоченным правительства, который пообещал строго наказать рабочих, если они действительно окажутся виновными.

Так как пропали довольно громоздкие вещи, он считал, что нетрудно будет найти вора.

К утру Мортимеру стало хуже; он жаловался, что у него буквально разламывается голова, немеют руки и ноги. Жара у него не было. Доктор растерянно посмотрел на Ведреша, который пришел справиться о здоровье приятеля. Потом дал больному сильнодействующее снотворное и велел положить на голову холодный компресс. Выйдя из палатки, он признался Ведрешу, что не может поставить диагноз, и прибавил:

— Если к вечеру Мортимеру не станет лучше, завтра его придется отправить в Ан-Наширайскую больницу.

Но до этого дело не дошло. Когда на другой день археологи после безуспешной работы вернулись в лагерь, их ждала весть: Мортимер исчез. Около полудня доктор зашел его навестить, но палатка была пуста. Пропала даже постель.

— Так что же вы предприняли? — спросил уполномоченный правительства пришедшего к нему майора полиции и жестом указал на стул.

Майор отказался сесть и принялся расхаживать по комнате.

— Должен признаться, ничего, — чуть погодя ответил он.

— Не сердитесь, пожалуйста, — гневно сдвинул брови уполномоченный, — но мне все это совершенно непонятно. Там, где больше чем на сто километров в округе сроду не слышали о похищении людей, вдруг пропадает тяжелобольной человек! К тому же иностранец. Знаете, какой разразится скандал?

— Я тоже, разумеется, понимаю, что дело неприятное, — сказал майор, — но в данных обстоя-

тельстввах, чего вы от меня ждете? Чтобы я с помощью волшебной палочки вернул исчезнувшего или нашел его двойника? Правда, вы, люди гражданские, считаете, — он сердито махнул рукой, — что раз вызвали полицейского, он должен тут же все выяснить и даже уладить. А если полицейский этого не сделал, он просто болван стоеросовый. Так ведь?

— Не сердитесь, — откинувшись на спинку стула, примирительно повторил уполномоченный. — Я немного погорячился. Но поймите, ситуация весьма неприятная и вся эта история с исчезновением человека настолько нелепа, что остается только развести руками и признаться в полной своей беспомощности... — Потянувшись за пачкой сигарет, он спросил: — Не хотите закурить?

— Благодарю вас... Дело это беспокоит меня и по другой причине. По правде говоря, за то время, что я здесь работаю, это уже второй случай.

Майор на миг замолчал и, как бы проверяя впечатление от своих слов, внимательно посмотрел на уполномоченного. Тот весь обратился в слух.

— Это случилось здесь же пять лет назад, — продолжал майор. — И тогда сюда приезжали археологи. Исчез американец... Кстати, сейчас среди приехавших нет ни одного американца?

— Нет, — покачал головой уполномоченный. — И что же, он нашелся?

— Отнюдь нет. Это был некий Уильям Форест. Мы разыскивали его повсюду, но безрезультатно. Он тоже лежал больной. Американцы направили ноту нашему правительству. В конце концов им самим разрешили вести поиски, но и это ни к чему не привело.

— Все селения в этой округе они прочесали?

— Да. Несколько человек до сих пор занимаются поисками, но я не верю, чтобы им удалось найти про-

павшего.— Майор развел руками.— Просто фантастика, но такой случай уже имел место.

На лице уполномоченного отразилось отчаяние.

— Всех в лагере вы допросили? — поинтересовался он.

— Да. Больше других могли рассказать доктор и венгерский археолог. Но их показания лишь подкрепили мое подозрение, что повторился случай, происшедший пять лет назад... Завтра я возвращаюсь в столицу. Дальнейшие поиски считаю бессмысленными. Если англичанин так и не найдется, нас ждут грандиозные неприятности.

И он удалился, оставив огорченного уполномоченного наедине с сомнениями.

После исчезновения Мортимера Ведреш лишился покоя. Еще до приезда полиции он не раз ходил в палатку англичанина в надежде найти там какой-нибудь след, случайно оставшуюся улику, хоть что-нибудь, способное помочь розыскам пропавшего. Однажды, вернувшись к себе в бунгало, он вспомнил, что оставил свою зажигалку в палатке, когда сидел там на полу у входа и курил. Но было уже поздно, и идти за ней не хотелось. А на другой день зажигалки и след простыл. Он спрашивал всех, но никто, кроме него, в палатку не входил и зажигалку не видел. Ведреш долго искал ее, но она как сквозь землю провалилась.

Палатка стояла в стороне от прочих строений, на пригорке, и Мортимер вначале радовался, что во время дождя под нее не затекает вода. Поселившись рядом с руинами, он с гордостью называл себя единственным жителем древнего города...

Во время допроса Ведреш умолчал о пропаже зажигалки, считая это пустяком по сравнению с исчез-

новением человека, да к тому же он и сам стал сомневаться, в палатке ли он ее оставил. Майор полиции сказал ему, что здесь уже второй раз пропадают люди, и Ведреш сразу понял, что услышал нечто важное, наводящее на след, поскольку оба случая, должно быть, как-то связаны между собой. Он ушел встревоженный, не поделившись с майором своими соображениями.

После несчастья с Мортимером началась какая-то сумбурная жизнь; раскопки были прерваны, и Ведреш подолгу сидел в одиночестве, попивая привезенную из дома вишневою наливку. Однажды, как ему показалось, его осенило: он разгадал загадку, над которой все время ломал голову, и решил вечером попытаться счастья.

За обедом разговор по-прежнему вертелся вокруг исчезновения англичанина. На сей раз Ведреш не вступал в беседу. Его мысли были заняты предстоящим экспериментом. Зайдя к себе, он прихватил кое-какие мелочи и отправился в палатку Мортимера. Там он положил на пол спичечную коробку и, сев у входа, стал ждать. Терпеливо ждать. Ведь если он не ошибается, то вскоре сам убедится в своей правоте.

Время тянулось мучительно медленно. Ведреш курил сигарету за сигаретой. Он то и дело поглядывал на коробку, но она лежала на прежнем месте. Чем дальше, тем безнадежнее представлялась ему вся затея.

Приближалось время ужина, и он уже стал подумывать, кто бы мог его сменить, посидеть здесь, пока он поест. Потом, опасаясь стать предметом насмешек, решил никого не посвящать в свой план. Между тем совсем стемнело, и в лагере кончили ужинать. Ну что ж, придется перенести опыт на завтра, и тогда уж весь день не покидать своего поста...

Войдя в палатку, Ведреш принялся в темноте на ощупь искать спички. Чуть погода он бросил поиски и, преисполнившись уверенности, зажег фонарик: спичечная коробка исчезла.

Вечером Ведреш попросил разрешения переселиться в пустовавшую палатку Мортимера. Ему не отказали.

Веки у Ведреша налились свинцом, а тело стало легким, почти невесомым. Ничего не чувствуя, он словно парил в воздухе, в полной тьме. Он не знал, когда это началось и долго ли будет продолжаться. У него не было прошлого, и он не знал своего будущего. Исчезли все желания, испарились мысли; он не понимал, зачем живет на свете. Потом что-то начало шевелиться в глубинах сознания, и он обнаружил, что недоволен настоящим. Недовольство все росло и росло, пока не последовал приказ:

— Действуй!

— Но как? — спросил он.

— Разрушь окружающий тебя мир! — прозвучал ответ.

— У меня нет рук, нет тела, я не могу сдвинуться с места, — в отчаянии пробормотал он. — Что же мне делать?

Последовало молчание, потом донесся ответ:

— Открой глаза и оглядись!

И, сделав над собой чудовищное усилие, он разомкнул веки.

Все вокруг было залито бледно-зеленым светом, не раздражавшим глаза. Ведреш лежал не шевелясь, ослабевший и страшно усталый. С большим трудом ему удалось слегка повернуть голову. Казалось, и она налита свинцом. Но мучительная головная боль прошла.

Ведреш не знал, долго ли он так пролежал, как вдруг почувствовал, что к нему возвращаются силы, и попытался сесть в кровати.

Он находился в большой комнате. Зеленый свет проникал сверху, но Ведреш не мог понять, что служит его источником. Когда он получше осмотрелся, то увидел среди стоящей в беспорядке мебели исчезнувшие вещи Мортимера. Стало быть, он не ошибся в своих предположениях. Он попробовал встать, но это оказалось ему не под силу. Тогда он стал думать, какую вещь взять ему отсюда с собой, и вдруг вспомнил о своей спичечной коробке. И она нашлась. Он очень обрадовался, что его расчеты оказались правильными, но тут же похолодел от страха при мысли: где он находится?

Ведреш еще раз огляделся, теперь уже внимательнее. Комната была очень большая, площадью не меньше ста метров. Кроме вещей Мортимера, там стояла еще какая-то мебель. На зеркально-гладких стенах сверкали зеленые блики. Дверей не было. «Но Мортимер как-то выбрался отсюда», — подумал Ведреш. Он оделся и прошелся по комнате. Когда он приблизился к стене, она бесшумно раздвинулась. Он выглянул в коридор, тоже освещенный зеленым светом. Под ногами что-то зашелестело. Это был листок бумаги.

«Не удивляйтесь ничему. Все это превосходит самую богатую фантазию. Совсем иной мир. Ступайте в библиотеку. Если меня там не окажется, вы найдете мою весточку.

Дж. Мортимер».

Длинный коридор вливался в другой. Впереди стояло что-то похожее на автокар, но без колес. Ведреш осмотрел машину со всех сторон, но так и не

понял, что это. Невысокая, с двумя сидениями, она действительно напоминала автокар, но у нее отсутствовало всякое управление. Ведреш сел в машину, и она тотчас тронулась. У него мелькнула была мысль, не спрыгнуть ли на ходу, но вскоре он передумал. Куда же она едет, если сама выбирает дорогу? Конечно, в библиотеку. Хотя сам Ведреш и представления не имел, где находится библиотека.

Автокар бесшумно несся по воздуху в нескольких сантиметрах от пола. Проезжая по однообразным коридорам, Ведреш подумал, что за стенами тянутся, наверное, какие-то помещения, похожие на комнату, откуда он только что выбрался. Свет стал ярче, один коридор сменялся другим, и автокар, не замедляя хода, сворачивал то вправо, то влево, мчась к цели, неведомой Ведрешу. У него не выходила из головы найденная записка. Где же он, в самом деле, и что означают слова «совсем иной мир»? Но тут машина вдруг остановилась, и стена перед ней раздвинулась. Ведреш вошел в комнату.

Там не было ни одной книги, однако он сразу понял, что попал в библиотеку. Ряды стеллажей, доходивших до потолка, были заставлены коробками, с виду напоминавшими книги. Когда Ведреш снял с полки и открыл одну из них, то обнаружил внутри кинолентку.

— Рад тебя видеть, старина,— сказал кто-то поблизости, и Ведреш тут же узнал голос Мортимера.— По правде говоря, мне не верилось, что я так скоро встречу с тобой. Выходит, ненапрасно я оставил записку.

— Знаешь, Джек, не моя заслуга в том, что я тебя отыскал. Этот автокар точно прочел мои мысли и доставил меня сюда.

— В том-то и дело,— кивнул Мортимер,— ты управлял им мысленно.

— Так ты считаешь...— с недоверием взглянул на него Ведреш.

— Да. Им можно управлять мыслью. Отличная машина.— Англичанин достал трубку и стал не спеша ее набивать.— Тебе, верно, хочется знать, кто изготовил удивительные вещи, которые ты здесь видишь, где мы, как очутились здесь и прочее, прочее...

— Ты прав, обо всем этом я хотел спросить.

— Так вот, на первый вопрос я еще могу ответить: очевидно, здешние хозяева — гении. Но они прячутся от нас. За всю неделю я не встретил ни души. На третий вопрос, к сожалению, не могу дать никакого ответа, а на второй отвечу, если ты последуешь за мной.

Они вышли из библиотеки. В конце коридора появился автокар и вскоре остановился перед ними.

— Давай выберемся на вольный воздух,— сказал Мортимер, когда они тронулись.

Они долго ехали по зеленым коридорам. Ведрешу о многом хотелось расспросить своего спутника, но он молчал всю дорогу. Пол в коридорах полого поднимался, зеленый свет становился все ярче. Потом вдруг путь им преградила стена. Машина остановилась, и стена раздвинулась. Они очутились под открытым небом.

На зеленом небе сияло зеленовато-желтое солнце. Здание, откуда они вышли, было одноэтажное, с плоской крышей, без окон. Перед ним простирался парк. Стояла глубокая тишина.

— Как тут красиво! — нарушил молчание Ведреш.

— Да. Мы могли бы находиться на Земле,— сказал Мортимер,— но мы не там. Это не Земля. Разумеется, не Земля. Посмотри на небо. Посмотри вокруг. Это не земные растения. Вроде такие же, как на Земле, и вместе с тем совсем другие. Да, мы мог-

ли бы находиться на Земле, но мы не там,— повторил он.

— А где же тогда? — встревоженно спросил Ведреш.

— Не знаю. На планете другой Солнечной системы. Здесь не наше Солнце. В нашей Солнечной системе только на Земле такая биосфера.

— Ты в этом уверен? То есть в том, что мы действительно не на Земле? — после недолгого молчания спросил Ведреш.

— Я уже целую неделю здесь,— пожав плечами, проговорил англичанин.

— А что там дальше? — спросил Ведреш.

— Не знаю. Как-то раз я прошелся немного, но парк огромный, и я побоялся слишком далеко забираться. В библиотеке есть, что посмотреть.

— Фильмы?

— Да. Я отыскал проекционный аппарат.

— Какие же это фильмы?

— По-моему, сплошная математика, физика. Я ничего не понял. Какие-то каракули, формулы. Да будь это и английский язык, я все равно ничего бы не понял, не разбираюсь в высоких материях.

— Скажи, а ты *их* не видел?

— Нет,— покачал головой англичанин. — К счастью, нет.

— Конечно. Мне думается, они опередили нас на несколько веков.

— Верней, на много веков. Вспомни хотя бы, как мы здесь очутились.

Они брели по траве.

— Интересно! Тебя не поражает эта тишина? Будто здесь все вымерло.

— Может быть, мы просто не замечаем их,— сказал Мортимер.— В конце концов мы же не на Земле.

— Очень трудно свыкнуться с этой мыслью.

— Тебе хочется есть? — остановившись, спросил англичанин.

— Да.

— Тогда вернемся. И пока будем ехать в автокаре, думай о том, что хочешь есть.

Ведреш ничуть не удивился, когда, проделав примерно такой же путь, они попали в небольшую комнату, где раздвинулась стена и оттуда выскользнули металлические тарелки с едой. Все было вкусно, хотя ничуть не напоминало знакомые блюда.

— Рано или поздно ты свыкнешься с мыслью, что ты не на Земле, — сказал Мортимер. — Окружающая обстановка поможет тебе перестроиться.

Потом, побывав опять в библиотеке, они решили покинуть дом и попытаться отыскать тех, кто перенес их в этот отчасти знакомый и все же такой чуждый им мир.

— Наверно, нас доставили сюда с какой-то определенной целью, — сказал Ведреш.

— Но, видно, потом про нас забыли. И мы даже не знаем, где их искать. Как странно!

— Может быть, они наблюдают за нами?

От этой мысли оба содрогнулись.

— Роль подопытного кролика мне не по вкусу, — сказал Мортимер.

— Ну, тогда попробуем их отыскать.

— Но как? Парк огромный.

— Мне кажется, здесь только исследовательский центр, — медленно проговорил Ведреш. — Где-то должен быть город или что-то в этом роде. Туда мы и отправимся.

— Но как туда попасть?

— Я думаю, мы сможем воспользоваться автокаром, — поразмыслив, сказал Ведреш.

Они переглянулись, и через минуту уже ехали потихих, залитым зеленым светом коридорам. Оба ду-

мали о доме, о людях, а машина тем временем бесшумно неслась уже над травой по парку к только ей известной цели.

Парк и в самом деле был огромный, и по пути они не видели ни одного живого существа. Через некоторое время они оказались на зеленой, поросшей травой равнине. Солнце садилось, судя по всему, дело шло к вечеру, но Мортимер сказал, что дни здесь длинные и полная темнота наступит не скоро.

На равнине не наблюдалось никаких признаков жизни, и так как время шло, а конца пути не было видно, они пожалели, что не отложили свое путешествие на завтра.

Они все ехали и ехали, ландшафт же вокруг не менялся. Солнце опускалось все ниже, и они уже приготовились провести бессонную ночь, как вдруг Мортимер протянул вперед руку и сказал:

— Там город.

— Вижу,— всмотревшись вдаль, проговорил Ведреш.— Значит, не напрасно предприняли мы это путешествие.— Потом он нерешительно прибавил:— Не хватит ли на сегодня? Я немного устал.

— Нет,— возразил англичанин.— Не будем отступать.

В той стороне, куда указывал Мортимер, многократно отражались на чем-то лучи заходящего солнца. Прямо туда держал путь автокар, и постепенно перед ними все яснее вырисовывались очертания города.

На окраине машина остановилась, и люди не смогли заставить ее следовать дальше. Оба устали и не чувствовали особого желания идти пешком. Но не долго стояли они в нерешительности, вскоре к ним подкатил другой автокар, более удобный. После не-

которого колебания они сели в него и направились в центр, а первая машина повернула обратно и скрылась за домами.

Город напоминал большие города на Земле. Правда, улиц в понимании землян не было; одноэтажные дома чередовались с многоэтажными, но отстояли друг от друга не меньше чем на сто метров. В них поражало отсутствие окон. Впрочем, архитектура отличалась красотой и гармоничностью. Ни тротуаров, ни мостовых не было, но вездеход на воздушной подушке в них и не нуждался.

Он бесшумно продвигался вперед, и на глазах людей облик города постепенно менялся. Когда солнце скрылось за горизонтом, небосвод посветлел, и все озарилось тем же зеленым светом, который освещал коридоры исследовательского центра.

— Наверно, какой-то невидимый купол сооружен над городом, — сказал Ведреш.

— Возможно. Но неужели и здесь нет ни одного живого существа? — спросил Мортимер.

Ведреш молчал. Его так поразил внешний вид домов, что он не заметил даже, что город производит впечатление необитаемого.

— Если где-нибудь на этой планете есть живые существа, то они должны быть здесь, — после некоторого раздумья сказал он.

— Разумное замечание. Но мне все это не нравится.

— Давай остановимся и оглядимся получше. Зайдем в какой-нибудь дом.

— А ты видишь хоть один вход?

— Нет. Но в исследовательском центре их тоже не было. И отсутствие окон ни о чем не говорит. Стены, вероятно, прозрачные.

— Поехали дальше.

— Как хочешь,— пожал плечами Ведреш, и автокар с двумя пассажирами покатил вперед.

Через полчаса он остановился.

— Очевидно, мы добрались до центра,— сказал Ведреш.

Они вылезли из машины и стали осматривать окружающие их строения. Дома здесь стояли ближе друг к другу, чем на окраине, и среди них возвышалось многоэтажное цилиндрическое здание. Мортимер указал на него:

— Попытаемся туда проникнуть.

Он пошел вперед, Ведреш последовал за ним.

Они обошли здание вокруг, но входа не обнаружили. Им вспомнился исследовательский центр. Они приблизились к стене, которая тут же раздвинулась, и они очутились в зеленом коридоре. Все здесь напоминало ту комнату, где они пришли в себя, перенесенные в этот неведомый мир. Новый автокар вез их по лабиринту тихих коридоров, а сами они понятия не имели, куда хотят попасть. Неожиданно машина остановилась, и они вошли в комнату, где стояли две кровати, стулья и стол. Одна стена была сделана из какого-то прозрачного материала, и перед ними открылась красивая панорама. С высоты пятидесяти метров они увидели город, залитый бледно-зеленым светом.

— Тут позаботились о том, чтобы мы могли спать,— Ведреш отошел от прозрачной стены.— Но раньше надо все осмотреть.

— Я за то, чтобы поскорей лечь спать,— возразил Мортимер, стоявший у стены, через которую они проникли в комнату.— Пока ты любовался красивым видом, я обнаружил, что попасть сюда легче, чем выбраться отсюда.

— Как так? — в недоумении глядя на него, спросил Ведреш.

— Да ведь нас заперли. Город этот, видимо, обитаем, я уже склоняюсь к этой мысли.

Подойдя к стене, Ведреш попытался припомнить, что он делал раньше, когда хотел выйти из комнаты. И понял: так же как и теперь, он ничего особенного не делал, значит, их действительно заперли.

— Ну, с голоду по крайней мере мы не умрем, — сказал Мортимер, глядя на тарелки, выскользнувшие из стены. — Думаю, сейчас самое разумное — поужинать и лечь спать. Видно, инопланетяне сегодня не намерены общаться с нами.

Они принялись за еду.

— Знаешь, Джон, — сказал Ведреш, когда они, уже лежа в постелях, любовались панорамой города, — по-моему, они очень похожи на нас.

— Кто? Жители этой планеты?

— Да. Подумай сам: их пища вполне съедобна; они, как и мы, живут в домах, спят в кроватях. Мы дышим их воздухом, и даже не замечаем, что это не наша, а какая-то другая атмосфера.

— И мы надеемся встретиться с ними, хотя до сих пор не видели ни души. Да в таком большом городе! Интересно, увидим ли мы их когда-нибудь?

— Тебе, очевидно, не терпится.

— Не думаю, чтобы они хотели причинить нам какой-нибудь вред, иначе давно могли бы это сделать. Впрочем, мы очутились здесь не по своей воле.

— Ну и что из того?

— Мне кажется, мы просто не в состоянии их видеть. Боюсь, они для нас невидимы. Быть может, они где-то рядом, а мы их не замечаем.

Они замолчали. Обоих терзали сомнения. Но усталость взяла свое, и вскоре они заснули глубоким сном.

— Мистер Мортимер и мистер Ведреш, вы слышите меня? Мистер Мортимер и мистер Ведреш, про-

снитесь! Вы понимаете, что я говорю? Мистер Мортимер и мистер Ведреш, вы меня слышите?

— Кто это?

— Рад, что вы наконец проснулись. Доброе утро.

— С кем мы говорим?

— Я обращаюсь к вам от имени жителей этого города. Мой шеф... иначе говоря, мэр...

— Нельзя ли нам повидать его?

— Нет. Мой голос доносится к вам из репродуктора в стене. Я робот. Я полностью в вашем распоряжении. Когда к нам приезжают гости, моя обязанность их обслуживать.

— Откуда ты знаешь наш язык?

— Я изучил его ночью, пока вы спали. Мне пришлось выбирать один язык из двух, и я выбрал тот, который вы оба знаете.

— Твой шеф тоже робот?

— Нет.

— С ним можно поговорить?

— Нет. Он еще не знает, что вы здесь.

— А ты разве не сообщишь ему?

— Когда он придет, как делает это ежедневно, я доложу ему о вас.

— А когда это будет?

— Скоро. Не нужно ли вам чего-нибудь?

— Когда поговоришь с ним, извести нас.

— Хорошо.

— Один вопрос...

— Какой?

— Как выглядит твой шеф?

— Похож на вас. Только немного постарше.

— Спасибо.

— До свидания.

Мортимер и Ведреш сели в кроватях и уставились друг на друга. Солнце стояло уже высоко, и через

прозрачную стену виден был город, в котором по-прежнему не наблюдалось признаков жизни.

Не успели они обменяться впечатлениями, как снова раздался голос робота:

— Мистер Мортимер и мистер Ведреш!

— Мы тебя слушаем.

— Я доложил своему шефу.

— А нам можно поговорить с ним?

— Он уже ушел.

— И ничего нам не передал?

— Он лишь выслушал, что я ему рассказал, но сам промолчал по обыкновению.

— А ты не знаешь, куда он пошел?

— Я здесь, — раздался чей-то голос.

Робот молчал, а Ведреш и Мортимер повернулись туда, откуда донесся голос.

Перед ними стоял седовласый мужчина лет пятидесяти.

— Меня зовут Уильям Форест. Очень рад вас видеть. Я уже знаю ваши имена, и вам нет нужды мне представляться. Если не ошибаюсь, вы тоже археологи.

— Да, мы археологи, — сказал Мортимер. — Но простите меня, сэр, как вы сюда попали? Может быть...

— Вот именно. Точно так же, как и вы. Только значительно раньше. Пойдемте ко мне, я расскажу вам все, что знаю.

— Но робот...

— Им распоряжаюсь я, — сказал Форест. — А теперь одевайтесь и пойдемте ко мне. Мою дочь очень обрадует приход гостей.

В доме, стоящем ближе к окраине, их встретила молодая девушка, назвавшаяся Майрой Форест. Хозяин провел Мортимера и Ведреша в комнату, обставленную необычной на вид, но очень удобной мебе-

лью, и, усадив гостей, принялся рассказывать свою историю.

— Вы, верно, слышали раньше мое имя. Исчезновение мое вряд ли могло пройти незамеченным, правда? Впрочем, это не столь существенно. Я действительно попал сюда так же, как и вы. Разница, видно, заключалась лишь в том, что, заметив, как постепенно исчезают мои вещи, я сам решил последовать за ними. Это было лет пять назад, ведь здесь нелегко вести земное летоисчисление. В Адабе тогда был открыт международный лагерь археологов, такой же, полагаю, как ваш. Прежде чем отважиться на этот рискованный шаг, я написал дочери о том, что передумал и переживал, что собираюсь сделать, и попросил ее, если я не появлюсь через неделю, рассказать все соответствующим органам. А она, — тут он бросил укоризненный взгляд на стройную смуглую девушку, — не сказав никому ни слова, последовала за мной, что послужило причиной немалых бед. Ну, да что говорить!

Итак, я проделал тот же путь, что и вы. Меня тоже потрясла эта высокоразвитая цивилизация. Вы, например, еще не знаете, так как попали сюда совсем недавно, что климат здесь автоматически регулируется и постоянно стоит хорошая погода, в чем вы сами могли уже убедиться. Все механизировано и автоматизировано. Для руководства всей хозяйственной жизнью достаточно одного человека. Большинство машин управляется с помощью телепатии, о прочем я умолчу.

Словом, я был потрясен увиденным и стал искать живые существа, создавшие все это. Долго искал, но так и не нашел. Пять лет — срок немалый. Сначала я досконально изучил город, потом мы с Майрой отважились выйти за его пределы. Мы посетили несколько городов, похожих на этот, но все они оказа-

лись необитаемыми. Машины и роботы действовали, а поскольку Майра получила образование инженера-электрика, мы вскоре научились управлять ими, хотя сам принцип действия удавалось понять лишь в редких случаях.

Шли месяцы, и мы постепенно теряли надежду встретиться с разумными существами. Мы вообще не видели никаких живых организмов. На этой планете нет признаков жизни, только машины и роботы, роботы и машины. Убедившись в этом, мы почувствовали себя увереннее. Нас стали занимать вопросы: что произошло с местными жителями, как нас перенесли сюда и зачем? Мы просто-напросто смирились с мыслью, что нас двое на всей планете, и, желая познакомиться с новой для себя цивилизацией, понять ее, принялись искать ответы на эти вопросы.

— К каким же выводам вы пришли?

— Не знаю, правильны ли они. Вы, разумеется, согласитесь со мной, что для археолога трудно найти более интересную задачу, но фантазия может далеко его увести... Не угостите ли вы меня сигаретой? Не помню, когда курил последний раз.

Ведреш протянул ему пачку сигарет, а Мортимер дал зажигалку. Форест, удобно устроившись в кресле, некоторое время молча курил, потом продолжил свой рассказ.

— Вскоре я с огорчением убедился, что эту задачу мы с Майрой решить не в силах. Нам необходима большая, огромная помощь. Первое время я надеялся, что, прочтя на Земле мое письмо, многие последуют за мной. Но сюда прибыла лишь моя дочь, и мне не оставалось ничего иного, как рассчитывать на счастливый случай. И вот через пять лет появились вы. Впрочем, лучше поздно, чем никогда. Для вас это всего лишь небольшое приключение, ведь вскоре мы сможем вернуться на Землю.

Ну, что вам сказать? Мы здесь узнали немало. По материалам, хранящимся в музеях, библиотеках и архивах, многое удалось восстановить. Здешняя цивилизация по крайней мере на тысячу лет опередила нашу. Биологически жители были похожи на землян — я вам покажу несколько фильмов, — это необыкновенно интеллектуальные существа, если угодно, люди. Их знания в области естественных наук, насколько Майра может судить, просто поразительны. Достигнув высшей ступени развития, они совершали межпланетные путешествия и побывали на Земле. И тут их история тесно переплелась с нашей.

Прошел не один год, прежде чем мне удалось разгадать тайну их письменности. Знаете, что послужило ключом? Вавилонское письмо. Меня всегда интересовали древние языки, и теперь эти знания пригодились. Письмо обитателей этой планеты поразительно напоминает вавилонское.

Вы спросите, почему и как исчезли эти существа? С помощью Майры картина постепенно прояснилась. По неизвестной причине космическая радиация на поверхности планеты значительно возросла. Нарастала она скачкообразно, и, несмотря на высокоразвитую науку, инопланетяне оказались не способны устранить внезапно возникшую опасность. Их цивилизации грозила гибель. Оставался один выход: ограниченному числу жителей покинуть планету, и когда минует опасность, вернуться обратно. Я уже говорил, что они совершали межпланетные путешествия. Как они это делали, мы не знаем, хотя и сами каким-то образом попали сюда. По мнению Майры, они научились разлагать предметы и живые существа на составные элементы, кодировать их и передавать в виде электромагнитных волн. У нас нет ни малейшего представления, как из электромагнитных волн

они воссоздавали предметы в их первоначальной форме. Но и для них, по-видимому, это было не просто, иначе спаслось бы все население. А так лишь некоторым удалось бежать, и они попали на Землю.

Ведреш не верил собственным ушам: рассказ американца казался ему совершенной фантастикой. Мортимер же, сохранявший невозмутимость, спросил:

— Что из сказанного вы способны аргументировать, а что представляется вам гипотетичным? Ведь если все это соответствует истине, то можно сделать далеко идущие выводы, касающиеся развития земной цивилизации.

— При желании вы можете ознакомиться с фильмами, снятыми этими существами во время их первого путешествия на Землю. Это было еще до начала нашей истории, основанной на письменных источниках. Однако запечатленные в фильмах животные и растения позволяют установить примерное время. Я не берусь делать какие бы то ни было заключения, но, учитывая сходство письменности инопланетян с вавилонской, можно полагать, что они переселились на Землю примерно за десять тысяч лет до нашей эры. Их появление способствовало развитию нашей цивилизации. Не трудно также доказать родство их письма с шумерским.

— Допустим, вы правы, — заметил Ведреш, — но что же произошло с ними на Земле? Почему мы не находим их следов? Ведь раса с такой высокой цивилизацией могла укорениться на Земле, и тогда мы, люди... — он запнулся, не зная, чем кончить фразу.

— Вы хотите сказать, — пришла ему на помощь Майра Форест, — что мы, ныне живущие люди, могли бы быть их потомками?

— Я бы не стал делать такие смелые предположения, — сказал Ведреш.

— И я тоже, — поддержал его Мортимер. — При современном состоянии антропологии в это едва ли можно поверить. Надо искать другое объяснение.

— Я долго ломал голову, но не нашел удовлетворительного объяснения, — сказал Форест. — Мне кажется, могло произойти следующее: инопланетяне запрограммировали машины таким образом, чтобы, когда минует опасность, изменить направление передачи информации; это позволило бы им возвратиться сюда. Затем они транспортировали на Землю группу избранных. Но так как они стремились в первую очередь спасти живые существа, им пришлось практически без всякого оснащения переселиться на Землю.

И хотя нам, современным людям, известен принцип работы цветного телевидения и ракеты, предложи я сейчас вам создать то или другое, вряд ли кто из вас взялся бы за это. Где раздобыть нужные материалы, инструменты? Вероятно, в таком же положении оказались и жители этой планеты, которым на Земле пришлось начинать все сначала. Они, очевидно, надеялись рано или поздно вернуться обратно, но это им не удалось. Их планета очень долго оставалась необитаемой. Если цивилизованного человека бросить одного в джунглях, у него мало шансов выжить. А как могли добиться превосходства на Земле эти пришельцы?

И теперь не трудно объяснить, каким образом мы попали сюда. Должно быть, началась обратная передача, и планета снова стала обитаемой.

— А тем временем сами ее обитатели бесследно исчезли, — сказал Ведреш.

— Они действительно исчезли, но не бесследно. Возможно, небольшие их группы смешались с людьми той эпохи. Надо полагать, земляне принимали их за кудесников, и поэтому они заняли привилегиро-

ванное положение в общинах Двуречья. Но их было мало, и они не могли повлиять на ход истории, а чтобы не погибнуть, вынуждены были приспособляться.

В доказательство своей гипотезы сошлюсь еще раз на сходство месопотамской письменности с письменностью инопланетян. В древности письменность была привилегией и заповедной тайной избранных, что представляется мне довольно убедительным аргументом.

Но это не единственный путь, по которому можно пойти. Предположим, два инопланетянина вступили в общение с нашим предком. Предположим далее, что они, отличаясь высоким интеллектом, сумели как-то с ним объясниться и рассказали ему о райской жизни на своей планете, где благодаря машинам у них самые благоприятные условия существования. Что способен был усвоить из их рассказа наш пращур, живший более тысячи лет назад?

— Очевидно, ничего из того, что связано с техникой, — сказал Мортимер.

— И, очевидно, ничего из того, что связано с чужой культурой, — прибавил Ведреш.

— Надеюсь, вы уже убедились, что эти существа действительно жили здесь, как в раю, — продолжал Форест. — Да, как в раю. Они были умнее нас. И, отведав плодов от дерева познания, навлекли на себя гнев всевышнего, и он изгнал их из рая. Об этом говорится в Библии. Именно такова история Адама и Евы.

Пришельцы стремились вернуться на свою планету, но не смогли. Одно поколение сменяло другое, и постепенно меркли воспоминания об ином мире. Некоторые инопланетяне, видимо, смешались с землянами, остальные погибли... А направление передачи изменилось, и Майре понадобилось пять лет, что-

бы научиться настраивать приборы. Завтра, к нашему счастью, мы сможем вернуться на Землю.

Они сидели на траве перед зданием исследовательского центра. Ведреш смотрел на деревья, зеленое небо, парк, за которым где-то вдали раскинулся город.

— Я очень беспокоюсь за отца, — нарушила молчание Майра. — Почему я не осталась с ним?

— Твой отец ни за что бы на это не согласился.

— Но мы уже знаем принцип действия приборов. И ничем не рискуем. Во время эксперимента предметы исчезали один за другим.

— Возможно, — без особой уверенности проговорил Ведреш.

— Но это действительно так. Ведь мы имеем дело не с земными машинами.

— Вот именно. Мы можем и не заметить, что они вышли из строя.

— Ничего подобного! Неужели ты думаешь, что в них отсутствуют предохранительные устройства?

— Я знаю только одно: им уже около десяти тысяч лет, — сказал Ведреш.

— Поэтому-то я и хотела бы сейчас быть вместе с отцом! — воскликнула Майра. — Я же сама настроила все приборы.

— Но именно поэтому тебе пришлось здесь остаться. Возможно, тебе понадобится и моя помощь. — Он посмотрел на девушку, печально устремившую взгляд в пространство. — Не волнуйся, Майра, на Земле все мы встретимся.

Она словно не слышала его слов.

— Он боялся, как бы со мной не приключилась какая-нибудь беда, — чуть погодя сказала она.

— Когда мы сможем отправиться? — спросил Ведреш.

— Да хоть сейчас.

— Тогда пошли.

Девушка хранила молчание. Ведреш обвел взглядом расстилавшийся перед ним пейзаж.

— Теперь, когда мы можем вернуться домой, мне жаль покидать этот мир, — сказал он.

— Мы с отцом прожили здесь пять лет, — сказала Майра, — и все это время нас поддерживала надежда, что когда-нибудь нам удастся возвратиться на Землю.

Они молча двигались по коридорам, мерцающим в зеленом свете, и наконец достигли нужной комнаты. Ведрешу все здесь было знакомо и даже чем-то мило. Ему действительно было жаль покидать этот мир. А если тут никого не останется, люди никогда больше сюда не попадут. Некому будет изменить направление передачи информации. И почему он не оставил на Земле письма? Кто знает, когда представится другой случай приобщиться к этой забытой цивилизации и за короткое время приобрести столько знаний? А теперь он и Майра покинут эту планету, замкнется невидимая дверь, и человечество лишится огромных возможностей. К тому же переданная на Землю информация, возможно, и не пригодится... В какой мир попадут они, вернувшись туда? Сами они не успели еще состариться, а на Земле какой сейчас год?

Ведреш находился в комнате, где в свое время очнулся, перенесенный на неизвестную планету. Там ничего не изменилось, только исчезли вещи Мортимера. И, разумеется, не было самого Мортимера и Фореста, которые два дня назад побывали в этой комнате. Вскоре здесь появится Майра, сейчас она в последний раз проверяет приборы. И потом в путь,

на Землю. Там они узнают хотя бы, сколько прошло времени, надо будет только заглянуть в календарь.

Одна из стен раздвинулась и в комнату вошла Майра. Лицо ее было бледно. Она в изнеможении прислонилась к стене. Ведреш понял: что-то случилось.

— Приборы... — прошептала она. — Приборы перестали действовать.

— Что?! — вскричал Ведреш.

— Вышли из строя. Не представляю, что делать. Я так и не научилась как следует разбираться в этих электронных приборах.

Перед глазами Ведреша все поплыло. Значит, они остаются здесь. И неизвестно, насколько. Прощай, Земля.

— Я пошла проверить настройку и убедилась, что приборы не действуют. Просто с ума можно сойти. Майра заплакала.

Ведреш огромным усилием воли взял себя в руки. Более того, он почти смирился со случившимся. Видно, воля судьбы, чтобы накопленные знания не пропали даром. Но Майра... Только что она призналась: лишь надежда на возвращение придавала ей силы. Сейчас она казалась слабой, хрупкой девочкой.

— Что же теперь будет? — молящий голос Майры на время отвлек его от раздумий.

Что сказать ей? Что он и в самом деле ни о чем не жалеет? И вдруг он понял, почему не испытывает грусти и сожаления: рядом с ним девушка — молодая, привлекательная.

— Сейчас мы уйдем отсюда, Майра. А завтра снова придем. Если понадобится, и послезавтра...

— А если все понапрасну? — Как видно, она ждала от него спасительного совета, но он ничем не мог ей помочь.

— Тогда мы придем сюда через некоторое время. Будем приходить снова и снова.

— А если так и не сможем покинуть эту планету?

— Будем надеяться, что мы вернемся на Землю. И вернемся не с пустыми руками. Мы здесь первые люди. Если не возражаешь против такого сравнения, современные Адам и Ева. Некогда обитатели этой планеты вступили в общение с нашими предками. Им тогда пришлось много труднее. И уверен, они не сдались... Зачем же нам опускать руки?

Его взгляд встретился со взглядом Майры. Глаза ее затуманились от слез. Она долго молчала и Ведреш уже начал отчаиваться, но наконец она прошептала:

— Мы не сдадимся.

И улыбнулась сквозь слезы.

Дежё Кемень

Несчастный случай с профессором Баллой

— Расскажи толком, Габор, что собственно говоря, произошло? — Сакач закурил сигарету.

Шомоди огляделся. На столе валялись книги, в углу тахты лежала стопка выглаженных рубашек, дверца шкафа была приоткрыта — уже много лет замок ее испорчен.

— Нет ли у тебя чего-нибудь выпить? — спросил он.

Сакач вынул из ящика стола бутылку джина и наполнил бокалы.

— Шеф совсем меня с ума сведет!

— Ты с ним поругался? — С бокалом в руке Сакач удобно откинулся на тахте и подмигнул другу.

— С Баллой? — запротестовал Шомоди. — Ну, нет! Бедняга Краммер был человеком нервным, с ним трудно было ладить. Зато шеф — воплощение спокойствия. Хотя, знаешь, именно в этом все дело: с тех пор как их машина перевернулась на шоссе в Гётеборге, нервы у него очень сдали. Однако он держит себя в руках, он всегда отличался сильной волей. Но... поэтому я к тебе и пришел.

Сакач задумался.

— Насколько я помню, его ассистент погиб...

— Краммер? К сожалению. Талантливый был ученый... Он сидел за рулем — Балла не водит машину. Автомобиль занесло, он налетел на бетонную ог-

раду, руль продавил Краммеру грудь. Балла тоже был ранен, его доставили в больницу без сознания, там он пролежал дней десять. — Шомоди на мгновение замолчал, потом нерешительно, словно оправдываясь, продолжил: — Послушай, Имре, не смейся надо мной, я совершенно уверен, что полиции здесь делать нечего. Я пришел не к полицейскому, а к другу. Вот уже скоро год, как старик то и дело задает мне загадки. Не думаю, что намеренно, но я не люблю загадок. Особенно неразрешимых. Представь, он мой непосредственный начальник, я, как говорится, его правая рука и...

Сакач прервал его:

— Неразрешимых загадок нет, старина! Но продолжай. Итак, ты его правая рука... Допей-ка свой джин!

Шомоди одним глотком осушил добрую четверть бокала, передернулся и поставил бокал на стол.

— Говорю тебе, я его правая рука, и это не самонадежное утверждение, а сущая правда. И все же... Я физик. А он делает из меня лаборанта!

— Как это понимать? Старик ревнует тебя к работе?

— Это был самый доброжелательный человек из всех, кого я знал. Его не волновало, кто будет первым. Для него было важно, чтобы наука двигалась вперед. Когда мне удалось добиться важных результатов, он радовался, как ребенок, которому подарили игрушечный автомобиль с настоящим двигателем. Но теперь его словно подменили. Не успел он вернуться из больницы после того несчастного случая, как отменил опыты, которые мы с ним вместе начали около года назад.

— Это можно понять, — миролюбиво сказал Сакач. — Катастрофа, в которой человек чуть не погиб, достаточно сильный шок, чтобы...

— ...чтобы на человека нашло затмение! Чтобы у него случались выпадения памяти, чтобы он не мог найти могилу собственной матери на Фаркашретском кладбище. Да-да! Он сам мне жаловался. Говорил, что иногда ему приходится смотреть в удостоверение, чтобы вспомнить год своего рождения. Рассказывал, будто шведский хирург, который сшил его после аварии, предупреждал о возможности таких явлений. К сожалению, врач оказался пророком, у профессора бывают периоды, когда он теряет память. Ты прав, авария — достаточно сильный шок и могла послужить причиной всего этого. Но не из-за аварии же он бросил свою работу и стал продолжать Крамеровскую? Почему вдруг? В память о погибшем коллеге? Глупости! Потеря памяти не распространяется на сферу его творческой деятельности. У меня были случаи убедиться. В том, что касается дела, он остался превосходным специалистом. Смешно! Из уважения к памяти Крамера...

Шомоди пожал плечами и покачал головой.

— Нет, Имре. Балла любит своих сотрудников, но науку любит больше. В память о погибшем коллеге он не станет бросать начатую работу и вторгаться в область, которая ему чужда, — в круг интересов Крамера. Теперь он возится с гравитонами и разрабатывает теорию квантовой природы времени. Это же не его область! — Он помолчал. — Я очень ценю Крамера, но чтобы Балла, которому сейчас под шестьдесят, по совершенно необъяснимой причине — то ли из уважения к памяти помощника, то ли одному богу известно почему — взялся за работу, которая... Пойми, Имре, еще два-три года, и старик мог бы сделать выдающееся открытие. Если бы вдруг все это не бросил.

Шомоди умолк, закурил сигарету и обиженным тоном продолжал:

— Впрочем, бог с ним. У каждого из нас одна жизнь, и каждый волен распоряжаться ею по-своему. Но меня пусть не заставляют плясать под чужую дудку!

Он вскочил и забежал по комнате. Сакач с любопытством следил за ним.

— Нельзя ли поконкретнее узнать, что же он сделал?

— Швырнул мне лист с десятком дифференциальных уравнений, чтобы я решил, а если не получится — нашел приблизительные решения. На худой конец велел прибегнуть к помощи компьютера. Элементарнейшая задача! Я обычно задаю такие третьекурсникам.

Сакач смущенно кашлянул.

— Послушай, не мне судить, элементарная это работа или нет, но, допустим, ты прав. Какие же выводы ты сделал?

— Никаких! Нет у меня никаких выводов, дорогой Имре, есть только непонятные факты. Но в таких условиях совместная работа невозможна!

— Трудно сказать, как бы ты вел себя после такой аварии... когда твоя жизнь висела на волоске. У него, кажется, был перелом основания черепа?

— К счастью, через четверть часа он уже лежал на операционном столе. Бедняге Краммеру помочь не смогли... Но пусть в таком случае едет в отпуск или лечится!

Шомоди неожиданно рассмеялся.

— Послушай, на прошлой неделе... Хотел бы я знать, отчего мне так смешно! Так вот, на прошлой неделе, когда мы под вечер вышли из института, я предложил профессору подвезти его домой. У меня были самые благие намерения, я совсем забыл, что по возвращении из Швеции он не садится в машину. Либо едет автобусом, либо идет пешком. Слушай. Он

молча взглянул на меня, обогнул мой «вартбург», открыл дверцу со стороны мостовой, сел и заворчал: «Где у вас ключ от зажигания?» Потом вдруг покраснел и ядовито спросил: «Вы, молодые, конечно, считаете, что такая старая развалина, как я, уже не способна ничему научиться? Так вот, учтите...» Вылез из машины, хлопнул дверцей и ушел. До сих пор не знаю, что он хотел этим сказать.

— Забавно, — протянул Сакач, — очень забавно. Что же было дальше?

— По-моему, ничего забавного в этом нет. Видно, на него нашло что-то или он из ума выживает. А может, сокрушается, что в молодости у него не было машины... Откуда мне знать? Тебя интересует, что было дальше? Ровным счетом ничего. Он больше не упоминал об этом происшествии, наверное, самому было неловко. А у меня хватило ума помалкивать.

Шомоди с мрачным видом курил сигарету. Сакач некоторое время внимательно смотрел на него, потом встал.

— Ты рассказал сразу слишком много. И слишком мало. А главное, не вижу системы в твоём рассказе. Я ведь не врач и не психолог.

— Но ты умеешь логически мыслить. А поступки Баллы, по-моему, совершенно лишены логики. — Шомоди вздохнул. — Ну, не сердись, если понапрасну задержал тебя.

Сакач потрепал друга по плечу и открыл ему дверь. На прощание он сказал:

— Я скоро к тебе загляну.

Но минуло около двух недель, прежде чем он выполнил свое обещание. Ему пришлось выехать в провинцию, где он присутствовал при эксгумации, а потом надолго застрял в институте судебно-медицинской экспертизы. Однако друга он не забыл и однажды утром без предупреждения явился в Научно-ис-

следовательский институт атомной физики, где тот работал.

Профессор Балла еще не приходил, а Шомоди с двумя молодыми коллегамн готовил опыт. Сакач не захотел им мешать. Он решил подождать в холле, где завел беседу со стариком курьером, который сложился без дела.

— «Кошшут?» — Лицо старика прояснилось. — Спасибо, я тоже курю «Кошшут». От сигарет с фильтром никакого удовольствия не получаешь. — Он зажег спичку, дал прикурить Сакачу и прислонился к стене. — Молодежь курит «Фэчке», говорят, с фильтром здоровее. — Он рассмеялся. — И господин профессор, видно, помолодеть хочет. После того как вернулся из Швеции, все меня за «Фэчке» посылает. Ну а я менять привычки не стану. С той поры как начали выпускать «Кошшут», только эти сигареты и курю. Раньше-то, до сорок пятого, «Левенте» покупал, может, помните такие?

— Что вы, дядюшка Янош, я ведь тогда еще под стол пешком ходил! — Сакач внимательно посмотрел на курьера. — Уж не боится ли ваш профессор рака легких?

— Кто его знает, может, и боится. Все равно, не к лицу привычки менять, когда ты в годах, я так полагаю.

Старик выпрямился, прислушался.

— Идет наконец! Никогда теперь лифтом не пользуется, а ведь в его годы одолеть четыре этажа...

— Господин профессор занимается спортом? — спросил Сакач.

— Простите, не знаю. Пойду скажу господину адъютанту...

Балла вошел в холл, бросил быстрый взгляд на Сакача и захлопнул за собой дверь кабинета. Несмотря на краткость встречи, полицейский инспектор ус-

пел его разглядеть. Это был пожилой сухопарый мужчина с серыми глазами и тусклыми светлыми волосами — в молодости они, вероятно, были темнее. Так незаметно обычно седеют блондины. Сакачу бросилось в глаза, что руки и ноги профессора словно бы с трудом повинуются его воле, но некоторая замедленность движений компенсировалась суетливыми рывками.

Появился Шомоди.

— Давно ждешь? — спросил он, направляясь к другу. — Почему не вызвал меня?

— Заболтался с вашим курьером, дядюшкой Яношем. Видел и твоего профессора. Не слишком-то он приветлив.

— Посмотрел на тебя как на пустое место, да? Не любит посторонних. Конечно, если я скажу, что ты и есть тот самый человек, который был инициатором опытов с гилофрезом...

— Инициатором был не я, а Впльмош Гатц. Но неважно. Главное, дядюшка Янош тоже...

— Странные вы все-таки люди, Имре, — перебил его Шомоди. — Если вам требуется выяснить обстоятельства убийства короля, едете на другой конец света, в самый отдаленный уголок страны и начинаете допрашивать ни в чем не повинного конторщика налогового управления, который не имеет никакого отношения к делу.

— Что-то ты больно весел, — сказал Сакач.

Шомоди рассмеялся.

— Вот уже несколько дней, как старик стал человеком. Кажется, снова мне доверяет. Сказал, что намерен взять отпуск на недельку — врач рекомендовал ему грязевые ванны, а работу останавливать нельзя. Я должен ее продолжать, пока он не вернется. Он и записи свои мне передал. Может, я ошибался, а может, преувеличивал... Старик успел сделать пора-

зительно много, он показал мне три варианта теории гравитонов! Словом...

— Словом, он понял, что без тебя дело не пойдет.

— Какое дело?

— То самое, каким вы заняты. Он вынужден признать, что ты ему необходим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего особенного. Я имею в виду очень простой и по-человечески объяснимый факт: после того что с ним произошло, он боится, как бы его не упрекнули в умственной неполноценности. У него ведь было сотрясение мозга?

— У него был перелом основания черепа.

— Неважно. Профессор хочет тебе доказать, что ум его светел и свеж, и он способен творить не только в знакомой ему области, но и в той, которой занимался Краммер. Думаю, некоторое время спустя, если вы добьетесь успеха с гравитонами, он снова вернется к прежней работе.

Шомоди пожал плечами.

— Твои слова до некоторой степени успокаивают. Не понимаю только, зачем ему понадобилось переселиться в кабинет Краммера?

— Значит, этот кабинет раньше принадлежал Краммеру?

— А ты откуда знаешь? Ты же не разговаривал с Баллой. Дядюшка Янош сказал?

— Винты на табличке с фамилией, что висит на двери, совсем новые, да и сама табличка поменьше прежней. На двери ясно видны старые следы.

Не успел Сакач колчить фразу, как дверь кабинета с грохотом распахнулась. На пороге стоял профессор Балла, держась за дверной косяк, и кричал:

— Янош! Янош! Куда он запропастился?

— Доброе утро, господин профессор!

— Здравствуйте, коллега. Прошу вас, скажите Яношу, что я уже раз сто ему твердил, пусть не жалест угля. Я хочу, чтобы у меня в кабинете было тепло. Тут оконечень можно.

Неожиданно он заметил в холле постороннего и умолк. Шомоди сделал шаг вперед.

— Господин профессор, разрешите представить вам моего школьного товарища. Это он два года назад расследовал дело Гатца.

Глаза профессора блеснули, он улыбнулся и дружески пожал Сакачу руку.

— Рад познакомиться, прошу вас, заходите! — Он пропустил гостя вперед и добродушно добавил: — Уж не появилось ли на горизонте новое таинственное преступление? С развитием техники органы уголовного розыска все чаще прибегают к помощи ученых, все меньше места оставляют так называемой интуиции. Не правда ли, господин капитан?

Сакач огляделся. Кабинет Баллы был набит книгами и журналами. Возле полуоткрытого окна углом стоял огромный письменный стол. Одну стену сплошь занимал встроенный стеллаж, напротив стоял круглый столик с удобными креслами. Угол у двери занимала зеленая изразцовая печь, служившая источником пререканий профессора и дядюшки Яноша.

Балла сел за письменный стол и выжидающе посмотрел на Сакача.

— Я все еще старший лейтенант, господин профессор, — с улыбкой сказал Сакач и опустился в кресло. — У нас не так-то легко получить очередное звание. А что касается научных методов и интуиции, не думаю, чтобы развитие техники кардинально повлияло на методику криминалиста. Я вообще-то избегаю слово «интуиция». Правильнее сказать — ощущение, догадка. Мне трудно объяснить, но иногда, особенно в тех случаях, когда расследование застывает на

мертвой точке, у меня возникает смутная догадка, и в большинстве случаев она подтверждается.

Профессор недоверчиво улыбнулся.

— Иными словами, вы отрицаете роль точных наук? Тот непреложный факт, что они приобретают первостепенное значение в нашей жизни?

— Ни в коем случае! Но простите, господин профессор, я все-таки больше доверяю собственным мозговым извилинам, чем вашим компьютерам.

Балла рассмеялся.

— Неплохой рипост! Выигрыш темпа, удар в голову. И укол попал в цель! Значит, по-вашему, криминалист прежде всего должен обладать чувствительной, как сейсмограф, душой?

Ответить Сакач не успел — на столе профессора зазвенел телефон. Балла, не глядя, снял трубку.

— Да, Балла слушает. Минутку... — Прощальным движением он протянул гостю руку. — Простите, звонят из Министерства просвещения. Рад был познакомиться, заходите.

В дверях Сакач оглянулся. Балла что-то быстро говорил в трубку. Его правая рука нервно рубила воздух, потом он переменял позу, прижал трубку к правому уху и столь же энергично стал размахивать левой рукой.

— Ну? — спросил Шомоди, когда дверь за ним захлопнулась. — Что скажешь?

— Скажу, что тебе следует найти дядюшку Яноша и заставить его хорошенько протопить печку, пока твой шеф окончательно не рассвирепел. Между прочим, почему он не закроет окно, если уж так зябнет?

Шомоди взорвался:

— Может, мне еще спросить у него, почему он не носит ортопедическую обувь? Оставьте меня в покое с этими глупостями!

— Стоит ли портить настроенные по таким пустякам, Габор. Не волнуйся, старик поедет в отпуск, отдохнет, и все снова придет в норму. Кстати, он едет в Хевиз один?

— Нет, с дочерью. Его жена умерла. Жофи очень привязана к отцу и почти всегда сопровождает его в поездках.

— Счастье, что ее не было с ним в Гётеборге, — проворчал Сакач и стал прощаться.

— Когда увидимся? — спросил Шомоди.

— Ты теперь, верно, будешь много работать, чтобы доказать старику, на что способен. Не стану тебе мешать. Встретимся после возвращения твоего профессора.

Неожиданно дверь кабинета распахнулась и на пороге появился Балла.

— Хорошо, что вы еще здесь, коллега Шомоди. Будьте любезны, отыщите истопника. И не забудьте: сразу же после моего возвращения возьмемся за компьютер I. Надо снять единицу его памяти и подключить к компьютеру II. И, прошу вас, раздобудьте точные данные киевского бетатрона, возможно, нам придется ими воспользоваться. Хорошо бы уже сейчас наладить с ними связь. Ну вот, как будто все.

— Будет исполнено, господин профессор, — негромко произнес Шомоди. — Вы правы, единица памяти компьютера II несколько современнее, чем у компьютера I, но схема действия компьютера I...

Профессор резко прервал его:

— Единица памяти содержит в себе указания к операциям, господин адъютант! А схему действия компьютера II, если она не приспособится спонтанно, мы изменим...

Сакач решил познакомиться с Жофи Балла без ведома Шомоди и не прибегая к его помощи. Сделал

он это по двум причинам. Во-первых, он никоим образом не хотел привлекать внимание Габора, а тем более Жофи к необъяснимому поведению профессора. А во-вторых, — и это, пожалуй, самое важное — намеревался выяснить, как проходил отдых Баллы в Хевизе и помогли ли ему радоновые ванны, так сказать, из первых рук, от дочери, а не от своего приятеля.

Взвесив все «за» и «против», Сакач решил не жалеть свободного времени и во что бы то ни стало докопаться до сути дела.

О Жофи ему было известно лишь то, что она работает в Управлении иностранного туризма. Он не знал даже, как она выглядит. Однако работа девушки облегчала дело. Через неделю после возвращения профессора Сакач появился в центральном вестибюле Управления иностранного туризма. За окошком с табличкой «Справочная» сидела девушка с каштановыми волосами; с милой улыбкой она объясняла что-то коренастому мужчине, похожему на скрипача цыганского оркестра. Но оказалось, что это личный секретарь джайпурского магараджи, и он во что бы то ни стало желал заказать специальный самолет в Гамбург.

Сакач остановился у окна, девушка подняла на него глаза:

— Yes?

— Вот уж не знал, что можно начинать разговор со слова «yes», — улыбнулся Сакач. — Теперь буду знать. А почему вы решили, что я англичанин?

— У вас профиль, как у профессора Оксфордского университета.

— Вы так хорошо знакомы с английскими физиками?

— Отчасти на семейной почве, — улыбаясь, отве-

тила девушка и уже официальным тоном спросила: — Что вам угодно?

— Будьте любезны, взгляните, нет ли прямой авиалинии между Будапештом и Гётеборгом.

Пока девушка тонкими пальцами перебирала расписания авиакомпаний, Сакач внимательно ее разглядывал. Отец не смог бы отречься от дочери: то же узкое лицо, высокий лоб, длинная, изящная рука. Вот только волосы... Наверное, она унаследовала их от матери.

— К сожалению, прямой линии нет. Вам придется в лучшем случае сделать одну пересадку, но тогда надо будет лететь через Гамбург. А если вы выберете путь покороче, вас ждут две пересадки — в Берлине и Копенгагене.

— Благодарю, я подумаю. Но, пожалуй, быстрее добраться до Гётеборга на машине.

Ресницы девушки чуть дрогнули, но мгновение спустя она в упор взглянула на Сакача:

— Что вы хотите этим сказать?

— Простите, — вполголоса сказал он, — у меня и в мыслях не было обидеть вас, но, когда вы упомянули о физиках, я хотел убедиться, что разговариваю с Жофи Балла. Теперь я в этом уверен.

— Что вам от меня нужно?

— Я хочу помочь вам. Разрешите представиться: Имре Сакач.

Лицо девушки прояснилось.

— Имре Сакач! Вы друг Габора, правда? Габор рассказывал вам, что после несчастного случая мой отец...

— Да, рассказывал.

Жофи покачала головой.

— Я не верю тому, что говорят ему врачи. И тому, что они говорят мне, тоже не верю. И... — Ее прервал телефонный звонок. — Знаете что? Я кончаю

через полчаса. Не обождете ли меня где-нибудь поблизости? Хотя бы там. — Через большое зеркальное окно она указала на здание напротив с вывеской «Espresso».

Маленькое кафе было переполнено. Сакач с трудом протиснулся между стульями. Ему пришлось подождать, пока освободился столик. Наконец он сел и попытался привести в порядок свои мысли.

Удивительное дело, с тех пор как профессор Балла оправился после катастрофы и вернулся домой, от него исходит какая-то неестественная напряженность. Она действует не только на его сотрудников, но и на членов семьи. При упоминании его имени лицо Жофи выразило такую же неуверенность и тревогу, как и лицо Габора Шомоди, когда он впервые высказал Сакачу свое недоумение. В одном Габор прав: полиции это не касается. Здесь нет преступления и нечего расследовать. Но что-то все-таки неладно. Из слов Шомоди, рассказа дядюшки Яноша да и из его собственных наблюдений нельзя было заключить, что поведение профессора объясняется последствиями дорожной аварии. Причина наверняка в чем-то другом... Но в чем? Догадки, знаменитой догадки у Сакача все еще не возникало! Даже намек на нее не было. Впрочем, крохотная зацепка... Выпьем-ка кофе и послушаем, что скажет Жофи. Если чутье его не подводит, у нее есть о чем рассказать.

Когда Жофи наконец пришла, в эспрессо яблоку негде было упасть.

— Я заставила вас ждать? — виновато спросила девушка.

— Нет, вы удивительно точны. Я ждал не более получаса. Не стану вас долго задерживать и мучить. Говорите сами.

— Преступников вы так же допрашиваете?

— Жофи, Габор мне сказал: «Полиции тут делать

нечего...» И он, по-моему, прав. Я хочу вам помочь, так как чувствую, здесь что-то неладно. А что пменно, не знаю. Поэтому прошу вас, рассказывайте.

— Понимаете, — нерешительно начала девушка, — после того несчастного случая отец переменялся. Первое время я этого не замечала, радовалась, что он жив, поправился, может заниматься любимым делом. Те мелочи, о которых Габор, наверное, вам говорил, я относил на счет аварии и надеялась, что все пройдет. Вы знаете, о чем я говорю?

— Кажется, да. Я видел вашего отца, разговаривал с ним. Очевидно, вы имеете в виду его суетливые, нескоординированные движения, нервные вспышки и еще кое-что в этом роде. Помог ему Хевиз?

Девушка пожала плечами.

— Даже не знаю. За полгода я настолько привыкла к его нервозности и суетливости, что почти не замечаю их. И не это главное. Все эти мелочи — явные последствия катастрофы. Выпадение памяти также можно приписать несчастному случаю. Мне пришлось свыкнуться с тем, что с ним нельзя разговаривать о прошлом, о моем детстве, о матери. Но...

Жофи умолкла и нерешительно посмотрела на Сакача. Он подбодрил ее кивком головы. Она продолжала:

— Выпадение памяти проявляется у него как-то очень странно. Помню, как спустя несколько недель после возвращения из Швеции, — кажется, это было в ноябре — он позвонил мне в Управление и сказал, что, видимо, задержится, ему предстоит закончить работу. В шесть вечера я была дома, в восемь мы должны были встретиться с Габором. В половине восьмого отца дома еще не было. Я позвонила в институт. Габор уже собирался к нам, он сказал, что в шесть часов профессор все бросил и ушел. Пришлось отказаться от наших планов на вечер. Куда мы

только не звонили! Наконец удалось узнать, что отцу стало плохо и его на скорой помощи отвезли в больницу. Мы туда за ним поехали.

— Я не очень понимаю, при чем здесь выпадение памяти?

— Я тогда не решилась повторить Габору слова врача, который привез отца в больницу. Я хотела скрыть это даже от него... Понимаете? — Она помолчала. — Врач сказал, что им позвонили и попросили немедленно приехать. Оказалось, что в квартиру к звонившим — а они живут в кооперативном доме — явился какой-то пожилой мужчина и стал выговаривать им, что они якобы не отдали ключи дворнику. Владельцы квартиры решили, что имеют дело с пьяным, и попытались объяснить ему, что это их квартира. Он утих, некоторое время молча постоял в дверях, а потом спросил, давно ли они здесь живут. Услышав, что с октября, он потерял сознание, и они вызвали скорую помощь. Теперь вы понимаете, что я имела в виду?

— Вы знаете, кто там живет?

— Совершенно незнакомые нам люди. И поблизости никто из знакомых не живет.

— Продолжайте.

— Больше такого с отцом не повторялось. Но после того случая он стал сторониться друзей, замкнулся в себе. Даже со мной вел себя не так, как прежде. Перестал подтрунивать, рассказывать забавные истории о нашей родне. А ведь когда-то мы так над ними смеялись! Теперь с ним можно говорить только о его работе и о будущем. Прошлое для него словно не существует. И вот в Хевизе... Знаете, путевка всегда лотерея. Чужие друг другу люди оказываются вместе и вынуждены несколько недель жить рядом. Очень редко у таких случайных соседей интересы и вкусы совпадают...

— Понимаю, — перебил ее Сакач, — ваш отец нервничал, потому что не нашел подходящего себе седника.

— Вовсе нет! Это бы полбеды. Меня напугало другое — он вдруг начал увлекаться тем, чем раньше вообще не интересовался. До поездки в Швецию он немного занимался спортом, но любил повторять: спорт существует только ради удовольствия, а не ради рекордов. Он любил плавать, грести, играть в теннис. Но пинг-понга не выносил. Заниматься этим видом спорта он считал для себя глубоко оскорбительным. Треск целлулоидных шариков выводил его из себя, хотя он был человеком спокойным. — Она грустно улыбнулась и добавила: — Прежде.

Официантка принесла кофе. Жофи некоторое время рассеянно помешивала ложечкой в чашке, потом, не поднимая глаз, сказала:

— Быть может, все это пустяки, о которых и говорить совестно. Но весь отпуск отец каждую свободную минуту проводил за игрой в пинг-понг. Я как-то не выдержала и спросила, что на него нашло, и он ответил, что врачи рекомендуют легкие физические упражнения.

— Стук шариков больше его не раздражал?

— Нет. В каждую игру он вкладывал столько страсти, словно речь шла о жизни и смерти. Его точно подменили. Но что было для меня ужаснее всего...

Жофи умолкла. Сакач не нарушал молчания и только внимательно смотрел на нее. Девушка делала над собой отчаянные усилия. Наконец она взяла себя в руки и тихо сказала:

— С Габором я не могла об этом говорить, но должна же я с кем-нибудь поделиться!

— Будьте спокойны, Жофи, Габор об этом не узнает.

— Знаете, мы ведь с ним скоро поженемся. Мы хотели сделать это осенью. Вот уж не думала, что мне придется опасаться собственного отца...

— Что же произошло в Хевизе?

— Наши комнаты были рядом. С тех пор как мама умерла, у нас вошло в обычай беседовать перед сном в комнате отца. И в Хевизе так было. Вернее, я надеялась, что так будет. Но уже на второй день... Как только мы остались с ним вдвоем, отец замолчал и стал так странно смотреть на меня. Мне казалось, что меня разглядывает посторонний мужчина. Я убежала к себе в комнату и закрылась на ключ. И так продолжалось все время. Отец не говорил ни слова, но, когда думал, что я не вижу, продолжал так же смотреть на меня.

— Когда вы вернулись домой, что-нибудь изменилось?

— С тех пор как себя помню, я впервые заперлась в комнате. И теперь запираюсь всегда. Не знаю, что будет дальше. Не знаю...

Сакач привык, размышляя, мерить шагами комнату. Он и сейчас хотел сделать то же, но в кафе было так тесно, что он вынужден был остаться на месте. А между тем он испытывал потребность в движении, чтобы привести в порядок собственные мысли. Беспорядочные отрывки постепенно выстраивались в стройное целое, не хватало лишь одного-двух звеньев, которые легко можно было восполнить фантазией. Но не здесь... И все же Жофи надо успокоить, хотя все это не просто. Поведение и личность профессора Баллы настолько противоречивы, что выяснить истину можно лишь при одном условии: все, кто его окружают, должны делать вид, что ничего не произошло. Что, если попробовать...

— Скажите, Жофи, а если вы и Габор не станете дожидаться осени? Конечно, я не вправе вмешивать-

ся, но раз уж вы удостоили меня своим доверием...

Жофи покачала головой.

— Нет, это невозможно. Для отца будет ударом, если я неожиданно оставлю его одного. А я ведь люблю его, люблю, несмотря ни на что. И тревожусь за него.

— Понимаю, — задумчиво произнес Сакач.

Он пытался найти связь между неожиданным увлечением пинг-понгом и странным отношением Баллы к дочери, но решение загадки от него ускользало.

— Понимаю, — повторил он, — вы совершенно правы. Но вы, очевидно, думаете, что теперь я все вам объясню. Не ждите этого. Я обещал помочь и сдержу свое слово. Однако мне необходимо время. Потерпите, прошу вас.

— Время... С каждым днем становится все хуже. Мне кажется, я с ума сойду!

— Возьмите себя в руки. Я уверен, вы выдержите.

— Попытаюсь.

Сакачу с трудом удалось вырвать у капитана Гере три дня. На вопрос, зачем ему срочно потребовался отпуск именно сейчас, он ответил:

— По личным делам, Лади. Но не исключено, что они окажутся интересными не только для меня.

— С каких пор ты стал предсказателем? Так и быть, получай свои три дня.

В первый же день Сакачу удалось основательно отравить жизнь архивариусу Библиотеки имени Сечени: он заставил его разыскать все номера газеты «Свенска дагбладет» и журнала «Иллюстрированный спорт» за истекший год. На следующий день ему потребовались статьи по иммунологии. Под конец он

снова вернулся к спорту. Для этого ему понадобились годовые комплекты «Вестника Венгерского союза фехтовальщиков» начиная с сорок пятого года. Особое внимание он уделял сообщениям о дисквалификации участников соревнований.

Через три дня он предстал перед капитаном Гере. Вид у него был довольный.

— Ну, как дела? — спросил капитан.

— Надеюсь, все будет в порядке.

— А все твои разговоры насчет общественного интереса?

— Пока ничего с уверенностью не скажу. Придется подождать именин Габора. Они ведь будут двадцать четвертого марта. Значит, потерпим с месяц.

— Какое отношение имеют именины Габора к делу, представляющему общественный интерес? — возмутился Гере. Потом вздохнул и махнул рукой: — Ну, ладно, там видно будет. А пока возмись-ка за это дело. Уж оно-то представляет общественный интерес.

И он подтолкнул к Сакачу пухлую папку.

— Что это?

— Дело о незаконном пользовании чужой собственностью. На счету у этого субъекта двадцать семь угнанных мотоциклов. Носился как оголтелый п, конечно, приводил машины в полную негодность.

— Варвар, — буркнул Сакач. — И мне, разумеется, предстоит допросить двадцать семь пострадавших. Он вздохнул.

— Серые будни. — С этими словами Гере отпустил старшего лейтенанта.

Заседание отделения Академии наук не сулило сенсаций. Поэтому тут не было ни представителей радио, ни телерепортеров, и лишь один журналист

слонялся по коридорам. Это был репортер небольшой провинциальной газеты, которого впервые отправили с самостоятельным заданием, поручив раздобыть в столице интересный материал. И репортер надеялся найти этот материал в Академии наук.

Сакач же как раз был заинтересован в будничности обстановки. Слушая выступления ученых, в которых он ровным счетом ничего не понимал, он поглядывал на одиноко сидящего журналиста, что-то старательно записывавшего в блокнот. Балла выступал восьмым, и Сакачу пришлось ждать около часа. Наконец на трибуне появилась долговязая фигура профессора. К этому времени репортеру, видимо, наскучила наука, и он по-кошачьи выскользнул с галереи. Сакач остался единственным посторонним в этом святилище науки. Чуть наклонившись, он внимательно наблюдал за Баллой.

Он, конечно, не мог уловить существа вопроса, да и не это его занимало. Зато он обратил внимание на то, что, говоря о задачах, которые предстоит решить, профессор Балла с почти маниакальным упорством упирал на будущее. Он говорил о том, что должно произойти через два-три десятка лет, с такой уверенностью, словно ему и в голову не приходило, что за это время появится новое поколение ученых и именно они будут управлять наукой.

Балла говорил уже более двадцати минут. Стенело. Председательствующий нажал кнопку звонка и сделал знак вошедшему служителю. Тот кивнул и зажег свет.

Вспыхнувшие лампы дневного света озарили смертельно бледное лицо профессора, темные глазницы, запавшие виски. Сакач наклонился вперед, пытаясь получше его разглядеть. Мгновение Балла стоял неподвижно, и Сакач успел кое-что заметить. В синевато-белом свете под редкой шевелюрой про-

фессора мелькнул темный шрам, идущий вокруг головы. Но вот Балла быстрым птичьим движением повернул голову, и шрам исчез.

Сакач торопливо вышел из зала.

Ночью он долго не мог заснуть и спал тяжелым сном. Его мучали кошмары. Проснулся он от пронзительного звона будильника. С больной головой Сакач выбрался из постели, в полусне встал под холодную струю душа и, лишь ощутив во рту горький вкус черного кофе, вновь почувствовал себя человеком.

Он пешком направился в Главное полицейское управление, по пути обдумывая все детали, относящиеся к делу профессора Баллы. На заседании Балла показался ему еще более усталым и постаревшим, чем в тот день, когда Сакач впервые его увидел. Вновь и вновь в его памяти возникала фигура профессора, его жесты. Вот, в страстном порыве наклонившись к слушателям, он то поднимает, то рывком опускает левую руку. Да-да, Сакач не ошибся: заметки профессор держал в правой руке, а жестикулировал левой.

Постой, Имре, кажется, в этом что-то есть. Ах, тебе все еще не ясно? Что ж, придется удостовериться! Завтра именины Габора, и надо будет действовать решительно — не зондировать, не прощупывать почву, а действовать! Вспомни, у Габора ты видел множество вещей с резьбой по дереву. Это работа его деда. Резьба поможет тебе рассеять подозрения. Раньше ты еще не знал, только подозревал. Но теперь знаешь, что надо делать. Знаешь, как можно будет воспользоваться вырезанным из дерева черешни распятием. Не зря ты проторчал добрых четверть часа в кабинете профессора. Там ты увидел и запомнил старую табличку, которую Балла «из уважения к памяти покойного» не снимал:

АНТОН КРАММЕР
МЕДНЫХ ДЕЛ МАСТЕР
В БЕРНЕ

Запомнил, и вот настало время этим воспользоваться!

— После полудня нужно сходить в архив, — проворчал Сакач, сворачивая в ворота. — И не забыть связаться с Габором по телефону...

Жофи с трудом удалось уговорить отца пойти в гости к Габору, но, прибегнув к небольшой уловке, она своего добилась. Балла не раз заявлял, что терпеть не может сборищ, по какому бы поводу они ни устраивались. А о том, чтобы, к примеру, отпраздновать чей-нибудь юбилей, день рождения или именины в институте, и речи быть не могло.

— Уж если кто придерживается традиций, пусть приглашает к себе домой, — говорил он.

Габор, по совету Жофи, так и сделал. Он пригласил к себе нескольких коллег, в том числе, разумеется, и профессора, которому сказали, что Жофи и Имре Сакач тоже приглашены. Балла волей-неволей вынужден был сделать хорошую мину.

Первым пришел Сакач.

— Габор, ты не забыл моей просьбы? Это очень важно.

— С чего ты взял, что старика интересует резьба по дереву?

— Его-то, быть может, она и не интересует, зато меня она очень интересует. И Балла из вежливости вынужден будет любопытствовать. В конце концов он здесь только гость, виновник торжества — ты.

— Пусть будет по-твоему, но, мне кажется...

— Договаривай, Габор.

— Знаешь, в последнее время он здорово сдал. Внезапно. Волосы поредели и торчат как пакля, виски впали. Как-то зашел к нему, а он глянул на меня, и мне показалось, будто глаз у него нет, одни глазницы... Как в черепе...

— Полно! Кстати, ты мне напомнил: тебе когда-нибудь приходилось видеть шрам у него на голове?

Шомоди пожал плечами.

— Эка важность! В конце концов это была не пластическая операция, и к тому же он мужчина. Ты имеешь в виду шрам на затылке?

— На затылке? Шрам опоясывает всю голову!

— Уж не думаешь ли ты, что Свенсон снимает скальп со своих больных? — Шомоди нервно засмеялся. — Впрочем, меня это не волнует. Гораздо больше меня волнует, как пройдет сегодняшний вечер. А тут еще ты напускаешь таинственности. Хорошенькие именины!

— Причем здесь таинственность. Скажи-ка мне лучше, до катастрофы в Гётеборге Краммер проявлял к Жофи интерес?

— Да, — недовольно ответил Шомоди, — но к чему сейчас ворошить старое...

Раздался звонок, и Шомоди поспешил встретить гостей. Выполняя просьбу Сакача, он решил похвалиться перед коллегами искусством деда. Минут через десять стол был завален резными изделиями.

Как было договорено, все вещи, разбросанные в беспорядке, остались на столе и тогда, когда гости сменили тему разговора и речь зашла о директоре института и о той перемене, которая с ним произошла. Кто-то заметил, что Балла относится к типу рано стареющих людей, а потрясенные, испытанные им во время катастрофы, лишь ускорило этот процесс.

И сейчас профессор попросту начинает выживать из ума.

На говорившего накинулись. Один из коллег утверждал, что Балла полностью сохранил умственные способности, обладает сильной волей и успешно борется с физической немощью. А нервные вспышки, перемежающиеся упадком сил, не что иное, как отражение этой борьбы. Гости спорили со страстью и упорством ученых. Шомоди и Сакач не участвовали в разговоре. Сакач смотрел на все происходящее глазами режиссера, наблюдающего за спектаклем, а Шомоди был так напряжен, что от волнения почти потерял способность видеть и слышать.

Наконец явился Балла с дочерью. Вид у профессора действительно был неважный: кожа лица пергаментная, движения нервные, усталые, волосы плохо скрадывали следы операции. Но говорил он с напускной любезностью, а фразы формулировал с педантичной точностью. Спину и голову держал естественно прямо.

— Меня замучила боль в суставах, — сказал Балла, обращаясь к Шомоди. — Пользуйтесь молодостью, коллега, не упустите время. Когда осознаешь, что ничего изменить нельзя, бывает поздно.

— Изменить нельзя факты, — заметил кто-то из молодых гостей. — Но подправить, я имею в виду до некоторой степени откорректировать природу...

— А-а, и этого нельзя, — махнул рукой Балла. — Человек пытается восставать против биологических законов, но вынужден признать, что хотел свершить невозможное. Невозможное, сударь... Ну-с, выпьем за молодость!

Шомоди наполнил бокалы, и все чокнулись. Но после слов профессора настроение у гостей упало. Жофи с тревогой взглянула на отца, но опасаться ей не пришлось: он лишь пригубил вино. Жофи на пра-

вах хозяйки дома обнесла всех пирожными. Постепенно беседа завязалась вновь. Темой послужили разбросанные по столу деревянные фигурки. Сакач добился своего: Балла поднял вырезанную из явора фигурку и с интересом разглядывал ее.

— Любопытно, — сказал он, — крестьянская резьба...

— С вашего позволения, пастушья резьба, господин профессор, — поправил Шомоди.

— Не все ли равно?

— Для горожанина все равно, но не для того, кто вырос в деревне. Мой дед был пастух, а еще точнее — свинопас. И до самой смерти гордился, что в деревне, где жили католики, остался кальвинистом. А его жена, моя бабушка, была католичкой. Для нее-то он и вырезал это распятие.

Шомоди открыл шкаф и вынул маленькое очень красивое распятие: в свете заходящего солнца черешневое дерево заиграло естественным темно-красным цветом.

— Это его единственная работа на религиозную тему. Семейная реликвия.

Шомоди замолчал и бросил воспросительный взгляд на друга. Тот едва заметно кивнул и открыл было рот, но его опередил один из молодых ученых:

— Музейная вещь, — сказал он, поворачивая в руках распятие. — Если бы Габор не сказал, что это работа его деда, я бы подумал, что он позаимствовал распятие из какой-нибудь церкви в стиле барокко, когда был в Дрездене.

— Удивительно, как в нас живучи воспоминания детства, — задумчиво сказал Сакач. — Я до сих пор ясно помню день, когда мать впервые привела меня в церковь. Мне тогда было лет пять. Она дала мне десять филлеров, чтобы я бросил их в церковную кружку. Я бросил монетку и очень огорчился, так

как сбоку не нашел кнопки, которую можно было бы нажать.

— Вы приняли кружку за автомат, выдающий шоколадки? — рассмеялась Жофи.

— Вот именно. Священник, помнится, читал «Отче наш» — была торжественная месса. И мне, пятилетнему мальчугану, запомнились слова молитвы. С тех пор стоит мне услышать слова «церковная кружка», как сразу приходит на память: «Sanctificetur nomen tuum, adventum regnum tuum...» Забавно, не правда ли?

Балла, который внимательно разглядывал распятие, поднял глаза на говорившего.

— Не следует обобщать. Эта способность присуща не всем. Конечно, ассоциативное мышление — характерная черта человека, но чтобы пятилетний ребенок запомнил совершенно непонятную ему фразу... Для этого нужно иметь вашу голову, милостивый государь, с логическим мышлением детектива.

— Не думаю, — начал Сакач, но его перебили:

— А Моцарт? Стоило ему только раз прослушать в соборе *Allegri Miserere*, и он дома безошибочно воспроизвел музыку на бумаге!

— То Моцарт, а я... — Сакач снова не окончил фразу. На сей раз его перебил Балла:

— Мы слишком мало знаем о работе нашего мозга. Несмотря на стремительное развитие медицины, обогащенной достижениями кибернетики, я сомневаюсь, чтобы в ближайшем будущем удалось достигнуть подлинного успеха. Не скажу, правда, что *ignotamus et ignoramus*, но... — Профессор на мгновение умолк, махнул рукой и продолжал: — Впрочем, это не наша задача. Мы физики, и у нас другие проблемы.

Он оглядел присутствующих, словно ожидая подтверждения с их стороны. Двое молодых ученых

усердно закивали. Жофи не могла скрыть смущения, Габор пожал плечами. И тогда быстро заговорил Сакач:

— Право же, я вовсе не причисляю себя к гениям, отнюдь. Все дело в том, что восприимчивый мозг пятилетнего ребенка невольно запечатлел обрывки латинских фраз, и они врезались ему в память. А вот все то, что заставляли меня зубрить, я, кажется, благополучно забыл.

— Зубрежка редко остается в голове, — назидательно сказал Балла. — Что вы имеете в виду?

— «Отче наш» по-венгерски.

— А ведь я тоже в детстве часто слышала эту молитву, — засмеялась Жофи. — Мама всегда говорила: это надо знать назубок, как «Отче наш».

— Вряд ли я смогу безошибочно повторить всю молитву, — сказал Сакач и тут же зачистил: — Отче наш, иже еси на небеси... прости нам долги наши, яко мы прощаем должникам нашим... должникам нашим... — повторил он и умолк, потом вопросительно взглянул на профессора.

Тот рассмеялся и продолжал скороговоркой:

— И не вводи нас во искушение, но избави нас от лукавого, ибо твое есть и царствие, и сила, и слава во веки веков, аминь!

Молодежь зааплодировала. Жофи и Шомоди сидели неподвижно. Сакач испытующе глядел на профессора. Балла дернул головой и, запинаясь, пробормотал:

— Я что-нибудь спутал?

— Нет, все правильно, господин профессор. Вы победили. Ваши воспоминания детства яснее и прочнее моих.

Наступила пеловкая пауза. Балла казался сконфуженным. Жофи с обеспокоенным лицом подошла к отцу. Остальные гости встали.

— Папа, — спросила девушка, — тебе плохо?

— Пустяки, — пробормотал профессор, — пустяки... Я думал... Мне кажется, немного свежего воздуха...

Шомоди подошел к окну и настезь распахнул его. Но Жофи уже принесла пальто отца из передней, а Сакач с готовностью набирал номер телефона, вызывая такси. Наконец ему удалось соединиться с диспетчерской. Услышав, что инспектор заказывает машину, профессор закричал:

— Такси? Вы с ума сошли! Никакого такси! Мы пойдем пешком. Пошли, Жофи... Пешком... пешком...

Даже на лестнице он продолжал твердить свое.

— Как неприятно все получилось, — произнес один из гостей, в то время как другой молча одевался.

Когда они остались одни, Шомоди обрушился на друга с упреками. Сакач терпеливо его выслушал и сказал:

— Я никого не хотел обижать или волновать — ни профессора, ни тем более Жофи. Ни тебя, разумеется. Но так нужно. Очень нужно. Теперь я знаю, как предотвратить опасность. Как и где... Не беда, что ты не понимаешь, пока тебе не нужно понимать. Обещаю, долго это не продлится.... Налей-ка мне на прощание.

На следующее утро он ворвался к Гере без доклада. Кратко доложил, что нашел недостающее звено в интересующем его деле и что ему необходим двухдневный отпуск и шведская виза.

— За кого вы все меня принимаете? — зловещим тоном спросил капитан.

— Я тебя не понимаю.

— Вчера сын изводил меня дурацкими задачками. В бассейн через две трубы вода вливается, а через одну выливается. Если открыть одну трубу, бассейн наполнится за такое-то время, если другую — за та-

кое-то. Если открыть все три трубы, то сколько лет капитану корабля? Тебе знакомы такие задачки? И так весь вечер! Потом явилась жена с ужином. То, что, по ее мнению, грибной перкельт надо есть с кашей, еще не самое ужасное. Я все равно ем его с хлебом. Но потом она до ночи убеждала меня, что нашу синюю «шкоду» надо продать и купить «вартбург» цвета топленого молока. Ладно, сказал я, хорошо, купим «вартбург», но на это уйдут деньги, отложенные на участок. Не беда, лишь бы появился «вартбург» цвета топленого молока! Ладно. Сегодня я проснулся в надежде, что хоть на работе у меня будет спокойно. И тут врывается ты и требуешь, чтобы я достал тебе шведскую визу. — Он вскочил и заорал: — А шведское подданство тебе не требуется?

— Шведское подданство? — тихо переспросил Сакач. — Нет, не требуется. Я просил визу. И как можно скорее.

Геру можно было охладить только нахальством. Удалось это и на сей раз. Он замолчал, сел и заговорил спокойнее.

— Ты, видно, меня простофилей считаешь?

— Нет. Но мне необходима виза. Пойми, я, кажется, попал на след одного научного преступления. И должен довести дело до конца, Лади. Ты знаешь, я зря языком не треплю.

— По крайней мере не часто, — согласился капитан. — Послушай, Имре, я несу за тебя ответственность и не раз за тебя ручался. Но ради твоих прекрасных глаз я вовсе не желаю иметь неприятности.

— Неприятностей не будет. Если можешь, удовлетворишь пока тем, что я сейчас в состоянии сказать: профессор Балла не тот, за кого себя выдает. Я должен ехать, чтобы выяснить, какого рода операция была произведена в Швеции над венгерским ученым. Так я получу визу?

Визу он получил в течение двух дней. Как частное лицо. В эти дни он не встречался ни с Габором, ни с Жофи, хотя был уверен, что Жофи сердится, и подозревал, что Габор тоже им недоволен. Сакач вспомнил, как недружелюбно простился с ним Шомоди в тот вечер. Однако за три часа до отлета самолета в кабинете Сакача зазвонил телефон. Это был Шомоди.

— Имре, ты не мог бы зайти на квартиру Баллы?

— Что случилось?

— Полчаса назад профессора увезли с явными признаками раздвоення личности. Жофи в отчаянии.

— Поддержи ее, Габор. Если не произойдет неожиданностей, через два дня все выяснится.

Голос Шомоди задрожал от гнева.

— До каких пор будет продолжаться этот спектакль? Для чего тебе нужно...

— Успокойся и побереги Жофи! Я уезжаю.

— Куда?

— В Гётеборг.

Порт на узком берегу пролива Каттегат в устье Гёта-Эльв встретил Сакача тяжелым запахом бензина, морскими испарениями и сотнями ласточек в ярко-голубом небе. Сакачу запомнились груженные рудой составы, элеваторы, рыболовецкие комбайны, целлюлозные и бумажные склады, грузовые плоты на воздушных подушках, спующие между огромными судами...

Ему пришлось совершить двухчасовую прогулку, чтобы скоротать время до приема у профессора Свенсона. Он договорился на пять часов, но уже в три почувствовал, что ему невмоготу слоняться без дела. Пешком он дошел до квартала, где в зелени утопали виллы, а там и до небольшого частного санатория,

осмотрел здание и снова повернул к порту. Через каждые полчаса он вновь и вновь оказывался у ворот виллы Свенсона.

Профессор ждал его в своем кабинете. Сакач рассчитывал увидеть седовласого пожилого человека. Между тем перед ним стоял загорелый атлетически сложенный мужчина средних лет, держа в руке визитную карточку Сакача. Инспектор ждал, когда профессор заговорит. Некоторое время Свенсон нервно теребил в руках карточку, потом бросил ее на стол и опустился в кресло.

— Прошу, господин Сакач, — начал он. — Чем могу быть полезен? Ваш приезд издалека без предварительного уведомления и договоренности несколько необычен. Надо полагать, речь идет о срочном случае, а пужда, как известно, ломает законы. Дело касается вас? На что жалуетесь?

— Нет, к счастью, я тут ни при чем. Собственно, кто пациент, я и сам затрудняюсь сказать.

— Прошу без загадок, у меня мало времени. Если вы явились сюда для плоских шуток...

— Вы полагаете, господин профессор, что я прилетел из Будапешта специально для этого?

— В таком случае прошу перейти к делу. — Свенсон поднялся, снова взял визитную карточку посетителя, отбросил ее и продолжал стоять. — Меня редко посещают венгерские гости. — Сакач молчал. — Разве что из Англии, но... — Свенсон повысил голос: — Я вас слушаю!

— Не знаю, господин профессор, с кем я говорю. С иммунологом, пользующимся европейской известностью, хирургом с верной рукой, достойным продолжателем традиций Оливекрона, одержимым исследователем или врачом, дарующим жизнь?

— Кто пациент? — сдавленным голосом спросил Свенсон.

— Я уже сказал: не знаю. Хочу спросить у вас. Несколько месяцев мы — его друзья и родные — тщетно пытаемся выяснить, кто же этот человек.

— Итак, предчувствия не обманули меня, — Свенсон вздохнул. — Как только мне передали вашу карточку, я догадался, что этот визит связан с операцией, которую я делал в сентябре прошлого года. Хирург боялся этой встречи, ученый радовался ей. Что с Баллой? Вы детектив, не журналист, значит, я могу надеяться... — В голосе Свенсона прозвучала тревога.

— Смею вас уверить, господин профессор, что наша беседа не станет достоянием прессы — ни здешней, ни у меня на родине. Даю вам слово. Я прибыл сюда как частное лицо.

— Что с профессором Баллой?

— Сегодня его увезли в психиатрическую больницу с тяжелейшими признаками раздвоения личности.

Свенсон медленно опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Этого я давно опасался. А в последнее время опасения перешли в уверенность. Но у меня не хватило смелости еще раз написать ему.

— Вы переписывались?

Свенсон кивнул.

— После возвращения Баллы на родину мы каждую неделю обменивались письмами. Он сообщал о своем самочувствии, работе. Собственно говоря, его письма — это дневник. Я со своей стороны давал ему советы, предостерегал от переутомления, чрезмерного напряжения сил, составлял режим питания, образа жизни... Долгое время он писал регулярно. Мне уже начало казаться, что опыт удался и настало время опубликовать результаты успешной операции, но тут письма стали приходить реже, и раз от разу характер

их менялся: исчезла прежняя стройность мысли, почерк изменился — словно писал кто-то иной, а не мой пациент. Наконец я получил от него письмо, написанное на машинке. Это было в канун рождества. В письме не было ни единого намека на операцию, на отношения, которые нас связывают, словно он хотел окончательно обо всем забыть. Все его помыслы были связаны с будущим. Он писал, что впереди долгие годы работы, что человеческая воля способна победить природу, и его шестидесятилетнее тело, повинувшись приказам воли, прослужит ему по крайней мере еще лет сорок, и он осуществит свои творческие планы. Я не осмелился ему ответить. Ограничился поздравительной открыткой к рождеству и ждал... ждал до сегодняшнего дня.

Он замолчал.

— Это все, что вы хотели мне сказать, господин профессор?

Свенсон вынул из бара бутылку и наполнил бокалы. Сакач едва пригубил, а профессор одним глотком осушил бокал, налил еще и только тогда заговорил:

— Выслушайте меня. Семнадцатого сентября прошлого года в двух километрах от моего санатория произошла авария. Пострадавших — а их было двое — доставили ко мне. У одного была разворочена грудная клетка, у другого тяжелое сотрясение мозга и перелом основания черепа. Не успел я обработать для операции руки, как у Эгона Краммера наступила клиническая смерть. Мои ассистенты тотчас включили аппарат искусственное сердце — легкие, чтобы...

— ...чтобы биологическая смерть не воспрепятствовала вашему опыту?

— Вы все же хотите перевести наш разговор в область уголовного права! — с раздражением воскликнул Свенсон. — Вы не намерены выслушать меня до конца?

— Прошу вас, продолжайте.

— Тело Баллы практически не пострадало. С вашего разрешения я опущу специальную терминологию. На теле имелись только царапины. Но головной мозг претерпел необратимые изменения, и жить профессору Балле оставалось считанные часы. Можно ли в этом случае было думать об операции? Можно. Но лишь об особой операции.

— Которая превосходно соответствовала бы вашим экспериментам, — добавил Сакач.

— Да. Но вместе с тем это была единственная возможность проверить на практике то, что годами вынашивалось в голове. Послушайте! — воскликнул Свенсон. — Где вы найдете ученого, который не воспользовался бы такой возможностью? — Он закурил и понизил голос: — Да, это была единственная возможность, позволявшая спасти хотя бы одну жертву катастрофы, которая в противном случае унесла бы две человеческие жизни. Я не стану утомлять вас подробностями. Скажу лишь, что затронут был не только головной, но и часть спинного мозга. Трудности возникли как раз в связи с восстановлением нервов спинного мозга, остальное было делом техники. Короче говоря, у меня на руках было два трупа, а после шестичасовой операции удалось вернуть к жизни одного человека. Живого, мыслящего человека! Ученого, физика.

Свенсон посмотрел на Сакача, словно ожидая оправдательного приговора.

— Отдаю должное вашему мастерству, — ответил тот. — Но как вы относитесь к этической стороне вопроса? Ведь, пользуясь вашим гениальным методом, жизнь одного человека практически можно продлевать до бесконечности все в новых и новых оболочках. Что вы на это скажете?

— И вы еще спрашиваете? — вскричал Свенсон. —

Мое открытие позволяет на годы, десятилетия продлить жизнь великого художника или артиста, талантливого ученого...

— А вы уверены, — перебил Сакач, — что этот человек останется тем же, кем был до операции? — Свенсон молчал. — Вы сказали, что получили два трупа, а вернули нам живого человека. Согласен. Но спрашиваю вас: кого? Кто тот человек, которому вы вернули жизнь? Эгон Краммер или Иштван Балла?

— Эгон Краммер поконит на гётеборгском кладбище, — тихо произнес профессор.

— Краммер? Нет, господин профессор. Его тело! Только тело Краммера похоронено в Гётеборге! А его разум сейчас в Будапеште и ведет, быть может, последнюю борьбу в теле Иштвана Баллы.

В комнате воцарилась тишина. Немая, глубокая. Ее прервал Сакач.

— Вам не кажется, господин профессор, что раздвоенные личности — это протест природы против перспективы, о которой вы так горячо говорили?

Свенсон молчал. Потом Сакач спросил:

— А Краммер? Вернее, Балла... Словом... тот человек, созданное вами чудовище, как он реагировал на то, что произошло без его ведома и согласия? На то, с чем ему оставалось лишь примириться?

— Почему же, он мог и изменить положение. Он был волен либо оставаться тем, кем стал после несчастного случая, либо...

— Вы предложили ему искать спасение в самоубийстве?

— Нет. В этом не было нужды. Жизненный инстинкт в человеке необыкновенно силен. Логический ум быстро осознает, что жизнь даже в таком варианте — величайшая ценность. Мы все рассчитали и продумали. Он верил в успех, верил в то, что сможет продолжать любимую работу. Физический упадок

сил и педомогания человека, приближающегося к шестидесяти годам, компенсировались мировым именем профессора Баллы. Я принял все меры предосторожности, мы договорились о правилах конспирации. К счастью, он много лет знал своего шефа, его окружение, привычки. Во всяком случае, я предупредил его о величайшей осторожности и постоянном самоконтроле.

Сакач покачал головой.

— Удивляюсь вам, но не завидую. Вряд ли это осуществится. Природа, как я уже говорил...

— Быть может, вы правы, — угрюмо сказал Свенсон. — Я потерпел поражение. Ошибся в своих расчетах. Но поймите по-человечески... как ученый... как исследователь... это была случайность...

— Такие случайности бывают редко. Смеею надеяться, что в вашей жизни, господин профессор, она не повторится.

— Можете быть уверены.

В полночь Сакач прибыл на Ферихедьский аэродром, через два часа был в постели, проспал звонок будильника и проснулся в восемь утра.

Первым же инстинктивным движением он потянулся к телефону, чтобы доложить начальству о своем прибытии. Но Гере был где-то в городе. Не успел Сакач положить трубку на рычаг, как раздался резкий звонок. Это была Жофи.

— Имре? Как хорошо, что вы приехали! — В голосе девушки дрожали слезы.

— Что случилось?

— Сегодня на рассвете папа выбросился из окна...

— Габор с вами?

— Да.

— Ждите, сейчас приеду...

Рассказ его был коротким. Габор Шомоди и Жофи

с содроганием выслушали его, ни разу не прерывая. Лишь когда он замолчал, Шомоди спросил:

— Как ты догадался?

— Не сразу. Помнишь, когда ты пришел ко мне расстроенный, то, между прочим, обронил такую фразу: «Его словно подменили». Казалось бы, ничего особенного, но мне она почему-то запомнилась. А потом все начало складываться, как в мозаике. Перечислить? Краммер был импульсивным, нервным человеком. В молодости занимался фехтованием, одно время был даже чемпионом среди юниоров по эспадрону. Большинство побед одержал, фехтуя левой рукой. Однажды его дисквалифицировали за то, что он начал фехтовать правой рукой, а во время боя перехватил эспадрон в левую руку. Позднее увлекся пинг-понгом и с такой же страстью водил машину. Курил только сигареты «Фэчке» — считал, что все другие способствуют раку легких. Дверь или окна комнаты, где находился, всегда держал чуть приоткрытыми и не терпел узких, закрытых кабинок лифта, так как страдал легкой формой клаузофобии. Примерно за полгода до поездки в Гётеборг он решил поменять квартиру и после возвращения должен был переселиться в только что отстроенный дом. Летом начал ухаживать за Жофи, правда безуспешно. Возможно, с этим и связан обмен квартиры. И наконец, по метрическим данным Эгон Краммер, как и все члены его семьи, — выходец из Швейцарии и сохранил веру своих предков. Он лютеранин.

В поведении профессора Баллы, когда он вернулся из Швеции после операции, проведенной Свенсоном, все эти качества проявились с большей или меньшей отчетливостью, но заметить их было можно. Внимательному наблюдателю несовместимость мозга и тела бросалась в глаза. Для поддержания внешней формы Краммер должен был собрать всю

свою волю, проявлять неусыпное внимание. А он то и дело ошибался. Впрочем, это закономерно. Помнишь, Габор, его поведение перед отъездом в Хевиз? Тогда он чуть себя не выдал. Или тот случай, когда он сел в твой «вартбург»? А история с чужой квартирой, которую после смерти Краммера отдали другому... Жестикულიровал он всегда левой рукой. Все это указывало на безусловную замену личности. Однажды я слушал его на заседании Академии наук и случайно обратил внимание на тонкий шрам вокруг головы. Тогда я решил во что бы то ни стало раздобыть доказательства и рассеять подозрения.

— А что означала вся эта история с «Отче наш» у меня на именных? — спросил Шомоди.

— Ты не понял? Тогда слушай: то, чему человек обучается в детстве, он запоминает накрепко. Я уже говорил, что Краммер был лютеранин, а Балла — католик. Католики заканчивают «Отче наш» так: по избави нас от лукавого, амины! А протестанты еще добавляют: ибо твое есть и царствие, и сила, и слава во веки веков, амины! Молитву у тебя в доме произнес протестант Краммер. Возможно, тебе это покажется смешным, но мне тогда все стало ясно. И я полетел в Гётеборг.

Жофи, молча слушавшая Сакача, больше не в силах была сдерживаться. Она зарыдала. Шомоди бросился к ней. Сакач отвернулся к окну. Когда Жофи немного успокоилась и за его спиной слышались лишь негромкие всхлипывания, он сказал:

— Слабое утешение, Жофи, но другого у меня нет: ваш отец скончался семнадцатого сентября прошлого года. То, что произошло сегодня на рассвете в психиатрической больнице, было не смертью профессора Баллы, а заключительным аккордом чудовищного эксперимента, который, к счастью, окончился неудачей.

Невидимое оружие

Оттокар был начисто лишен музыкальных способностей. Флейта Петера оставляла его столь же равнодушным, как и фортепиано Шари. Лениво покачиваясь, он медленно ковылял от своей коробки, задвинутой в угол передней, к стоявшей у окна комнаты качалке и обратно. Особенно он любил качалку, доставшуюся Шари в наследство от бабушки: качалка была покрыта пледом с кистями, свисающими до пола, в них можно было отлично прятаться. В первые же дни своего пребывания в жилище молодых супругов он попробовал на вкус одну из кистей, но, убедившись в ее полной несъедобности, стал использовать бахрому только в качестве убежища.

— Глупое животное, — проворчал Петер и отложил флейту.

— А ты попробуй флейту-пикколо, — посоветовала Шари. — Может, ее звук ему больше понравится. Но вообще, мне кажется, ты слишком многого требуешь от обыкновенного ежа.

— Животное, лишенное музыкальности, для меня перестает существовать, — с глубочайшим презрением заявил Петер и последовал за Оттокаром к коробке, служившей зверьку домом. Здесь он отмерил ему порцию еды на ужин: остатки мяса, вареную картошку и половинку яблока — без витаминов и ежу не обойтись.

— Не забудь съесть кожуру, будь так любезен, — проворчал он и, покончив таким образом с домашними обязанностями, повернулся, чтобы заняться, наконец, каким-нибудь более полезным делом.

В эту минуту в дверь позвонили. На пороге передней стоял Имре Сакач.

— Ты еще жив? Три месяца к нам не заглядывал.

— Четыре — чтобы быть точным. А вообще-то я жив, хотя и нахожу в этом мало радости... Послушай! Это что за зверь?

— Это? Ах, да, вы еще не встречались! Разреши тебе представить нового члена нашей семьи. Его зовут Оттокар.

— Весьма уродливое создание.

— А каким должен быть еж? Похожим на Венеру Милосскую?

— Если придерживаться твоих сравнений, я бы сказал, он скорее напоминает Виллендорфскую Венеру. Зачем он тебе?

— Говорят, ежи относятся к самому интеллектуальному виду грызунов. Хочу провести с ним эксперимент, чтобы узнать, как животные реагируют на музыку... Но почему мы здесь топчемся?

Когда они вошли в комнату, Шари уже уничтожила следы эксперимента и поставила на стол тарелку с печеньем собственного изготовления.

— Прошу, угощайтесь. Что вы скажете об Оттокаре?

— Не хотелось бы обижать хозяев дома, хотя Петеру свое мнение я высказал. Во всяком случае, что касается имени вашего ежа...

— А что? Епископу можно называться Оттокаром, а ежу нельзя?

— Порядочный еж удовлетворился бы обычным честным именем. По-моему, вашему ежу очень подошло бы, например, имя Манци.

— Вы с ума сошли?! Оттокар мальчик!

— Ах, вот как? Прошу прощения. Впрочем, я бы не удивился, если на самом деле сошел с ума... Печенье у вас отличное, Шари! А нельзя его чем-нибудь запить?

Петер вынул бутылку коньяка.

— У тебя какое-нибудь гнусное дело? Ты пьешь только в этих случаях.

— Да, пока не отважусь распутать дело... Спасибо, не больше половины. Так вот, рано или поздно, но я обычно на это решаюсь.

— Потому что от вас этого требуют и иначе нельзя! — рассмеялась Шари.

— Нет, не только поэтому. Мне самому интересно. И я не люблю нераскрытых дел.

Петер сел, облокотясь о ручки кресла, и наклонился вперед.

— Ну, рассказывай, а мы будем слушать, как два несообразительных Ватсона слушали бы блистательного Шерлока Холмса.

— Дело действительно гнусное, — начал Сакач. — Гнусное, потому что пока не за что ухватиться. И к тому же оно связано с Интерполом.

— Скажи на милость!

— Следовательно, приходится думать и о репутации венгерского следственного аппарата. — Сакач задумчиво повертел в руках бокал, сделал глоток и продолжал: — В прошлую пятницу в консерватории... Но вы-то наверняка там были! На концерте Раджио. Верно?

— Я даже записал концерт.

— Мы сидели сзади, — перебила Шари. — Петеру удалось протащить в зал магнитофон, и он записал весь концерт на пленку. Проиграть вам?

— Нет, нет, благодарю! Сейчас у меня нет настроения наслаждаться музыкой.

— Издеваешься? Дино Раджио — величайший из ныне живущих теноров. По крайней мере один из величайших. Он достойный преемник Карузо, Флеты и Джильи.

— Хорошо, хорошо. Одним словом в самом конце, когда он пел на бис...

— «Прощанье Туридду»...

— Меня, право, не интересует, что именно пел этот кривляка. Меня интересует то, что в зале в третьем ряду партера сидел американский делец, Артур Картер, который приехал к нам, чтобы заключить долгосрочный...

— А, это, наверное, тот человек, которому стало плохо! — воскликнула Шари. — Вы имеете в виду лысого мужчину с двойным подбородком? Он почувствовал себя нехорошо, когда концерт уже окончился, и его вынесли.

— Значит, вы это видели?

— Я не видел, — сказал Петер. — Я был занят магнитофоном. Ты и в самом деле не хочешь послушать?

— Сейчас нет, старина. Может, позднее.

— Одно могу сказать — в зале было очень душно. Не удивительно, что ему стало плохо. Но почему этим делом интересуется Интерпол?

— Да потому, что все не так просто, Шари. Вы не читали сегодняшних газет? Через два часа Картер скончался. Умер, не приходя в сознание. От сердечной недостаточности.

— Бедняга! Но почему...

— Дело в том, Шари, что Артур Картер умер неестественной смертью.

— Что?!

Сакач замолчал, а в это время Оттокар, покачиваясь, пересек комнату и спрятался под качалкой.

— Как так неестественной?..

— Пока это только предположение. Оно держится в секрете. К счастью, мои Ватсоны умеют держать язык за зубами. Так вот: смерть Картера — это только звено одной цепи. Очень странной и грязной цепи. Все началось в прошлом году. По крайней мере то, что нам известно. Весьма вероятно, что многие звенья цепи еще не раскрыты. Итак, в прошлом году в Дели проходила Международная конференция солидарности. В последний ее день умер доктор Радж Бахадур, один из крупнейших знатоков международного права, член почетного президиума конференции. Врачи констатировали инфаркт. Не найдя другого объяснения. Через три месяца в Веймаре на Международном конгрессе Пен-клуба при точно таких же обстоятельствах умирает Мануэла...

— А это кто? — перебил Петер.

— Одного образования недостаточно, друг мой. Необходимо еще следить за прессой... Мануэла была испанской журналисткой. Эмигранткой. Всю кубинскую революцию провела рядом с Кастро. Ей стало плохо в зрительном зале Концертхаузена — как у нас Картеру. По иронии судьбы Картер тоже был в Веймаре и к тому же, как нам сообщили немецкие коллеги, сидел рядом с Мануэлой.

— А это важно? — спросила Шари.

— Не знаю. Может быть, и не важно. Но факт остается фактом. Как и то, что два месяца назад Айзек Д. Вашингтон на массовом митинге в Гарлеме потерял сознание, а когда пришел в себя, утратил способность речи. Паралич.

— Ты имеешь в виду того Вашингтона, который выступал с докладами о гражданских правах?

— Того самого. Больше он никогда не будет выступать. И еще одно обстоятельство: за несколько недель до этого на студенческом фестивале в Мехико потерял сознание и умер секретарь отдела высших

учебных заведений Организации свободной немецкой молодежи. Врачи констатировали инфаркт. Не найдя другого объяснения.

— Сколько ему было лет? — спросил Петер.

— Двадцать три года.

— Инфаркт у двадцатитрехлетнего молодого человека?

— Я же сказал — ничего другого врачам установить не удалось.

— Звучит довольно невразумительно, — заметил Петер. — И вообще — где тут связь? Если это неестественная смерть, то...

— Связь? Сначала и мы не усматривали большой связи. Кроме одного: во всех случаях трагическое событие обязательно происходило на каком-нибудь собрании, конференции, массовом митинге, на худой конец — концерте. К тому же жертвами обычно становились люди, чья принципиальная позиция — будь то политика или экономика — расходилась с той, которой придерживаются сторонники правых взглядов.

— Пока понятно. Вернее, логично. Ну, а что дальше?

— Ничего. От венского резидента Интерпола пришла телеграмма и, так как они настаивали на моей кандидатуре, Гере разрешил, чтобы дело передали мне. Мы берегли этого Картера как зеницу ока, но через два дня после получения нами приказа он взял да и умер в консерватории.

— Неприятная история, — сказала Шари. — Но я не совсем понимаю...

— А я вообще ничего не понимаю, — перебил Сакач. — Конечно, большинство сыщиков, приняв дело к расследованию, начинают усиленно сопоставлять факты, строить предположения, выдвигают догадки, которые могут позволить сделать определенные выводы...

— Твой метод! И к чему ты пришел?

— Так, мелочь, любому бросилась бы в глаза. Может, и не имеет значения, но мне это показалось странным.

— Что именно?

— То, что... — Сакач замолчал и с виноватым видом взглянул на друзей. — Мне трудно сказать это именно вам... Ведь ради музыки, ради музыкантов вы...

— Перестаньте юлить, Имре! — перебила Шари. — Выкладывайте, что у вас на уме. Даже если убийца один из знаменитейших музыкантов мира! — Неожиданно она умолкла. — Господи! Уж не Раджио ли будет следующим? Вы это имели в виду? Раджио всегда и везде...

— Вот в этом-то все дело. Раджио всегда и везде присутствует там, где нужно поддержать прогрессивную идею. Но я боюсь не за него. Что за него бояться? Как вы сказали? «Даже если преступник один из знаменитейших музыкантов мира»? Возможно, вы не так далеки от истины.

Петер вскочил.

— Опомнись! Уж не...

— Да, да, — Сакач закурил. — Да, да, я в своем уме. И это не предположение, а факт! — Он рассмеялся. — Очень странный факт... Возможно, потом мы узнаем и о других случаях со смертельным исходом, не имеющих отношения к тому, о чем я сейчас говорю. Но до сих пор, поймите, до сих пор при всех таких происшествиях присутствовал Дино Раджио, которого ты назвал величайшим из ныне живущих теноров.

Петер натянуто улыбнулся, Сакач замолчал, нахмурив лоб, а Шари запротестовала:

— При всем моем уважении к вашему уму и опыту, Имре, я считаю это нелепостью. Артист, один из

самых популярных... Убивать с таким голосом? Ну, нет!

— А кроме того, в твоём предположении концы не сходятся с концами, — перебил её Петер. — Эти люди — левые или игравшие в левых — по-твоему, убиты Раджио, тем самым Раджио, который ежегодно отдаёт десятки тысяч долларов...

— Знаю. Из доходов, которые он получает от своих турне по всему свету. Раджио даёт концерт в пользу пострадавших от стихийных бедствий, Раджио покупает продовольствие для больницы, Раджио то, Раджио се. Впрочем, кто утверждает, что он убийца? Я просто говорю, что он присутствовал при всех подобных происшествиях, даже если это и случайное совпадение. Откуда мне знать? Но он всегда оказывался там, где происходило несчастье.

Шари замахала обеими руками.

— Я протестую против такого чудовищного предположения решительным образом! Послушайте только... — Она подбежала к магнитофону. — Послушайте, как он пел на бис. «Прощанье Туридду» и «Арию перчатки». Тот, кто так поёт...

Возможно, голос Раджио уступал прославленному Джильи, но звучал мягче, совсем как у Флеты, и вместе с тем мужественнее. Он завораживал слушателей, даже тех, кто разбирался в музыке не более Сакача. Однако в конце прощальной арии Туридду, спешащего на смертный поединок, Петер вдруг хмыкнул.

— Слышали?

— Что? — отозвалась Шари.

— Он пустил петуха на последнем «адью». А ведь за ним этого не водится! И на концерте я не заметил. Прокрути-ка обратно!

«Во мне говорит вино», — снова запел Раджио.

Все прислушались, и Сакач тоже, хотя он и не разобрался в столь тонких нюансах.

— Вот! — воскликнул Петер.

Он выключил магнитофон и провернул назад несколько последних тактов. Теперь и Сакач услышал, как голос Раджио на мгновение сорвался, но тут же снова зазвучал чисто и мужественно.

— Стереть? — спросил Петер. — Нельзя же оставлять несовершенную запись.

— Глупости, стирать пленку из-за такого пустяка! — Шари возмутилась не на шутку. — Оставим этот концерт так, как есть. Вместе с исполнением на бис. Разве удивительно, что к концу он устал? — Она повернулась к Сакачу: — Послушайте начало этой пленки. „Лючия де Ламермур”...

Сакач встал.

— К сожалению, я должен идти.

— Послушай, Имре, я так и не понял, зачем ты приходил? — поинтересовался Петер.

— Мне надо было кому-то рассказать об этом деле, чтобы самому лучше разобраться. А с кем я мог поделиться? Только с вами.

— Теперь стало яснее?

— Есть кое-какие догадки. Но совсем незначительные... Ну, друзья, продолжайте музицировать...

Опустив голову, он брел по узким будайским улочкам. Мимо него спешили женщины в легких летних платьях, мужчины в рубашках с короткими рукавами, ярко светило солнце, тротуар был усыпан косточками от черешен и абрикосов... Косточки все выплевывают... А их следовало бы расколоть, посмотреть, что там внутри. Зернышко абрикоса, например, прикидывается миндалем, а скрывает в себе смертельный яд — синильную кислоту...

Сакач остановился. Перед ним сверкала зеркальная витрина аптеки. За стеклом на одном из ящиков старинного стенного шкафа, сохранившегося еще от прошлого века, вычурными, заостренными буквами было написано: Venenum — яд.

Может быть, и там — яд? Нет, исключено. Все жертвы были подвергнуты вскрытию, и в их организме не нашли ни малейших следов яда. Впрочем, следы были у Картера. Но, как выяснилось, он страдал от сильных ревматических болей, и для облегчения ему делали инъекции, содержащие мизерные дозы героина.

Однако, если не яд, то что же? Дурной глаз? Гипноз? Убивать с помощью гипноза — такого медицина не знает, пожалуй, даже суеверий подобных не существует. Хотя кто рискнет утверждать, что познал все тайны природы? Но тот, кто знает немного больше других, при известных обстоятельствах может показаться обладателем таинственных сил, и...

В детстве на Сакача огромное впечатление произвел бродячий цирк. Главный аттракцион состоял из выступления иллюзиониста: на арену выносили свинью — настоящую, хрюкающую, отмытую до розовости свинью, одолженную у кого-то в селе. Иллюзионист начинал пристально глядеть на животное, и оно ложилось, вставало, бегало вокруг манежа, прихрамывая то на одну, то на другую ногу, а в довершение всего вбегало в большую раскрытую дорожную корзину. Фокусник захлопывал крышку и протыкал корзину длинной шпагой. Затем поднимал крышку — свиньи там как ни бывало. Владелец поднимал крик, требовал возмещения убытков. В ответ фокусник заявлял, что его свинья давно дома, хрюкает в хлеву. И это подтверждалось на самом деле. Умел работать фокусник, отменно умел! Он был одет в костюм, перехваченный огненным кушаком, и афиша у входа

аршинными алыми буквами возвещала: «Пылающий Гермес». Сельский звонарь-всезнайка говорил, что настоящее имя иллюзиониста Бенэ Поздера...

Сакач рассмеялся, но тут же устыдился своего смеха и огляделся вокруг. Он находился в Пеште, у дверей собственного дома. Сам не заметил, как перешел по мосту Дунай.

Имре вошел в парадное, лифт был испорчен, пришлось подниматься пешком. Вот теперь он выпьет чашечку кофе, разумеется, без сахара. И включит радио: монотонный голос диктора, комментирующего события, — лучший отдых. А работать, как считал Сакач, можно только когда отдыхаешь.

Он включил приемник, заложил руки за спину и принялся расхаживать по комнате. От одной стены к другой. Вдруг он остановился.

«...труппа Комеди Франсез в составе шести человек. Мы надеемся, что к тому времени венгерский струнный квартет закончит свое турне по Англии и твердо рассчитываем — так как получили заверения, — что Дино Раджио, которого договор заставил на три дня вернуться на родину, снова придет в нашу страну на концерт, посвященный открытию Сегедских игр. Интерес к программе...»

Сакач выключил радио, сжал в руках чашку с кофе и подошел к окну.

— Сегед, — прошептал он. — Кто будет следующей жертвой?

Наутро он решительным шагом вошел в управление полиции. Его встретил мрачный Гере. Вместо приветствия капитан положил перед ним утреннюю газету. Одно из кратких сообщений было отчеркнуто красным карандашом:

«Саймон Симпл, представитель епископальной церкви, известный своей деятельностью в защиту американских индейцев, после проведенных в Англии

переговоров вылетел на родину рейсовым самолетом «Боинг», следующим в Нью-Йорк, чтобы продолжить кампанию дома, в Шеридане (штат Вайоминг). Незадолго до приземления авиалайнера он почувствовал себя плохо, и когда скорая помощь подоспела на аэродроме к самолету, Симпл был мертв. Причина смерти еще не установлена».

— Откуда летел самолет? — спросил Сакач, возвращая газету.

— Из Парижа. Через Лондон...

— Необходим список пассажиров!

Герге хмыкнул.

— Нюх у тебя верный! Известие о происшествии в самолете я получил еще в полночь. И тут же запросил список пассажиров через Скотланд-Ярд.

— Что удалось выяснить?

— Они были там.

— Кто они?

— Он и его секретарь. Чутье тебя не обмануло — он сел в самолет в Париже.

— И через четыре дня будет здесь.

— Так говорят.

— Послушай, Лаци, верно, что только они оба присутствовали при всех несчастных случаях?

— Верно. Сакач вопросительно взглянул на Герге, а тот продолжал: — Необходимо раздобыть данные о прошлом Раджио. Разумеется, и о прошлом его секретаря.

— По-твоему...

— Или Раджио, или его секретарь, или оба вместе, откуда мне знать! Самое досадное, что все это только догадки. Возможна фатальная случайность.

— Если бы причина смерти была известна...

— Если бы да кабы. Тогда и дело не стоило бы выведенного яйца. Можно было бы без особого труда схватить преступника. Не напрягая фантазии. Вся

загвоздка в том, что причина смерти не установлена! — Гере сделал паузу и добавил: — Впрочем, для чего ты существуешь на свете, Имре? Для чего, я тебя спрашиваю?

— Понял, товарищ капитан! Я найду причину и принесу вам заключение о смерти на серебряном блюдечке. И преступника в придачу. Разрешите идти?

— Сиди уж! Лучше подумай, кто тот именитый гость, чьей смерти в Сегеде нельзя допустить.

— Ты тоже думаешь, что в Сегеде...

Гере рылся в папках, которые валялись на его письменном столе.

— Если мы примем за доказанный факт то, что это не игра случая, если между Дино Раджио и серией убийств есть логическая связь, то в Сегеде непременно должно что-то произойти. Твое задание: во что бы то ни стало найти человека, которого придется оберегать. Достань список знаменитостей, которые находятся сейчас в нашей стране или должны к нам прибыть в ближайшие три-четыре дня. Раздобудь данные о Раджио и его секретаре. Через три дня доложи.— Капитан встал и дружеским тоном добавил: — Ну, Имре, сотвори чудо! От тебя теперь зависит добрая слава нашей группы. Иди!

Следующий день Сакач посвятил утомительной, каторжной, по его мнению, работе: обошел не меньше шести учреждений — от Управления иностранным туризмом до Библиотеки имени Эрвина Сабо. Зато когда он, смертельно усталый, вернулся домой, портфель его был набит фотокопиями и записями. До полуночи Сакач сортировал и подбирал документы, а затем заново внимательно перечитал материал, который мог пригодиться. Он выпил четыре чашки кофе,

и хотя глаза у него слипались, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Что же касается результатов — они, пожалуй, равнялись нулю. Карьера Раджио вкратце вырисовывалась следующим образом.

Дино Раджио появился на свет в маленькой деревушке в Калабрии. Его поразительно красивый дискант и музыкальная одаренность привлекли к себе внимание учителя. По настоянию последнего родители отвезли сына в Рим, едва мальчику исполнилось семь лет. Маленький Дино больше не вернулся в родную деревню. Школу он закончил на государственную стипендию, во время учебы пел в хоре базилики Св. Петра. В тринадцать лет голос у Дино начал ломаться, и учитель предложил ему отдохнуть год в надежде, что к тому времени у юноши установится такой же красивый тенор, каким был дискант. Однако неожиданно в судьбу подростка вмешалась дифтерия. Перенесенная болезнь дала осложнение на голосовые связки, и лишь блестящая операция, проведенная известным ларингологом профессором Диаволо, спасла Дино голос. Через год он снова пел, сначала в базилике Св. Петра, а по окончании школы в миланском оперном театре «Ла Скала», с которым заключил контракт, и позднее в нью-йоркской «Метрополитен-опера».

К этой краткой и ничем не примечательной биографии Сакач после некоторого колебания присоединил фотокопию интервью, взятого у прославленного певца несколько лет назад.

«... — Скажите, вы суеверны?

— Что вы! — рассмеялся Раджио. — Я делаю это в память о своем выздоровлении. Каждый год в день Бианки — именно тогда мне сделали операцию — я поднимаюсь на хоры базилики и беру одно фа-диез. Я обратил внимание, что на ближайшей ко мне люст-

ре при этом начинают тихонько звенеть стеклянные украшения...»

Сакач вздохнул и взял еще один листок с заметками. Они относились к Раулю Фонче — личному секретарю артиста. Фонче, канадец по происхождению, во время войны был летчиком, участвовал в высадке союзников в Нормандии, после войны некоторое время владел небольшой фабрикой по производству пластмассовых изделий, позднее занимался наймом танцовщиц в бары со стриптизом, а затем поступил на службу к Раджио в качестве личного секретаря.

Сакач отбросил бумагу. Летчик-истребитель и фабрикант, агент и секретарь оперной знаменитости — сам черт тут ногу сломит! За что ухватиться?

Он распахнул обе створки окна, разделся, лег и как убитый проспал до следующего полудня.

Проснувшись и постояв четверть часа под холодным душем, Сакач выпил стакан фруктового сока — не рискнул тревожить сердце чашечкой кофе. В утренних газетах никаких известий, касающихся Раджио, не было. Сакач пообедал в ближайшем ресторанчике и ровно в два часа постучал в кабинет к Гере.

— Ничего подозрительного в прошлом Раджио я не усмотрел. У тебя что-нибудь есть? — спросил он, когда Гере пробежал глазами его доклад.

Тот пожал плечами и постучал по бумагам.

— Значит, ничего заслуживающего внимания?

— Заурядная биография вундеркинда. То, что он суеверен, понятно, как бы он ни пытался это объяснять. Религиозный, как все итальянцы.

— Ты имеешь в виду день Бианки?

— Да. Впрочем, как знать...

— Ну, а второй вопрос? — перебил его Гере. — Кого нужно будет охранять в Сегеде?

— Если наши догадки верны, речь может идти

лишь об одном человеке: об Ондре Хрдличке, который на прошлой неделе прибыл на выездную сессию биологов и намерен посетить Сегед. Этот Хрдличка...

— ...этот Хрдличка в прошлом году не получил визы на въезд в США, так как осмелился во всеуслышание заявить, что располагает статистическими данными о среднем уровне интеллектуального развития африканцев. По его мнению, жители Африки ничуть не уступают американцам.

— Во время войны Хрдличка бежал от Гитлера из Братиславы во Францию.

— ...и принимал участие в движении Сопротивления. Я надеюсь, мы не ошиблись. А теперь, Имре, тебе следует отдохнуть. Завтра мы подробно обсудим твое задание в Сегеде. Кто тебе понадобится?

Вскоре после этого Сакач, выполняя приказ Гере об отдыхе, звонил в дверь Гонды.

Его взору предстала обычная картина: Шари в рабочем комбинезоне возилась с пылесосом, Петер, зажав во рту длинный свисток, на корточках сидел на ковре. Напротив него со скупающим видом горбился Оттокар.

— Он неизлечим, — заметила Шари, снова берясь за ручку пылесоса. — Оттокар абсолютно лишен музыкального слуха, даже Вагнер не вызывает в нем никаких нервных реакций...

Выбросив свисток изо рта, Петер перебил ее.

— Ты преувеличиваешь! Уши Оттокара явно чувствительны. Особенно к верхним регистрам. Стоит ему услышать арию с колокольчиками, как он начинает делать такие движения, будто у него расстройство кишечника.

— А может, и в самом деле расстройство?

Этот семейный дуэт всегда оказывал на Сакача благотворное действие — в доме друзей он полностью отключался от повседневных забот.

— Ничего подобного! Но на высокие звуки, по-видимому, Оттокар реагирует, поэтому и я перешел на более высокие частоты.

Петер сунул свисток в рот и дунул. Никакого звука не последовало, однако Оттокар мгновенно повернулся и с невероятной быстротой бросился к спасительным кистям плеча.

— Ультразвуковой свисток?

— Отдаю должное вашей проницательности, сэр,— засмеялся Петер.— Но, пожалуй, сейчас я переборщил. Когда я тихонько свищу, Оттокар сразу подходит и начинает, переваливаясь, семенить вокруг меня, потому что знает: после свистка он получит какое-нибудь лакомство. Отсылаю тебя к Павлову... Эй, зверек, вылезай! Оттокар! Теперь я должен его покормить. Шарика, у нас остались вафли? — И, не ожидая ответа, Петер выбежал в кухню.

Шари выключила пылесос и села.

— Вчера Пети заставил меня купить целый ящик вафель для мороженого. Пришлось весь город обегать. Меня всюду принимали за частницу и требовали предъявить разрешение на кустарное производство... Пусть развлекается, скоро ему наскучит.

— Вы говорите о Петере, словно бабушка о проказливом внуке.

— Бабушка? Вон она, наша бабушка. Вернее, не бабушка, а прапрапрабабка. Видите? — Она показала на висевшую над письменным столом картину.— Кроме Ласло Паала, у нас теперь есть и это полотно. Мы получили его от мамы — еще один свадебный подарок. Позвольте вам представить Агату Корнелиус. Если не ошибаюсь, в тысяча пятьсот сороковым году ее похитили турецкие разбойники. И она ночью одна с саблей в руках отбилась от них, переплыла Дунай...

— Судя по вашему рассказу, храбрая была бабушка.

Сакач с интересом разглядывал картину. С портрета в стиле позднего Ренессанса на него смотрело монгольское лицо с ярко-голубыми глазами — удачное сочетание смешанной крови венгерских и саксонских предков. На красочном фоне, изображавшем сбор урожая, эффектно выделялись черное платье женщины и лиловый шелковый шарф, наброшенный на плечи.

— Чьей работы портрет? Неизвестного художника?

— Картина подписана именем Фини, 1545 год. Говорят, это был итальянский художник, а жил он в Венгрии.

Между тем Петер был занят выманиванием Оттокара из-под качалки и его кормежкой. В итоге Шарри пришлось сходить за веником и замести крошки, рассыпанные по полу.

— Погляди-ка! — вскричал Петер и подхватил ежа на руки. — Я ставлю его на стол и дую в свисток... Следи!

Испуганный Оттокар замер на краю стола, но стоило Петеру дунуть в свисток, как он оживился и покачивающейся походкой двинулся вперед, ступил в стоявшую посреди стола чернильницу и продолжал путь, оставляя за собой следы-иероглифы. Добравшись до цели, он поднял нос, потребовал награды и получил вафлю.

Получил свое и Петер.

— Ладно бы, когда глупый зверь принимает ножные ванны в чернильнице, — кричала Шарри, — но тыто, человек разумный и, кажется, образованный! Смотри, что вы натворили!

На лиловом шарфе Агаты Корнелиус красовалось

серое пятнышко величиной с горошину. Петер взглядел на него с покаянным видом.

— Я даже не прикасался к портрету!

— Прекрати свои глупые шутки! Может, краска сама отскочила? Ты размахивал своим свистком до тех пор, пока домахался... Бедная бабуля!

— Не к чему так убиваться. Я отдам картину в реставрацию.

Сакач подошел к стене и принялся рассматривать пятно на шарфе.

— Оно и в самом деле свежее?

— Конечно, свежее,— ворчала Шари, упрямо надув губы.— Утром я стирала с картины пыль, и никаких изъянов не заметила. Петер сбил краску свистком.

Сакач нагнулся поближе и взгляделся в небольшое пятнышко, которое оказалось не чем иным, как обнажившимся холстом — тем самым, на котором четыре с лишним века назад итальянский живописец по имени Фини написал портрет Агаты Корнелиус.

— Но я же сказал, что отремонтирую картину,— уверял Петер.

Решительным движением он опустил на пол Оттокара.

— Ладно, я сама поищу реставратора. А теперь пойду и сварю кофе... Имре! Вы уже уходите?

— Мне сейчас пришло в голову...— пробормотал Сакач и, не прощаясь, выскользнул из комнаты.

Петер бросился вслед и чуть не столкнулся с ним в дверях — Сакач возвращался в комнату.

— У вас нет под рукой календаря? Там, где можно справиться о дне именин.

Шари изумленно взглянула на него.

— О дне именин?

— Ну да, знаете, с именами в алфавитном по-

рядке... У вас, случайно, нет знакомой по имени Бианка? Когда день Бианки?

Шари покопалась в сумке, вынула карманный календарик и протянула Сакачу.

— Вот здесь, вверху.

— Бела... Бенэ... Бианка! Пятнадцатое октября... Спасибо, Шари, я побежал.

Да, все это очень смахивало на железнодорожные вагоны на сортировочной горке. Состав формируют из вагонов. Их прицепляют один к другому в порядке прибытия. Паровоз подталкивает вагоны, и они скатываются вниз. У первой стрелки один вагон сворачивает направо, у второй — налево, у третьей... За одним составом следует другой, его вагоны тоже отцепляют, сортируют, а потом у подножия горки на разветвляющихся веером путях формируют новые составы. Каждый вагон на своем месте, в соответствии со своим назначением. Железнодорожник-сортировщик у распределительного щита сверху наблюдает за вагонами и нажимает на кнопки то одной, то другой стрелки...

Но с формированием состава придется обождать. Не хватает нескольких вагонов. Сведения и идеи не прибывают по расписанию. Надо ждать. А потом, когда все будет собрано воедино, состав можно отправлять в путь!

Сакач поднял голову и улыбнулся.

Он стоял возле Национального музея. Его привел сюда инстинкт. Без колебаний он пересек парк и поднялся на второй этаж, в газетный архив. После двухчасовой кропотливой работы он нашел, что искал, что смутно брезжило в глубинах его подсознания. Он даже боялся верить собственной догадке. Когда-то ему довелось прочитать в «Эшти Хирлап» одну заметку. А теперь он хотел отыскать ее источник и потому попросил принести итальянские, точ-

нее римские газеты. В номере «Оссерваторе романо» двухлетней давности он отыскал нужное сообщение. Знаменитый итальянский искусствовед с возмущением писал о безразличии властей: толпы туристов, наводняющих Италию и главным образом ее столицу, ведут себя как настоящие варвары. Рано или поздно они не только Форум растащут по камешкам, чтобы использовать их в качестве пресс-папье, но и к памятникам отнесутся так же. В качестве примера искусствовед сослался на случай с картиной в одном из боковых алтарей собора Св. Петра. На картине было обнаружено круглое пятнышко — видимо, след воздушного ружья, или рогатки, или еще какого-то оружия; от выстрела с этого места картины слетела краска.

Сакач обратил внимание на дату — четвертое ноября. Он глубоко вздохнул, почувствовав, что, кажется, попал на след. Теперь следовало внимательно осмотреть одно из мест происшествия. Ближе всего была консерватория.

На следующее утро Сакач отправился туда.

В этом сезоне концерт Раджио был заключительным. Уже на другой день начался ремонт большого зала. Из-за жары все двери были распахнуты настежь, между рядами стульев к потолку вздымались строительные леса, с правой стороны эстрады, балансируя на стремянке, работал электромонтер. Он ковырял темную деревянную обшивку стены, вытаскивал провода для проверки и недовольно ворчал.

— Опять спутали осветительный на двести двадцать с аварийным.— Он сердито стукнул кулаком по деревянной обшивке.— Будто из мрамора, ее и сталью не поцарапаешь. Из чего она, черт побери, сделана? Из красного дерева, что ли? — Взгляд его упал на Сакача.— Добрый день. Вы кого-нибудь ищите?

Сакач представился, монтер спустился вниз. В первый момент он держался настороженно, но вскоре оттаял и разговорился. Сакач мысленно поздравил себя с удачей: он напал на дежурного монтера, в чьи обязанности входит быть готовым к любым непредвиденным случайностям во время концертов.

— ...Строго говоря, открывать двери до антракта запрещается, но зрители словно с ума посходили — аплодировали, даже ногами топали, и мне захотелось взглянуть на певца. Я приоткрыл первую от сцены дверь и осторожно встал вон там... Видите? Он тогда исполнял последнюю песню на бис. К концу он, вероятно, почувствовал сквозняк — эти певцы такие чувствительные, — потому что повернулся в мою сторону. Ну, думаю, теперь жди нагоняя — нажалуется итальянец начальству. И тут вдруг слева раздался какой-то хрип. Смотрю, пожилой мужчина голову вперед наклонил и соскользнул со стула на пол. Певец кончил петь, люди хлопают, кричат, а я побежал помочь вынести этого господина из зала. Отнесли мы его в репетиционную, вызвали скорую помощь. Потом у нас говорили, будто это был американский делец, о котором так много писали в газетах. Вот и все, что я знаю. Пригодится?

— Что касается смерти американца, вряд ли. Но в любом случае спасибо.

С полудня и до вечера Сакач пролежал на пляже «Палатинус», а сидящий у него в голове стрелочник пускал вагоны с сортировочной горки в таком порядке, в каком ему хотелось. Вечером он передал Гере краткое донесение по телефону и по телефону же простился с Петером и Шари. Его сон не нарушили даже таинственные намеки Петера.

Скорый поезд был набит людьми, отправляющимися на Сегедские игры. Сакач намеренно решил вос-

пользоваться железной дорогой — он хотел прибыть в город как можно незаметнее. Его сотрудники еще на рассвете сели в машину, он договорился встретиться с ними после полудня.

Вагон мягко покачивался. Сакач прислонил голову к стенке и задремал. Его разбудили громкие голоса, стук, музыка. В углу пристроилась компания молодежи. Транзистор гремел на полную мощность.

«...актриса. Никто бы не подумал, что рыболов с берега Дуная окажется на эстраде в Канне среди призеров...» Голос диктора заглушили треск, шум, громкая музыка, выкрики.

— А ну, поверни обратно на станцию Кошшута!

— Думаешь, если принес паршивый транзистор, можешь командовать?

— А тебе информация нужна? Больно грамотный!

«...мы отыскиали его в маленьком будайском ресторанчике. Он сидел за столиком перед бутылкой вина. Заметив нас, он дружески показал рукой на место рядом с ним. И тогда в соответствии с обстановкой я рассказал ему один из анекдотов о Дюле Круди: знаю, что такое сто граммов, знаю — двести, знаю — пол-литра, но что такое...»

— Сделай потише!

— Бразилец уверяет, будто в этой программе будет югославская певичка...

— Я кому сказал, переведи на Кошшута!

— Больно силен, да? Сейчас поговорю с тобой по-другому...

«...Дино Раджио я застал в «Геллерте». На мой вопрос, чем он увлекается, певец ответил: «Mio favorito trattenimento». Итальянская речь куда-то уплыла, и репортер продолжал по-венгерски: «Мое лю-

бимое времяпрепровождение бильярд. К сожалению, здесь, в Будапеште, у меня не хватает времени им заниматься, хотя я до безумия люблю эту игру. У себя дома, в Нью-Йорке, я каждое утро провожу за шарами...» «Благодарю вас, маэстро, mille grazie, maestro».

Бильярд...

Стрелка щелкнула, последний вагон покатился на место. Сакач откинул назад голову и мирно проспал до самого Сегеда.

Забросив свой чемоданчик в гостиницу, он пешком отправился к собору. В Сегеде он был впервые.

Огромный лиловый автобус развернулся рядом с ним и остановился возле церкви Обета. На боку автобуса сверкали белые буквы: Society for the prevention of cruelty to animals, Glasgow, что в переводе означает: «Общество покровительства животных, Глазго». Дверца автобуса открылась, из нее торопливо начали выходить шотландские туристы, вслед за ними показалась знакомая фигура. Сакач не поверил своим глазам. Он шагнул ближе — сомнений нет! Теперь он понял, на что намекал вчера вечером Петер. Будучи музыкантом, он кое о чем догадался и тоже поспешил в Сегед. Чтобы быть под рукой? Чтобы помочь? Очень мило с его стороны, но за каким чертом его потянуло к шотландским защитникам животных и что ему нужно в соборе?

Сакач незаметно пристроился к группе туристов, и ему удалось насладиться следующей сценой.

Петер Гонда присоединился к шотландцу, который вышел из автобуса последним, — вероятно, в надежде проникнуть в собор вместе с группой. Шотландец же счел его помощником гида, и поэтому охотно пустился в разговор. Он явно обрадовался, найдя в Петере единомышленника. Петеру пришлось выслушать горячую речь о том, что мышей следует

считать домашними животными (Общество занимается защитой только домашних животных); это не значит, что их нельзя истреблять, напротив, они вредны, но надо избавить бедняжек от мучений, предшествующих смерти в том случае, если они встречаются ее в лапах кошки.

Сакач чуть не лопался от нетерпения, однако покорно следовал за ними до ворот собора. Петер довольно бегло болтал по-английски.

— I'm afraid I'm not yet able to like mice enough (боюсь, я пока не в состоянии в достаточной мере любить мышей). Но у меня тоже есть зверек, ежик, а hedgehog named Оттокар. What is your opinion?

Он говорил об Оттокаре так, словно тот здесь присутствовал. Возможно, он распространялся бы на эту тему и дальше, но шотландец неожиданно застыл на месте, смерил своего провожатого с головы до ног разочарованным взглядом и холодно заявил:

— About hedgehogs there can be no opinion at all (что касается ежей, то по этому поводу у меня нет никакого мнения). Hedgehogs are not domestic animals (ежи не принадлежат к домашним животным).

И он поспешил вперед.

Петер негодуяще посмотрел ему вслед. Это еж-то не домашнее животное! Он пожал плечами, отошел от туристов, осматривающих церковь, и, ускользнув от очей гида, поспешил к ведущей на хоры лестнице.

Сакач двинулся за ним.

Петер подошел к перилам, наклонился над ними, порылся в кармане, вытащил длинный блестящий предмет, сделал глубокий вдох и прицелился в боковой алтарь... В то же мгновение стоявший внизу турист, с которым он ранее беседовал о мышах, повернулся и взглянул на хоры. Петер молниеносно вытолкнул свисток, засунул два пальца в рот и оглу-

шительно засвистел. "Словно Чонакош из «Мальчишек с улицы Пал»", — мелькнуло в голове у Сакача, но он не стал вмешиваться, просто стоял в сторонке и наблюдал.

Стены церкви Обета, многократно усилив, отразили свист, туристы негодуяще задрали головы вверх, гид поспешил к выходу и почти тут же вернулся в сопровождении полицейского в белом мундире и с резиновой дубинкой в руках. Полицейский бросил успокоительный взгляд на толпившихся в замешательстве шотландцев, затем с непроницаемым выражением лица двинулся на хоры.

Однако Петера там не было. Его эксперимент по милости друга мышей провалился — ему ничего не оставалось делать, как свистнуть на манер уличного мальчишки, не мог же он выставить себя дураком, выпучившим от напряжения глаза и дующим в беззвучный свисток. А теперь ему придется держать ответ за содеянное.

Полицейский ожидал Петера внизу.

— Пройдемте со мной.

Петер повиновался. Шотландцы делали вид, будто ничего не произошло. Когда они вышли за дверь, полицейский сказал:

— Предъявите документы. Это вы свистели?

— Товарищ старший сержант, мой свисток не свистит. Я просто...

— Дайте сюда! — Полицейский отобрал у него вещественное доказательство и покачал головой. — Бросовая игрушка! Попробуем-ка! — и подул в свисток.

Два молодых человека, стоящих на лестнице, громко захохотали. С головы каменного льва испуганно вспорхнула стайка голубей. Петер ждал.

Вдруг за его спиной раздался хорошо знакомый голос.

— Отставить, сержант! Поручите мне этого хулигана. Я старший лейтенант Сакач.

Полицейский проверил удостоверение Сакача, скороговоркой доложил о происшествии, откозырял и исчез. Ему было стыдно: прослужив пятнадцать лет в полиции, он не смог выдать ни звука из какого-то паршивого свистка.

— Что это за безобразие? — хмуро спросил Сакач.

— Работаю под частного детектива, — ухмыльнулся Петер.

— Значит, и ты догадался?

— Кое-что предполагаю. И мне было любопытно, окажется ли картина в алтаре «музыкальнее» Оттокара. А саму картину не жаль. Ценности не представляет. Ну, поговорим?

— Я и так слишком много сказал в прошлый раз. Есть такая штука: служебная тайна. И бдительность. Так-то, дружище. Игра идет не на жизнь, а на смерть.

Оба помолчали. Первым заговорил Петер.

— Ты начнешь или бросим монетку?

— Этого только не доставало! Ты понимаешь, что сегодня вечером может быть совершена новая попытка убийства?

— Сегодня?

— Раджио выступает сегодня.

— Знаю, — сказал Петер. — Поэтому сюда и приехал. Но, разумеется, прежде всего потому, что сюда отправился ты. И, честно говоря, чтобы опровергнуть обвинение Шарики по поводу портрета бабушки Агаты.

— Значит, судьба Хрдлички тебя не волнует?

— Кто такой Хрдличка?

— По нашим предположениям, намеченная жертва. Охранять прежде всего нужно его.

— Мыслимо ли охранять человека, которого хотят убить невидимым оружием? Послушай, Имре, может быть, присядем? Сидя говорить удобнее.

Сакач молча пересек площадь в направлении кафе, Петер последовал за ним. Они сели за столик на террасе.

— Итак?

— Итак,— торжественно заявил Петер,— проще всего удалить этого типа из зала.

— Ты так считаешь? — насмешливо улыбнулся Сакач.— Предположим. И тогда проницательный секретарь побежит к прославленному любимцу публики и шепнет ему на ушко: «Отложим, старик, дело не чисто, сыщики увели нашего парня из зала, подождем дальнейших указаний».

Петер молчал. А Сакач продолжал:

— Послушай! Надо сделать так, чтобы Хрдличка сидел не на своем месте. Понял?

— А что это даст? Все равно не поможет.

— Черта с два! Сначала он сядет на свое место, а в последний момент исчезнет. Подумай-ка, ведь Картер...

— ...умер после окончания программы. Во время бисирования. «Прощанье Туридду».— Петер вздохнул.— Какой голос! Но оставим это. Что ты предлагаешь?

— К концу концерта Хрдличка должен исчезнуть. К самому концу. Кресло его окажется пустым. Но до тех пор... Надо работать с полной уверенностью. Хрдличку следует усадить на место заранее. Через несколько минут... Ладно, посмотрим.— Сакач встал.— Я должен идти. Надеюсь встретиться с тобой вечером.

Вместо ответа Петер вынул билет и с оскорбленным видом посмотрел на друга.

— Ты мне не доверяешь?

— Глупец! Мне надо договориться с ребятами.

Оставшись один, Петер заказал еще чашечку кофе и углубился в размышления. Итак: если жертвой должен стать Хрдличка, то как следует поступить? До начала концерта Имре покажет Хрдличку Раджио и его секретарю. Хрдличка, как ни в чем не бывало, будет сидеть на своем месте. Послужит приманкой. Затем после бударварского «Te deum» — auftakta тра-та-там... Хрдличку тихонько уведут. Нет, наверное, не сразу. После антракта. Уведут, а на его место посадят сыщика, похожего на Хрдличку. Со сцены виден зрительный зал, хотя и неясно. Лица кажутся размытыми пятнами. А когда Раджио начнет исполнять на бис, исчезнет и лже-Хрдличка. И тогда... Но тогда Раджио заметит, что намеченной жертвы на месте нет. Интересно, что он сделает? Конечно, удивится. И мы это заметим. Право же, Имре не глупый парень. Только... пожалуй, это еще не доказательство.

Петер расплатился, встал из-за столика и зашагал к берегу Тисы. До вечера он почти не вылезал из воды.

Ондра Хрдличка сидел в четвертом ряду и, повернувшись боком, беседовал с хорошенькой загорелой женщиной. Профессор холост, вероятно, это его секретарша. Имре нигде не видно, Раджио еще не прибыл.

Петер Гонда опустил бинокль.

Скоро Раджио будет здесь. Приличия ради он прослушает первое отделение концерта — ему это ничего не стоит, его программа не требует особого напряжения, по крайней мере от него. Для Раджио такое выступление — своего рода отдых: две-три арии из опер, несколько старинных итальянских песен,

потом народные песни — итальянские, испанские, французские. Ну, и в конце, как обычно, — исполнение на бис.

По тихо гудящему залу пробежали сдержанные аплодисменты. Раджио...

Коренастый, чуть полнеющий тенор со скромной улыбкой шел между рядами кресел, за ним следовал очень стройный мужчина. Его светлые волосы слегка посеребрила седина. «Словно эсэсовец на пенсии в штатском», — подумал Петер, но тут же одернул себя. Просто диву даешься, как влияют на человека обстоятельства! Ведь если бы, скажем, выяснилось, что секретарь не имеет ничего общего с этим грязным делом, а какой-нибудь журнал поместил бы его фотографию между портретом голландской королевы и резвящимися в воде дельфинами и подпись под снимком гласила бы, что на нем изображен датский рыбак Олаф Харальдсен, Петер нашел бы его симпатичным.

У шестого ряда Раджио остановился, прижал правую руку к груди и слегка поклонился публике. Затем опустился в кресло. Светловолосый секретарь сел рядом. Петер перевел бинокль на Хрдличку. Тот обернулся, посмотрел на Раджио и несколько раз негромко хлопнул в ладоши. Наступила тишина.

Оркестр занял свои места, вышел хор. Неожиданно из-за сцены появился Имре Сакач и, пройдя с краю вдоль рядов партера, растворился в темноте. Дирижер встал за пульт, раздались аплодисменты и тут же смолкли. Вступили трубы и тромбоны, затем оркестр, и подхваченная хором грянула торжественная музыка Кодая.

Хрдличка сидел неподвижно, Раджио тоже. Петер опустил бинокль, закрыл глаза и отдался музыке.

В антракте снова показался Сакач. Его сопровождал сотрудник Управления иностранным туризмом.

Они подошли к Хрдличке и Сакач принялся что-то горячо доказывать ему и хорошенькой секретарше. Радио с секретарем в зале не было.

Петер выбрался из кресла и прошел вперед. Ему удалось поймать обрывок фразы:

— ...more better and we should be pleased if the professor...

Ну и горазд же заливать этот Имре! Будет лучше... Что лучше? Более удобное место или акустика Соборной площади? Во всяком случае ему, Петеру, следует вернуться на место, антракт кончился.

На сцене в свете прожекторов появились Радио и аккомпаниатор. Маленький театральный бинокль вновь сослужил Петеру службу. Ага, на месте Хрдлички уже сидит детектив, рядом с ним женщина. Волосы мужчины серебристо отсвечивают в полумраке. На женщине белое платье, как и на секретарше. Тоже, наверное, из сотрудников Сакача. Но где же подлинные герои? Порядок — Имре не лишен чувства юмора: Хрдличку и его секретаршу усадили на места, где ранее сидели Радио и сопровождающий его блондин.

Радио поет одну за другой арии из опер Верди — «Риголетто», «Трубадур», «Травиата», «Дон Карлос»... Затем наступила очередь Пуччини — «Тоска», «Чио-Чио-сан». «Tre giorni» Перголези публика требует повторить. Сколько это будет продолжаться?! Наконец-то перешел к народным песням. Радио, стоя у рояля, что-то негромко говорит аккомпаниатору. Слушатели нетерпеливо заерзали, зашевелились. Но вот певец повернулся к залу, наступила тишина. Только детектив, сидевший в кресле Хрдлички, встал и тихонько зашагал в темноте в конец зала. Да, Имре точен, как часовой механизм!

Пока ничего не произошло.

Певец сам объявляет названия песен; взор его

устремлен вдаль, а зал наполняют светлые, солнечные неаполитанские песни. Раджио перешел к испанским песням, потом к французским.

«Petit bossu»... «Маленький горбун, перестань бить свою жену...» Петер про себя подпевает певцу. Когда-то эту песню исполняла несравненная Иветт Джилльбер. Нет, тебе больше не удастся убивать, Раджио!.. Но теперь, молю, подай какой-нибудь знак, что ты хотел убиты! Заметь, наконец, что место Хрдлички пусто!

Но певец по-прежнему ничего не замечает. Он поет «Ça ira». И вслед затем бисирует. Ну, конечно! «Прощанье Туридду»!

Ну же, Раджио!

Вот он шутовски разводит руками:

— Un altro basio...

Но какой артист, какой артист!..

— Мamma...

Сейчас он похож на лягушку, которую рисуют в школьных учебниках. Шея раздулась...

— Addio...

Вот так обычно он... Но почему он уверен, что и сейчас его старания увенчались успехом и злодейство удалось совершить? Почему кланяется с такой широкой улыбкой? А может, он все-таки убил?.. Но ведь место Хрдлички... Или он все же настиг свою жертву, перехитрил Сакача? Нет, Хрдличка на месте, вот он встал, аплодирует. Но тогда... Взгляд Раджио падает на пробирающегося вперед Хрдличку, он меняется в лице, бледнеет, потом склоняется в низком поклоне. А когда выпрямляется, уже полностью владеет собой.

Петер поспешил к креслу, где раньше сидел Хрдличка. Все места заняты. А с кресла Хрдлички тяжело поднимается атлетически сложенный молодой человек. Прижимая руку к животу, он неуверенной походкой идет к выходу. На какое-то мгновение на

грудь его блеснул значок, и Петер узнал Буги, боксера среднего веса. Как этот несчастный сюда попал? Может, выживет?.. Кому и выжить, как не ему, с таким-то здоровьем... И тогда... настанет очередь Петера Гонды, и Раджио попадетесь!..

Петер бросается за ковыляющим к выходу Буги: может, ему нужна помощь? На бегу Петер оборачивается: на сцене кланяется усталый певец, а публика неистовствует. У края сцены аплодирует Хрдличка. Однако не упустить бы Буги!

Петер догнал боксера в туалете. Он стоял, сгорбившись над умывальником, по-прежнему прижимая руку к животу.

— Не нужна ли вам моя помощь? — Не ожидая ответа, Петер приложил руку ко лбу молодого человека. В свое время так делала мама, когда маленький Пети объедался сладким до того, что заболел. Он подбодрил Буги:

— Ну, ну, спокойнее, это не страшно! Обопритесь о мою руку! Не бойтесь, вы не на ринге! Ну-ка, еще разок! Вот так!

Боксер выпрямился, тяжело дыша, бросил признательный взгляд на сердобольного помощника, открыл кран и подставил под него голову, затем вытерся носовым платком и лишь после этого обрушил на Петера поток благодарностей.

— Не стоит, не стоит,— отмахнулся тот.— Надо же помогать ближним. Вам что, ужин пришелся не по вкусу? Или перебрали немного?

— А! — Буги презрительно махнул рукой.— Я сейчас тренируюсь, так что вина ни-ни. Только ужин. Я спешил, наскоро что-то проглотил и помчался сюда. Даже билета не достал, пришлось пройти так, понимаете?

— Как не понять!

— Чувствовал я себя нормально, когда стоял

там, сбоку. Вдруг я заметил, как кто-то вышел, и место освободилось. Я подумал, когда он вернется, я встану, а пока посижу в его кресле, оттуда лучше видно. Понимаете?

— Разумеется, понимаю.

— Много вы понимаете! Я и сам ничего не понимаю. А вообще-то — спасибо за помощь!

— Не стоит, приятель. Вам и в самом деле не нужен врач?

— Врач? — возмутился боксер. — За кого вы меня принимаете, папаша? Знаете, кто я?

— А как же: нажми, Буги-Вуги!.. Куда же вы?

— Могли бы догадаться, коли такой всезнайка! Ужинать! Главное — быть в форме!

Когда Петер сидел за столиком, в кафе вошел Сакач.

— Что скажешь? — Имре опустился на стул подле Петера. — Он совсем выдохся. Не пойму только, почему он такой невнимательный. Как он не заметил...

— Он и не мог заметить.

— Почему?

— Место Хрдлички, вернее, твоего человека, было занято другим.

— Брось свои скверные шутки, Пети!

— Я не шучу. Пять минут назад я оказывал ему помощь в туалете.

— Кому именно?

— Тому, кто сел на место Хрдлички. Буги-Вуги. Тебе его имя о чем-нибудь говорит?

— Это боксер, не так ли?

— Ему крепко повезло, что он боксер. Выдержал. Такой Буги выдержит! Пошатался немного, голова покружилась и все.

Сакач встал.

— Где он сейчас?

— Ужинает. Сядь! — Петер потянул друга за рукав. — Поверь, я знаю более верный путь. История с Буги ничего не доказывает. Проведи меня в гостиницу к Раджио, и я раздобуду тебе доказательство, причем решающее!

— Для чего тебе гостиница?

— Хочу попросить у него автограф. Как поклонник его редкого таланта.

— Сумасшедший!

— Никогда в жизни не был нормальнее. Повторяю: Буги не доказательство.

— Я и сам понимаю. Он лишь косвенная улика. Но другой у нас нет.

— Вот я и раздобуду прямую улику. Помогите мне попасть к Раджио. Разумеется, я пойду к нему вместе с Оттокарсом.

— Петер, ты привез с собой ежа?

— Разве я мог доверить его Шари? Промытый раз у него два дня был понос из-за горохового супа. Его желудок не выносит сметаны.

— Бедняжка Оттокар!

— Так ты сможешь мне пройти в гостиницу?

— Да, черт побери! Но если ты сделаешь какую-нибудь глупость...

— Не беспокойся. Я только попрошу у него автограф. Предоставлю ему возможность действовать.

— Ну нет, Петти, так не пойдет. Нет и нет! Я категорически возражаю.

— Тебе известно только об автографе. Остальное мое дело.

— Если с тобой приключится беда или будет скандал...

— Можешь быть совершенно спокойным. Никакого скандала не произойдет. И за свое место не бойся — в отставку подавать тебе не придется!

— Ну и глупец же ты! Я за тебя боюсь, а не за свое место!

— Во всяком случае неплохо, если ты будешь неподалеку.

— Понять это и у меня ума хватит, — проворчал Сакач, но не выдержал, ухмыльнулся и согласно кивнул головой.

Оттокару в гостинице было пусто и одиноко. Петер протащил его в номер в портфеле и забаррикадировал в углу. Оскорбленный еж кружил, постукивая, в узком загончике, тревожно принюхивался, с упреком поводил носом. Петер сочувственно склонился к нему и попытался утешить:

— Сожалею, старик, но придется тебе немного попоститься. Разгрузочный день! Я не намерен платить из-за тебя штраф. Поголодай немножко. Будешь умницей, тетя Шари дома приготовит тебе фаршированный перец.

После того как хозяин ушел, обиженный Оттокар некоторое время потоптался на месте, а затем отправился на разведку. Перелез через загородку, отдышался, взвизгнул и, сердито покачиваясь, доковылял до радиатора. Там он нашел двух засохших мух, но этого было мало даже на закуску. Майский жук, случайно залетевший в окно, лишь раздражил его аппетит. Продолжая поиски, Оттокар стянул со стола скатерть и опрокинул вазу с цветами. Осознав, что он единственное живое существо в этом безумном мире, еж попытался грызть кончик плаща Петера, но повторять эксперимент не стал и, таким образом, не смог прийти к надежным с точки зрения науки выводам. Однако, подобно некоторым философам, он больше полагался на свой вкус, чем на научные сведения. И в данном случае это себя оправдало. Валяв-

шуюся на полу газету еж нашел столь же несъедобной, как и домашние туфли Петера, а когда он высвободил свои колючки от бахромы занавески, две мухи и жук, скучающие в его желудке, не смогли бы составить даже партии в бридж. Разве что при желании имели возможность сразиться в ульти.

Когда вернулся Петер, Оттокар не стал виновато горбиться, не прижался в испуге к полу, даже не спрятался, а потопал к хозяину, требовательно стуча лапками и переваливаясь на ходу.

После полуторачасовой уборки Петер водворил Оттокара в портфель, где лежал свежий рогалик, и уже собрался выйти из комнаты, как в дверь постучали. В номер вошел Имре Сакач.

— Значит, ты решил, что моя затея с автографом не годится? — спросил Петер.

— Напротив, я пришел к выводу, что ты прав, и поспешил в гостиницу. Монету кидать не станем, выскажемся оба. Сначала я, потом ты. Мне необходимо знать, что ты затеял. А для этого будет лучше, если ты узнаешь все, что известно мне.

— Пошли!

Когда они, наконец, остановились у гостиницы в центре города, Петер закончил объяснение и с сияющим лицом обернулся к другу:

— Гениально, правда?

— Неплохо, только опасно. Не лучше, если я...

— И думать не смей! Идея моя, и я хочу воплотить ее в жизнь самостоятельно. С рефлексами у меня все в порядке, чувство ритма хорошее. Но ты находишься рядышком.

— Будь спокоен!

Сакач бросил портье несколько слов и этого оказалось достаточно, чтобы они беспрепятственно поднялись на второй этаж к апартаментам Раджио. Им повезло: не пришлось искать предлога, чтобы уда-

лить секретаря — его в гостинице не оказалось. Петер, с портфелем под мышкой, постучал в дверь.

Он вошел в холл, застекленная дверь напротив была приоткрыта. Посреди комнаты в темно-красной домашней куртке стоял Дино Раджио и выжимал сок из лимона в стакан. Петер почтительно поздоровался, затараторил по-итальянски. Пусть маэстро простит его за беспокойство, но он музыкант, и для него будет величайшим счастьем получить автограф гениального артиста. Выпалив все разом, он умолк и с благоговением воззрился на певца, лениво потягивающего сок.

— Не в моих правилах принимать посетителей в номере гостиницы, — сказал Раджио. — Тем более раздавать автографы. Но для вас, молодой человек, как для собрата по искусству, я сделаю исключение. — Он снисходительно улыбнулся и уже потянулся за пером и бумагой, но вдруг рука его замерла на полпути, лицо омрачилось. — А вдруг вы репортер? Что у вас в портфеле? Магнитофон?

— Да что вы, маэстро! Из благодарности, из чувства признательности за автограф я, с вашего позволения, кое-что вам покажу. Небольшая шутка, un scherzo innocente, она связана с музыкой. Вас это интересует.

Раджио посмотрел на него с подозрением, потом нацарапал свое имя и вернул Петеру блокнот.

— Извольте. И поспешите с вашей шуткой, если уж другого выхода избавиться от вас у меня нет. Я могу уделить вам от силы пять минут.

Петер, бормоча слова благодарности, открыл портфель и вытащил отчаянно протестующего Оттокара. Раджио с отвращением попятился к стене. Испуганный Оттокар, выставив иголки, сгорбился на краю стола. А Петер без устали молот языком.

— Разрешите представить вам Оттокара, маэстро. Еж обыкновенный, по-латыни *Erinaceus europaeus*. Среди всех его примечательных свойств нас интересует лишь одно. Кстати, маэстро, наряду с музыкой я занимаюсь и зоологией. В прошлом году защитил докторскую диссертацию. Прошу следить за Оттокаром!

Он вынул из кармана свисток и дунул в него.

Оттокар, следуя знакомому сигналу, зашевелил длинным носом с черной кнопкой на кончике и быстро, как на колесах, покатился к хозяину. Добежав, получил награду и не торопясь вернулся на край стола. Петер повторил опыт, не прерывая своих объяснений:

— Немудреная штука, если иметь подход. Непосвященных она пугает. С таким аттракционом в прежние времена я мог бы стать кудесником. Дело в том, что уши Оттокара чувствительны к ультразвуку. Мы его не слышим, а он улавливает. Ну-ка, малыш, давай! Получишь вкусный рогалик... Ультразвук воспринимают также дельфины, летучие мыши. И собаки. Таким, как у меня, свистком многие хозяева подзывают к себе служебных собак. Но,— он поднял голос,— ультразвуком можно и убивать.

Петер умолк и отодвинулся к зеркалу на стене. Раджио несколько секунд пристально смотрел на него, затем невозмутимо произнес:

— Интересная игра, dottore. Очень поучительная. А теперь убирайтесь вон!

— Это все, что вы хотели бы мне сказать?

— Пока все.

— Предположим, я исчезну. Чем это вам поможет? Или вы так свято полагаетесь на своего секретаря?

Раджио сделал шаг вперед. Расстояние между ними не превышало трех метров. Петер не отступал от

зеркала. Опершись обеими руками о стол, певец яростным шепотом бросал ему в лицо:

— Убирайтесь прочь, ничтожество! Со мной шутки плохи! Вы осмелились шутить над величайшим артистом!

Петер рассмеялся.

— Разве я вас оскорбил? Уж не собираетесь ли вы вызвать меня на дуэль? К сожалению, у меня нет такого оружия, как у вас, маэстро...

— Вон отсюда! — Раджио побагровел от гнева.

Петер продолжал дразнить его:

— Я уйду, но заберу с собой ежа. Даже его я не оставлю рядом с обыкновенным наемным убийцей!

— Берегитесь! Если бы я не...

— Неужто вы меня пожалели? Какое благородство!

Раджио тяжело дышал. Сдавленным голосом он прошипел:

— Безумец! У вас нет доказательств, вы не в состоянии мне повредить! Без улик нет уголовного дела!

— А если улики есть?

— Нет! И быть не может! — Раджио рассмеялся.— Вы, милейший, быть может, кое о чем догадываетесь, но с этим далеко не уедешь!

— Чего же вы ждете в таком случае?

— Ты сдохнешь, крысеныш!

— Ну, наконец-то!

— Сдохнешь, и не потому, что догадался, а потому, что осмелился нагло вести себя со мной!

— Прошу вас, маэстро, начинайте!

— *Perco impudente!*

Петер не спускал глаз с лица итальянца. Тот слегка наклонился вперед, шея его раздулась. Петер расслабил мышцы, взметнул в воздух руки. В ту

же минуту дверь с грохотом распахнулась, кто-то ударил Петера по ногам. Он упал. Зеркало на стене разлетелось вдребезги, осколки посыпались на лежащего на полу Петера. Слышался топот, громкие голоса...

Петер поднял голову в тот момент, когда на запястьях мертвенно бледного Раджио щелкнули наручники. Кто-то приподнял Петера. Потный, со спутанными волосами человек кричал ему в ухо:

— У тебя все в порядке?

— Что в порядке? — вяло переспросил Гонда.

— С тобой ничего не случилось? Завяжите певцу рот! Впрочем, оставьте, сейчас это уже лишнее.

Петер с трудом выпрямился и отряхнул костюм. Потом посмотрел на Раджио, на грудку осколков.

— Всю силу вложил, так старался! Совсем выдохся...

— Послушай, если б я тебя не свалил... Что за шуточки, черт побери!

— Теперь денек-другой он будет безвредным.

— Уведите его, сержант, — сказал Сакач. — Поставьте у двери троих. Шипош, отыщи секретаря! Я подойду попозже, а пока никаких сообщений в печать! Петер, что с тобой?

Петер прислонился к стене, слабо улыбнулся.

— Замедленная реакция. Выпьем где-нибудь по чашечке кофе? — Неожиданно он рассмеялся. — Хороший бы я был покойничек!

— Перестань паясничать! — рассердился Сакач, но не выдержал и улыбнулся. — Пошли... А, черт! Послушай, кто там чавкает?

Петер посмотрел на стол, где лежал портфель. Бока портфеля то раздувались, то опадали.

— Оттокар доедает остатки рогалика...

Шарика молча вязала. Петер стоял, прислонясь к зеленой кафельной печке. Каждые пять минут он

смотрел на часы. Наконец, когда прошло около часа, терпение у него лопнуло.

— Шари, сыграем гавот Баха? Если он и к тому времени не придет, я пойду ему навстречу.

— Может, ты сам мне расскажешь?

— Нет. Имре вел следствие. Это он обо всем догадался. Я только в конце помог ему. Садись за пианино...

Они играли коду, когда дверь открылась и в комнату быстрыми шагами вошел сияющий и разгоряченный Сакач.

— Радио все отрицает, словно ему за это платят. Кстати, ему уже вообще не платят. А секретарь раскололся и все выболтал. Завтра мы продолжим допрос, а сегодня я свободен.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила Шари.

— Сейчас? Нет. Зачем? Все уже позади.

Шари устроилась поудобнее в качалке.

— Теперь рассказывайте, я стораю от нетерпения. Пети ни за что не хотел говорить до вашего прихода.

Петер распахнул окно и тоже сел.

— Лучше, если ты расскажешь, Имре. А я буду подавать реплики. Сигарету?

— Поезда... — начал Сакач. — Знаете, составы формируют на сортировочной горке, откуда их отправляют. На горке стоят разные вагоны. Сортировщик скатывает их вниз, и вагоны, предназначенные для одного поезда, образуют состав. Расцеплять и составлять — в этом весь фокус! Конечно, помогла и случайность. Могло быть хуже. Но, с одной стороны, мне сопутствовала удача, с другой — у меня были превосходные помощники. Вы, Шари, ты, Пети и — Сакач улыбнулся — Оттокар. Да, не забыть бы давно усопших! Вашу прапрапрабабку, Шари, Агату Корнелиус. Помогли и другие: прежде всего Гере, мон-

тер из консерватории, библиотекарьша из газетного архива Национального музея, намеченная жертва — Хрдличка, боксер Буги и еще несколько человек. Ну, и, конечно, сам Раджио.

Итак, — он глубоко затянулся сигаретой — начнем по порядку. Очень удачно, Шари, что вы оказались такой страстной поклонницей Раджио. Вы, возможно, не помните, но, когда я пришел к вам в первый раз, вы бросили фразу, которая сдвинула во мне подсознательный логический ряд. Отвергнув мои смутные догадки, вы разбудили и отправили на горку железнодорожного стрелочника. Помните, вы с возмущением сказали: «С таким голосом убивать?!» Да, именно так все и происходило. Таким голосом он убивал. Среди несчастных случаев со смертельным исходом, которые меня насторожили, есть обстоятельство, на котором следует задержаться. Я имею в виду случай в Веймаре. Смерть Мануэлы. Почему одновременно с ней он не убил Картера? Объясняется все просто, и именно поэтому в Сегеде не было нужды завязывать ему рот. Убийство требовало от него такой концентрации энергии, что новую попытку он мог сделать лишь несколько дней спустя. Скорпион не жалит два раза подряд... Смертельные случаи в сходных обстоятельствах сами по себе подозрительны, но тут они, словно нитью, были связаны с постоянным присутствием на месте происшествия знаменитого тенора Раджио. В старом номере итальянской газеты, которую я откопал в архиве Национального музея, мне удалось найти любопытную заметку. Она-то и помогла мне понять причину вашей перепалки с Пети по поводу испорченного портрета бабушки Агаты Корнелиус. Петер сбил краску не свистком, а интенсивным пучком ультразвуковых волн. Этот пучок излучался из свистка, и именно он отслоил с полотна кусочек старой краски.

Так же как на картине в боковом алтаре собора св. Петра. В свое время этот случай настолько возмутил итальянского искусствоведа, что он разразился гневной статьей, обвиняя туристов во всех смертных грехах. А между тем таким туристом-вандалом был Раджио: в память о своем чудесном выздоровлении он ежегодно в день Бианки поднимается на хоры собора, чтобы взять верхнее фадиез. Он сам признавался в этом одному репортеру, когда еще не подозревал о том, что наделен столь опасным даром. Его горло способно издавать не только звуки, которые мы слышим, но и излучать ультразвуковые волны.

— Именно это я и хотел повторить в сегедском соборе,— вставил Петер.

— Ты пришел к этой мысли, потому что ты музыкант.

— Меня натолкнула на нее и игра с Оттокарром. Но я не был уверен. Только инстинктивно чувствовал что-то. А ты...

— В Сегеде я был уже совершенно уверен, но хотел увидеть собственными глазами, как он это делает. Очень хорошо, что ты туда приехал, я до сих пор еще не поблагодарил тебя... Одним словом, я проверил, можно ли и в самом деле убивать ультразвуком. Волновые колебания свыше шестнадцати килогерц способны воспринимать некоторые животные. Это, разумеется, всем известно, — добавил Сакач извиняющимся тоном, — я повторяю только для полноты картины. Итак, собаки, морские свинки, крысы, например, отлично слышат звуки в диапазоне тридцать восемь — сорок килогерц; кузнечики, сарапча — от восьми до сорока; летучая мышь, которая получает информацию по принципу радара,— на частотах от двадцати пяти до шестидесяти килогерц. По сравнению с обычными звуками, которые улавливает человеческое ухо, ультразвуковые волны позво-

ляют получать гораздо большую плотность потока энергии. Они легче передаются, фокусируются, преломляются. Их можно использовать для смешивания жидкостей, дробления металлов, получения эмульсий, суспензий. Ультразвуком можно очищать воздух от парящих в нем пылинок, дезинфицировать, истреблять бактерии, насекомых, грызунов; им лечат кожные язвы, ревматические, мышечные и суставные боли. Он способен разрушать полимеры. Ультразвук применяют дантисты, с его помощью делают операции мозга. И в заключение следует отметить еще один факт. Он заключается в том, что точно направленный ультразвуковой пучок определенной плотности и интенсивности способен поразить нервную систему человека и вызвать паралич — даже паралич сердца. В случае, о котором я говорю, ультразвуковым генератором является не что иное, как тренированное горло певца Раджио.

О том, как он это делает, скажу позднее. Когда я пришел к этому выводу, я понял, что должен отправиться на место преступления. Ближе всего была консерватория. Там я беседовал с одним общительным монтером, который был очевидцем несчастья с Картером и рассказал мне обо всем. По его словам, Раджио, когда пел, повернул голову в сторону. Тогда я не сообразил, в чем дело, догадка пришла лишь по дороге в Сегед. В поезде, слушая радио, я узнал о том, что любимое развлечение Раджио — бильярд. Тут мне вспомнилась такая мелочь: электромонтер во время работы ругал деревянную, «твердую, как мрамор» обшивку стен зала консерватории. Будучи знатоком бильярда, Раджио в консерватории убил не «прямым попаданием». Пучок смертоносных лучей отразился от деревянной обшивки и попал в цель. Выражаясь языком бильярдистов, Раджио «сыграл дуплетом». Почему он так сделал, я пока не знаю,

со временем это, очевидно, удастся выяснить. Вероятно, впереди сидел высокий человек, который засловял Картера, и Раджио не смог «прицелиться» прямо в жертву.

Вот так. В Сегеде мне нужно было собрать улики, а прежде всего охранять Хрдличку. О самом концерте пусть расскажет Пети.

Петер рассказал о том, что произошло на Соборной площади, и добавил:

— Помнишь, Шари, как на концерте в консерватории Раджио пустил петуха? У нас есть эта запись. В «Прощании Туридду». К тому же вся эта история с верхним фа-диез в день Бианки... Ты же знаешь, что звук фа-диез в скрипичном ключе записывается на пятой линейке. Когда певцы берут этот звук, они открывают рот не очень широко. Вполне возможно, что Раджио после специальных вокальных упражнений научился брать фа-диез, как верхнее «до». В этих случаях певцы обычно округляют рот, причем диаметр круга при подобной высоте звука не превышает тридцати миллиметров. Такой ультразвуковой пучок...

— Он сужал рот, — перебил Сакач. — Диаметр круга уменьшался с тридцати миллиметров до пяти. Примерно такого размера было пятнышко на портрете вашей прародительницы, Шари. Энергию мы соотносим с единицей пространства, и если диаметр уменьшается с тридцати до пяти, то есть в шесть раз, то и площадь уменьшается — шесть умножить на шесть — в тридцать шесть раз. Следовательно, энергия, попадающая на единицу площади, возрастает в тридцать шесть раз. Кто знает, быть может, в первый раз в соборе это произошло случайно, а возможно, маэстро тренировался, занимался «учебной стрельбой». Когда он, желая убить человека, еще больше сжимал рот, концентрируя пучок ультразву-

ковых волн, энергия, приходящаяся на единицу поверхности, многократно возрастала. Он словно дул в стеклянную трубку, стреляя из нее по своим жертвам острыми шипами. Ты сказал, Пети, что он брал «до»...

— Да. Конечно, можно взять «фа» или «ля», но при «до» рот больше всего округляется. Вспомните-ка его «адыо». Как он это делал, я не знаю. Такая способность к убийству, видимо, врожденная, — что-то вроде заячьей губы или волчьей пасти.

— Если это врожденная способность, — задумчиво произнесла Шари, — то почему она проявилась только сейчас, в последнее время?

— Ответ на это дает биография Раджио, — сказал Сакач. — Когда он был подростком, ему сделали операцию горла. Хирург по имени Дьяволо спас его от дифтерии. Случайно ли деформировал профессор его гортань или намеренно сделал из него чудовище, — возможно, и выяснится позднее. Но известно одно: Фабрицио Дьяволо был одним из основателей фашистской партии. Есть ли какая-то связь между ним и убийствами, которые совершал Раджио? Не исключено. В свое время на процессе военных преступников в Западной Германии всплыло имя Дьяволо. Возможно, какой-то пронырливый американский журналист ухватился за это имя, возможно, американская разведывательная служба вела по этому делу следствие. Факт остается фактом: им удалось захватить бумаги с записями Дьяволо, из которых они узнали об обстоятельствах операции. И сумели прибрать к рукам слабохарактерного певца. Запугивали ли они его или шантажировали, надеюсь, мы скоро узнаем.

Он замолчал.

— Настоящий роман ужасов, — немного погодя сказала Шари.

— Да, — ответил Сакач. — Отвратительная исто-

рия! Мне не удалось бы ее распутать без посторонней помощи. Особенно твоей, Пети, и вашей, Шари.

— Не забывай об Оттокаре,— сказал Петер и выманил зверька из-под качалки.

Оттокар остановился посреди комнаты, поднял мордочку и, помаргивая, уставился на хозяина. Тот рассмеялся, потом сделал серьезное лицо.

— Как по-твоему, Имре, Шари на это согласится?

— На что, собственно? — спросила Шари, косясь на мужа.

— Знаешь, следовало бы наградить Оттокара... До каких пор он будет жить старым холостяком?

— Послушай! — вскричала Шари.— Уж не хочешь ли ты...

— Вот именно,— заявил Петер не терпящим возражения тоном.— Завтра же утром пойду в зоомагазин и подыщу ему Манци. Подходящую по возрасту и соответствующую его вкусу.

Миклош Ронасеги

Четыре кружки пива

— Скажите, приятель, зачем вы пьете, если душа не принимает?

— Не приставайте ко мне с расспросами!

— Я и так вижу, не слепой: каждый раз перед тем, как выпить, вы морщитесь и замуриваете глаза, будто лекарство глотаете. Вот, шляпу опять нахлобучили, глаз не видать.

— Ах, вот вы о чем!..

— Скажите, зачем он вам, этот маскарад?

— Все равно вы мне не поверите.

— С чего вы взяли?

— Да потому, что никто до сих пор мне не верил.

— А ну, выкладывайте все как есть по порядку. Например, зачем вы закрываете глаза, когда пьете?

— Чтобы жена не увидела. Она терпеть не может, когда я по пивнушкам околачиваюсь.

— А где она, ваша жена?

— Дома, конечно.

— Тогда к чему эти страхи, что она увидит?

— Все может случиться.

— А может случиться, вы меня дурачите! Тогда вы просто-напросто...

— Я заранее предупреждал, что вы не поверите!

— А вы рассчитывали, что поверю? Человек потягивает себе пивко, говорит, что жена его дома, а сам прячет глаза под шляпу, чтобы жена не увидела! Она что у вас, ясновидящая?

— Куда ей! Обыкновенная домохозяйка, сидит дома и смотрит телевизор. Последнее время она от телевизора ни на шаг.

— А вы тут откалываете свои клоунские трюки!.. Фантастика в быту!

— Вот-вот, именно, что фантастика. Но жизнь, она иной раз такие коленца выкидывает, что никакому писателю не выдумать.

— Понятно, приятель.

— Какой смысл рассказывать, если никто не верит! Пиво свое я выпил... теперь можно и по домам...

— Э, погодите, приятель! Я угощаю, давайте выпьем еще по кружечке... Ну, так в чем там дело, расскажите мне свою историю.

Кружка первая

— Представьте себе, что еще несколько месяцев назад я считался человеком хорошо обеспеченным, про кого говорят: «У них денег куры не клюют». Не то, чтобы специальность у меня была редкая, но я работал в таком учреждении, где платят в несколько раз больше, чем в других. По профессии я фотограф и к тому же неплохой фотолаборант, так что можете себе представить, как меня ценили в Институте марсианских исследований. Как только от наших автоматов с Сатурна и Марса начали поступать капсулы с материалами исследований, обработку всех микрофильмов поручали мне. Нет такой рабочей операции, которую я не мог бы выполнить, и нет такого микрофильма, с которого мне не удалось бы отпечатать высококачественные снимки... Ну вот, к примеру, чтобы вам стало ясно: дайте мне малюсенький кадр, с полногтя на моем мизинце, и я вам отпечатаю отменный снимок такого размера, как потолок над

нами. А это не пустяк! Доводилось вам когда-нибудь слышать о сверхмелкозернистой пленке? Нет? Ну, не беда!.. Достаточно сказать, что на работе меня любили и ценили как специалиста, особенно последние годы, когда некоторые политиканы из зависти к нашим успехам принялись строить нам разные пакости. Там — вы понимаете, кого я имею в виду? — там старались любой ценой перехватить наши капсулы. Такая капсула по своим размерам не больше авторучки. Сделана она из сплавов со свинцовой защитой и снабжена наводящим устройством. Автомат катапультирует капсулу в магнитное поле, а дальше она направляется лазерным лучом. Конечно, и *оттуда* посылали лазерные лучи, чтобы отклонить наши капсулы, но не могли разгадать, на какой частоте мы работаем. Так что капсулы прибывали к нам по-прежнему, да только пленки в них часто оказывались засвеченными.

Скажу без преувеличения, денег я таскал домой полные карманы, мы уж и не знали, что с ними делать. Живем мы с женой вдвоем, детей у нас нет. А вы ведь знаете, как это бывает: без детей человек чувствует себя обделенным, даже если денег у него хоть лопатой гребь. Было время, когда мы с женой очень из-за этого расстраивались. Вот ведь курьез: запускать ракеты черт-те куда мы научились, а вылечить бесплодие до сих пор не умеем. Взять чужого ребенка на воспитание мы не решались, вот и говорю я жене: «Надо примириться, милая, против природы не попрешь». Поначалу все шло как надо, а потом постепенно разладились у нас отношения, размолвкам и ссорам не было конца... А в общем-то мы любим друг друга и не изменял я ей ни разу до тех пор, пока не приключилась вся эта история...

На чем это я остановился? Ах да, на завистливых политиканах. Никак им не удавалось ни перехватить,

ни отклонить наши капсулы. А их здорово припекло, потому как в ту пору мы начали строить гигантские солнечные печи на Марсе. До сих пор наши автоматы другого дела не знали, только вели топографическую съемку, фотографировали, брали пробы почвы и так далее. Теперь же инженеры на Земле завершили проект огромных солнечных печей. Чертежи мы фотографировали на микропленку и с помощью фотонных ракет засылали в программирующие узлы строительных автоматов. Что тут объяснять — работа сверхважная и сверхсекретная. Все фотографирование было поручено мне одному. Мельчайшую циферку, каждый тончайший штрих нужно было точно экспонировать, чтобы считывающие приборы, не дай бог, чего не перепутали. Кроме руководства Института только мне одному был известен код, раскрывающий последовательность технологических процессов. Дело в том, что из предосторожности каждый чертеж разрезали на узкие полоски и нумеровали их с помощью тайного кода. Можете себе представить, у нас были все основания опасаться промышленного шпионажа.

А в полночь, когда я до предела измочаленный притаскивался домой, нетрудно догадаться, что меня там ожидало. Слезы, упреки... Ни в кино, ни в театр не ходим, машина зря простаивает, раз мы все равно никуда не ездим. А может, я вовсе и не в институте пропадаю, а амурными делами занимаюсь. «Ну а эти кучи денег за сверхурочные, по-твоему, откуда берутся?» — спрашиваю. На это ей нечего было возразить. Не любовницы же мне приплачивают! Взгляните сами, разве я похож на такого?..

Не надоело вам слушать мою болтовню? А то вы скажите. Предлагаете еще по кружечке? Ну что ж, очень любезно с вашей стороны. Благодарю вас, хотя, признаться, я небольшой охотник до выпивки.

Так, разве что иной раз пропустишь кружку-другую за компанию...

Кружка вторая

— И что бы вы думали? В этой спешке-гонке я вдруг и сорвался. Нет, не в нервах дело, какое там: нервы у меня железные. Как-то раз утром просыпаюсь и ничего не вижу, перед глазами сплошная белая пелена. Моргаю, тру глаза — не помогает.

— Что ж теперь со мной будет? — спрашиваю жену и чувствую, как голос у меня сорвался.

Жена, бедняжка, перепугалась не на шутку и, конечно, давай меня костерить — теперь уж из самых лучших побуждений; такова, видно, женская натура: как повадится на человека кидаться, так и не может остановиться. «И охота, мол, было вкалывать с утра до ночи, да от лабораторного освещения кроме вреда ничего не жди, вот и достукался, теперь бы на себя полюбовался...» Слушал я слушал ее умные речи, да как заорал изо всей мочи, что с радостью бы полюбовался, если бы мог, и к черту всю ее ругань, надо звонить в больницу, заводить машину и — к врачу.

Так и сделали.

Жена отвезла меня в больницу при нашем Институте. А надо вам сказать, до этого случая я никогда не болел и больничных порядков не знаю; сижу себе в коридоре и жду, жена рядом сидит и плачет укордкой. Но скоро подходит к нам больничная сестра, берет меня под руку, ведет к профессору и дорогой ласково так успокаивает. Может, слышали, был у нас такой знаменитый нейрохирург и окулист... Не слышали? Ну, не важно.

— Ага, значит, вы и есть наш незаменимый ла-

борант? — пророкотал над моим ухом профессорский бас.

— Совершенно верно, господин профессор. Вот и сейчас беспокоюсь, как бы моя работа...

— Гм! Ваша работа — наша забота... — Профессор замолчал.

В кабинете стояла такая тишина, что в ушах у меня отдавалось биение собственного сердца. Господи, что ж за напасть на меня свалилась?!

Прежде всего профессор самым тщательным образом обследовал мои глаза, похмыкал, подумал, затем изрек:

— Самое обыкновенное воспаление радужной оболочки. При интенсивном лечении зрение может вернуться через две-три недели. Но в вашем случае эта болезнь осложнена побочными явлениями. Скажите, вы пьете?

— В меру, господин профессор.

— Ясно. Стало быть, как бездонная бочка. Страдаете головными болями?

— Нет.

— Считайте по три.

Я досчитал до какого-то числа, после чего он заставил меня вести обратный отсчет по четыре. Потом неожиданно велел называть любые числа наугад, как взбредет на ум. Я долго перечислял, и только когда кончил, спохватился, что я, как старательный ученик, отбарабанил весь цифровой код на тот день.

С перепугу я понес какую-то околесицу, но тут сестра остановила меня, хватит, мол, господин профессор вышел, а мне велено перейти в другой кабинет, сделать энцефалограмму...

— Не исключено, что зрение вам удастся спасти только с помощью операции на черепе.

Молочно-белая пелена перед глазами к тому времени сменилась непроглядной темнотой. Я брел по

коридору, точно лунатик, все голоса и звуки доносились до меня откуда-то издалека. Должно быть, в таком мире живут слепые.

Ах да, уважаемый, что же это мы с вами не пьем, совсем заговорились, а кружки простаивают. Теплое пиво и в рот не возьмешь. Ну, будем здоровы!

Я замечаю, вы из тех людей, у кого слезы выступают, едва заходит речь о глазных болезнях. Вот и со мной поначалу тоже так было, а потом привык. В больнице — там с нашим братом не церемонятся: сейчас тебе веко вывернут, кисточкой смажут и уколы разные делают... А то еще и чистят, будто перед ними не глаз, а луковица какая, вот ей-богу!

Но уж если черепушку пополам распиливают, это, скажу я вам, еще похуже будет.

Пролежал я так в крошечной тьме несколько суток. Но однажды подходит к моей койке сестричка, гладит меня по щеке. Я, понятное дело, воспрянул духом и тоже протянул руку, чтобы потрепать ее по щечке, да что возьмешь с незрячего: промахнулся со слепу и угодил рукой не в щечку, а пониже.

— Не такой уж вы и больной, оказывается! — заметила сестра.

— Простите великодушно! — смущенно кашлянул я.

И тут вдруг она наклоняется и чмок меня в небритую щеку.

— Извинения излишни: вам все дозволено, — промурлыкала сестричка.

Гром и молния! Тут меня в жар бросило, вот, думаю, сейчас в момент прозрею. Чудо, какая удача! Ведь сестричка-то оказалась не из робких!

На такие слова требуется достойный ответ. Но до дела у нас не дошло. Сестра ловко увернулась, а меня в тот же миг сграбастали другие руки, уложили на каталку и прямиком в операционную.

Кружка третья

— Еще по одной предлагаете? Премного благодарен! Порядочного человека сразу видно! Так вот, дружище... вы позволите так называть вас? Зато расскажу вам, как прошла операция, понимаю, что вам не терпится узнать. И чего только со мной не делали: и пилили, и долбили, и электричеством сверлили! Да-да, я все чувствовал, ведь меня не усыпляли. А-а, пустяки, какая там боль! Мозг — он сам по себе никогда не болит, дурак он, что ли, болеть! Он регистрирует разные боли-хвори человеческого организма, и хватит с него.

Вот после операции меня, конечно, усыпили. Проспал я, наверное, несколько суток кряду. А когда проснулся, открыл глаза и вижу: справа от меня сидит моя больничная сестра, из себя заглядение, прямо куколка, а по другую сторону несет дежурство моя верная супруга в белоснежном халате.

— Ура, вижу! — закричал я и обнял жену. После чего поворачиваюсь и заключаю в объятия куколку — в конце концов на радостях чего не сделаешь. Видеть-то я видел, да только одним глазом. Другой застлала беспросветная тьма.

— Не беспокойтесь, со временем зрение восстановится полностью, — утешил меня профессор; собственно говоря, его я тоже сейчас видел впервые. Низенький такой, лысый и очки у него на носу настороженно поблескивали. — Только не закрывайте ничем и не завязывайте незрячий глаз; напротив, старайтесь им смотреть так же, как здоровым.

— А как быть с работой?

— Работа в лаборатории вам не повредит, а скорее даже наоборот пойдет на пользу, — ухмыльнулся профессор.

Затем он направился к выходу и знаком поманил

за собой сестру. Смущенно и не без угрызений совести я покосился на жену.

— Вот ведь как все обернулось... — сбивчиво запричитала она, а потом вынула из сумки какую-то коробочку. — Смотри, что я тебе купила. Знаю, что ты давно на них заглядываешься.

Она показала мне элегантные наручные часы и сама защелкнула мне на запястье браслет. Это были дорогие кварцевые часы, с постоянным заводом и крупным рубиново-красным циферблатом. Мне случилось видеть такие только на фотографиях в иностранных журналах.

— Выставочный образец, — пояснила жена, — но мне продали. Фирма гарантирует точность хода, часы водонепроницаемые и с противоударным устройством. И очень красивые, не правда ли?

Часы действительно были красивые и дорогие, только жаль, что говорить не умели, а иначе они, наверное, подсказали бы мне, что они-то меня и погубят.

Да что мы попусту вертим в руках свои кружки, пора допить, пока пиво не согрелось! А теплое пиво — его хоть выливай...

Ваше здоровье! Что может быть лучше кружечки холодного пива? Разве что две кружки! Ха-ха-ха!..

Вот я веселюсь, а самое интересное еще не досказал... Значит, ослеп я на один глаз, и на голове у меня остался четырехугольный шрам — в точности как на арбузе бывает, когда его взрежут, попробуют, а потом вырезанный кусочек опять на место пришлепнут. Швы на голове срослись, но волосы в месте трепанации выпали, может быть, потому, что профессор платиновой проволочкой скрепил края кости: как он объяснил, для того чтобы мне не пришлось валяться в больнице до полного заживления. А я, как только меня выписали, сразу же помчался в лабораторию.

Там меня встретили с распростертыми объятиями. Каждый порывил пожать мне руку, всем хотелось полюбоваться моими новыми часами и поглядеть на забинтованную голову.

Впрочем, часы оказались очень практичными. При красном освещении фотолаборатории рубиновый циферблат становился почти белым, и на нем особенно отчетливо выделялись черные стрелки.

В институте мне все уши прожужжали, как меня им не хватало. Тот парень, что меня замещал, как специалист оказался ни к черту не годным: до того запутал все дело, что на Марсе пришлось застопорить строительные автоматы.

Не скрою, похвалы льстили моему самолюбию. Согласитесь сами, дружище, что еще человеку надо? Главное, чтобы его ценили! Невелика радость, если тебя осыпают деньгами и при этом ни во что не ставят! По мне, так пусть уж денег будет меньше, а добрых слов больше. Ваше здоровье! Я сразу же взялся за работу, у меня все шло без сучка, без задоринки. Я и с одним глазом делал такие же качественные фотокопии чертежей, как и прежде. Работа меня ничуть не утомляла, но зато, признаюсь, ужасно одолевало любопытство, когда же наконец спадет эта отвратительная черная пелена и с другого глаза. Каждый раз, стоило мне только включить лампы на копировальном столе, я на секунду замирал, уставившись незрячим глазом в чертежи, и все надеялся, вдруг да в один прекрасный день стану им видеть.

А пока суд да дело знай себе работаю дальше.

Дома, конечно, мне приходилось несладко. Жена моя, видно, размечталась, что я выйду на пенсию и мы заживем без забот, без печалей и душа в душу, воркуя как голубки. Да только сказать по правде, дружище, я своей жизни не мыслю без работы... К тому же и ворковать в четырех стенах рано или

поздно наскучит, особенно если какая другая голубка поманит.

Ах, лучше и не вспоминать! Первые недели я работал как заведенный, да и сестричка целыми сутками была занята на дежурстве. От силы раза два перекинулись словом по телефону. Правда, полунамеками условились, что как только улучим свободных полчаса, то зря терять время не станем.

Сейчас расскажу, что было дальше, наберитесь терпения, не перебивайте!

А дальше события пошли совсем удивительные. Прихожу это я на перевязку, а там — ни красотки моей, ни профессора. Докторишка молоденький такой только плечами пожал, увидя заплату на моем черепе, а сестра — старая гримза — наложила свежую повязку.

— Что господин профессор в отпуске? — спрашиваю, хотя интересуется меня вовсе не он.

— Можно и так назвать, что в отпуске! — это доктор мне.

— Неужели болен?

— Хуже, приятель. Арестовали его вместе с ассистентом и еще четверых врачами. Вы были его последним пациентом. Считайте, что вам повезло, потому что в своем деле старик, конечно, был дока. Хирург он первоклассный.

— Хотела бы я только знать, чего ради такие, как он, берутся шпионить? Денег он, что ли, мало зарабатывал? — вмешалась пожилая сестра.

Новость эта поразила меня в самое сердце. Шпион, только этого не хватало!..

Тут я вспомнил, как при первом обследовании выболтал кодовые цифры. Мать честная, выходит, это я виноват, а на моего преемника всех собак вешали за нечеткую работу автоматов!

Но я промолчал; трусливое существо — человек,

уж поверьте мне. Никому я про тот случай не обмолвился, вкалывал пуще прежнего, а сестре даже звонить перестал. Так, на всякий случай, а то кто его знает, как дело повернется, верно? К тому же и любви между нами никакой не было... вот жена моя — другое дело, за нее я готов в огонь и в воду, а чтобы рискнуть собой за какой-то там поцелуй в щечку да тысячу пустых обещаний — нет, на это я не согласен.

И не говорите, женщинам никогда не понять, на какую верность способны мы, мужчины!

Так на чем, бишь, я остановился? Да, значит, профессора моего поймали с поличным. Вскоре раскрыли целый заговор. Наши иностранные конкуренты хотели подкупить руководителей института, чтобы те продали им чертежи космических солнечных печей. Конечно, если бы им удалось построить такие же печи, то в четыре раза понизилась бы цена титаноалюминия, выплаваемого нашими печами на Марсе.

Только ничего из этих коварных планов не вышло. Ну и слава богу, думаю я и тружусь дальше на совесть. Работы все прибывало, не раз приходилось засиживаться допоздна: из предосторожности чертежи стали кромсать еще мельче и каждый день меняли порядок передачи информации.

И все же пришла беда! В районе экватора на Марсе наши соперники тоже начали строить солнечную печь.

Руководители института и ученые собрались на совет. Решено было ускорить строительство. Как одержимые, днем и ночью работали инженеры и чертежники, и капсулы с информацией летели на Марс одна за другой. Только вот что странно: теперь наши конкуренты пропускали их беспрепятственно.

Зато одновременно со второй нашей печью они тоже построили у себя печь. Более того, они ничего

не скрывали. Фотографии печи были опубликованы в газетах. Печь была точнейшей копией нашей конструкции, секреты которой мы так тщательно охраняли.

Теперь мы хоть как гони производство, выгоды нам от этого не выходило никакой. И все же мы еще пытались напрячь все силы. Запустили целую серию новых автоматов, оно и понятно: чем больше механизмов, тем быстрее пойдет строительство. В глубокой тайне принципиально изменили конструкцию. Изменения вносил главный инженер, а рядом с ним находились директор и два сотрудника, ведающие охраной промышленных тайн. Вчетвером они корпели над этим, собственноручно принесли мне в лабораторию настриженные лапшой проекты, стояли у меня за спиной, пока я работал, а потом сами заложили микрофильмы в капсулы и самолично отвезли все это на ракетную базу.

И что бы вы думали? Одновременно с нашей третьей печью была построена и их третья печь — с учетом всех произведенных нами изменений!

Уф, стоишь только мне об этом вспомнить, как сразу пересыхает во рту!

Кружка четвертая

— Это вы напрасно, дружище, я ведь без намека сказал!.. Тысяча благодарностей, верно подмечено, нелепо сидеть, когда кружки пустые. Зато в следующий раз я плачу за двоих...

Ну что ж, давайте выпьем, пока пиво холодное...

Так вот, поднялся у нас в институте невиданный переполох! Начальство засуетилось, к подъезду каждый час подкатывали машины с сиреной. Меня тоже вызывали в главное управление, расспросили до-

сконально о моей работе и даже врача пригласили, чтобы сменил мне повязку на голове: вдруг да обнаружится, что меня никто не оперировал, а под бинтами я выношу из лаборатории микрофильмы. Конечно, меня сразу же и отпустили подобру-поздорову, но только лучше бы совсем не выпускали: дома жена запилила, хоть вешайся! Короче говоря, на следующий день я заявился в институт сам не свой; смотрю — и другим не лучше, настроение у всех похоронное: все друг на дружку косятся с подозрением и каждый считает себя оскорбленным в лучших чувствах.

Только я собрался работать, как нагрянуло высокое начальство из управления и следователь из полиции. Вручают мне новые чертежи, конечно настриженные полосками и перетасованные: давай, мол, копируй у нас на глазах. Смотрите, думаю, сколько угодно, мне это все до лампочки; когда я работаю, то ничего не вижу и не слышу, хоть все гори кругом. Изготовил я микрофильмы, тщательно и в срок — все честь по чести, материалы у меня забрали и распрощались, но при этом все процессы снимались на контрольную ленту: пустой сушильный шкаф, чистые столы и так далее, вплоть до того момента, когда я вручаю шефу готовую кассету.

Проводится контрольный опыт, сказали мне, и при этом упомянули о строительстве какой-то башни. И полетели наши фотонные ракеты, понесли капсулы с микрофильмами стройавтоматам.

Нам оставалось только ждать. Сидим, молчим как в рот воды набрали и ждем. И, знаете, как иной раз бывает, когда на земле неприятности, то и на небе собираются тучи: природа отставать не желает. Надвигалась гроза.

После обеда приехал директор института. Багровый от возмущения, пронесся он по коридорам.

— Все кончено! — кричит. — Расходитесь по домам! А мне лучше бы провалиться в тартарары!

Оказалось, что наши автоматы на Марсе начали строить ту загадочную башню. Вроде бы так оно и должно быть, но скоро выяснилось, что конкуренты делают то же самое. Чудеса да и только! Мы все обмерли, близкие к шоку. Дело в том, что башня эта не требовалась по проекту, ее и строить начали просто проверки ради. Но там, как видно, решили, что если уж им удалось скопировать целый плавильный комбинат, то почему бы не прихватить заодно и проект этой самой башни?

Как они ухитрились это сделать? Над этой загадкой мы бились до конца дня, а между тем погода хмурилась не на шутку. Гроза нависла над городом. Все сотрудники заспешили по домам, институт опустел. Я тоже собрался уходить, как вдруг зазвонил телефон. И, как вы думаете, кто звонил? Угадали! Та самая красотка, больничная сестра!

— Послушному больному все дозволено, — пропела она вместо приветствия.

— Бегу! Лечу на крыльях! — радостно закричал я.

— Но вы еще не знаете, куда лететь, — прошептала она.

— Говорите скорее свой адрес! На сегодняшний вечер я — вольная птица.

Сестричка назвала адрес — по счастью, жила она недалеко от института, — и я помчался. Едва успел освоиться в уютном гнездышке, как за окном разразилась гроза.

Что вы сказали? Нельзя ли конкретнее? Можно, конечно, хотя ничего принципиально нового вы не услышите. Да, красотка была дивная и сложена, как богиня... Нет, извините, конкретнее не могу, по-моему, все это сугубо личное. Упомяну только, что оба

ми были так увлечены друг другом, что забыли обо всем на свете и даже свет не выключили... Как она была одета? А вы шутник! Помню точно: шубы на ней не было и сапог тоже, ха-ха-ха!..

Минуту терпения, давно пора допить пиво, не то мы за разговором забыли о деле. А потом я расскажу вам, чем все кончилось. Можно и в двух словах, но дальше пойдет уже фантастика чистой воды! А-а, при чем здесь любовь! Если желаете знать, мы и двух слов не успели сказать, как за дверью раздался звонок. Звонили настойчиво, громко, как могут звонить только официальные лица. У меня и в другом глазу потемнело. А крошка моя накинула халатик и порхнула к двери. И знаете, кого мы увидели на пороге?

— Откуда мне знать? Выкладывайте побыстрее!

— Попробуйте угадать!

— Хватит с меня загадок. После четырех кружек пропадает охота решать головоломки... Предположим, ревнивый муж.

— Моя жена там стояла! А с нею целый взвод полицейских.

— Черт побери, вот это удар!

— Да, положение — хуже некуда. Я окаменел, стою перед полицейскими, как Адам перед богом! Ну, ладно, не стану вас дольше томить; короче говоря, во всем был виноват проклятуший профессор, который раздолбил мне черепушку, хотя никакой нужды в этом не было. Этот тип ухитрился вмонтировать мне в башку крошечный телепередатчик — в том самом месте, где импульс глазного нерва преобразуется нашим мозгом в зрительный образ. Глаз мой превратился в телекамеру, а платиновая проволока, скрепляющая шов, служила антенной. Ну, как хитрец!

— Действительно фантастика!

— Я лично ничего этим глазом не видел, но сам по себе глаз видел все: какие чертежи ни попадут в поле его зрения, он по телепередатчику отсылает информацию на приемное устройство. А в соседнем доме установили специальный телеэкран и хитроумную фотоаппаратуру, которая переснимала все наши материалы. Конечно, никто об этом ни сном, ни духом не ведал. Не вздумай я в тот вечер приголубить сестричку, возможно, мой глаз и по сей день транслировал бы передачи. Но тут сама судьба вмешалась! Когда началась гроза, жена моя сидела дома перед цветным телевизором. Она собралась было выключить телевизор, как вдруг на экране замелькали кадры совершенно другой программы — во время грозы случаются такие помехи. Телекамера бесцеремонно демонстрировала крупным планом: какую-то обнаженную красотку обнимала за плечи мужская рука, а на той руке красовались часы с рубиновым циферблатом!

Часы меня и погубили! О, вы не знаете мою жену! Она вмиг развила бешеную деятельность — точь-в-точь полководец перед сражением! Обзвонила моих приятелей, сообщила в полицию. В стране имеются одни-единственные такие часы, твердила она, да и те — у моего мужа. Полиции большего и не требовалось, там мигом смекнули, что к чему. Очередной звонок — в институт. Конечно, меня в лаборатории не оказалось. Тогда где же искать? Вызвали технарей с частотными искателями и со всей прочей аппаратурой... И вышли на мою сестричку. Как выяснилось, она тоже входила в шпионскую группу и в тот вечер должна была завербовать меня.

— И что дальше?

— Дальше? Ясное дело, с тех пор я зажимаю глаза перед тем, как выпить. Чтобы жена не увидела.

— Да, вот это история...

— Вижу, вы мне не верите. Благодарю за пиво.

— Полно, старипа, не обижайтесь! Не настолько я пьян, чтобы спорить! Верю всему... даже тому, чего не было...

— Спасибо.

— Верю, что существуют и этот ваш институт исследования Марса, и солнечные печи. И эти, как их там... фотонные капсулы. Отчего не поверить хорошему человеку! Хотя не так уж легко меня провести...

— Благодарю вас.

— Не за что меня благодарить! После четырех кружек пива становишься легковерным. Признаться, только одного я не понимаю!

— Только одного? Вы редкий человек!

— Так вот, если все в вашей истории истинная правда, тогда я не понимаю, где же фантастика?

— Тонко подмечено! Снимаю шляпу перед вашей мудростью... Эй, чего это вы побледили? Вам плохо?

— Нет, ничего... Только эта проволочка торчит, как антенна... Вы бы ее хоть волосами прикрывали, чтобы людей не пугать!

Дюла Хернади
Парадокс

Темноту непроглядной ночи разрывал яркий свет. Они стояли на площадке, поросшей травой; красивая девушка молча, напряженно смотрела на мужчину.

В глазах у Ф. застыли слезы.

— Будь ты ко мне повнимательнее, ты поняла бы... — вдруг заговорил он.

— Я понимаю только одно: ты для меня слишком стар, — парировала девушка.

— Я сделаю все...

— Не надо. Пойми, ты мне не пужен!

— Пятьдесят лет... Неужели это так уж много?

— Через двадцать лет тебе будет семьдесят, а мне — тридцать восемь. Лучше нам расстаться.

— Мария, не уходи!

— Пусты меня!

— Не уходи! Прошу тебя, не уходи!

Ф. не в силах был побороть свою несчастную любовь.

13 января 1998 года он посетил профессора Т., который подбирал экипаж для первого в мире суперфотонного космического корабля.

Космический корабль был построен из необычного, доселе неведомого материала, для него изобрели необычное, доселе неведомое топливо, его возможная

скорость неизмеримо превосходила скорость света: профессор Т. вместо континуума пространство-время применил фрустративный туннель, и вопрос о скоростном барьере перестал существовать.

Ф. сообщили, что он стар и не выдержит нарастающего ускорения. Но он умолял и упрасивал до тех пор, пока его наконец не зачислили в подготовительную группу.

На тренировках он был старателен и успешно перенес даже физиологические испытания.

10 июля 1998 года корабль стартовал.

Ф. не ощутил особых переживаний, его занимала лишь одна мысль: три часа они будут летать среди галактик, а потом вернуться на Землю; ему по-прежнему будет пятьдесят, а Марии — уже шестьдесят четыре. Он разыщет ее, посмеется над ней, потом простит, они поженятся и будут счастливы.

Он вытянулся в удобном кресле и погрузился в мечты.

Когда корабль приземлился, Ф. не стал дожидаться контрольной медицинской проверки в ракетном порту — он ринулся в город.

Была ночь, необычный свет оварял подрагивающий, бледноватый небосвод, над гладко отполированными белыми дисками парили люди.

Он не пытался найти дом Марии, а направился прямо к возвышающейся в центре города шестисотэтажной башне. Долго бродил по блестящим, сверкающим комнатам, советовался с компьютерами, затем вышел в коридор, попал в тянущееся вдоль стены плотное электромагнитное поле, извлек из кармана опалового цвета ленту, полученную от компьютера, и принялся читать сухой текст:

«В ответ на Ваш запрос сообщаю следующее: Мария Т. умерла в 2069 году, в возрасте 89 лет, в Бек...е; она покончила с собой. До 2170 года она покоилась в мемориальном парке в Бек...е, когда же мемориальный парк освобождали для космоурбанистических целей, обнаруженный там прах подвергся переработке. Детей у нее не было. На сегодня, 3 декабря 2220 года, средняя продолжительность жизни — 320 лет. Что касается Вас, то возвращайтесь обратно в порт, Вас разыскивают врачи. Ваш космический корабль опоздал на четыре секунды из-за метеоритного дождя и потому вернулся на Землю в 2220 году вместо 2044.

С уважением.

00101001110111

(Ведущий Компьютер)»

Ф. сидел молча, опустив руки. Вокруг него плясали, переливаясь и причудливо журча, разноцветные огни. Он знал, что контрольная медицинская проверка начинается с катетеризации сердца.

Дюла Хернади
Homo protesiensis

К. задумчиво брел по мостовой; ему надоело жить.

Он не знал в точности, сколько ему лет, а зайти в Центр ленился; единственное, что осталось в памяти, это что со времени последнего капитального ремонта прошло полторы тысячи лет.

Дважды он пытался покончить с собой.

Первый раз подорвал себя динамитом, но уже через полчаса он опять новехонький, как с иголки, пришел в себя на месте взрыва.

В Центральном архиве, в разделе белков, хранились все исходные данные на каждого человека, на складах можно было найти протезы любой части тела, а стоило только выйти из строя тому или иному органу, как в течение четверти часа на месте происшествия оказывалась Ремонтная бригада.

Если кто-то подвергался уничтожению, взрывался или распылался, радарные установки тотчас же информировали Центр о самоубийстве или несчастном случае, и тогда Центр запрашивал из отдела Памяти точный генетический код погибшего индивида, объем его мозга, молекулярное строение органов и без промедления подбирал соответствующий комплект запасных частей, соединял их воедино, снабжал организм необходимым запасом энергии и знаний и доставлял новое существо на место.

Однажды в порыве отчаяния К. пробрался в кодовый зал, исправил в своем двоичном генетическом коде два нуля на единицы и после этого взорвал себя.

Через пять минут его снова вернули к жизни; беспрерывный, дублированный контроль приборов обнаружил подделку, и К., водворенный на прежнее место, продолжал тоскливо загорать у плавательного бассейна.

Невеста бросила его, и он чувствовал себя несчастным, хотя и знал, что где-то в бескрайнем будущем девушка обязательно вернется к нему, нужно только подождать. Он ждал и томился от скуки.

К. достал древние книги и погрузился в чтение. Ему попались стихи, написанные еще в давние, доисторические времена.

Он рассеянно перелистывал страницы, пока не наткнулся на строчку, которая неожиданно ему понравилась:

И сегодня живу я в завтрашнем дне вчерашнего.

Еще в древности, в ту формацию, которую называли «двадцатым веком», какой-то безумец сочинил эти строки.

К. понравился запутанный текст.

После обеда он, прогуливаясь, направился в центр столицы и всё твердил про себя запомнившуюся фразу.

В конце какого-то переулочка он остановился перед громоздким сооружением, напоминающим гигантских размеров микрофон, и, улыбаясь, повторил в диктофон непонятную фразу:

И сегодня живу я в завтрашнем дне вчерашнего.

Громадный темпоральный компьютер, казалось, с давних времен ждал именно такой композиции символов. Противоположные временные протяженнос-

ти — прошлое и будущее — К. одной фразой направил навстречу друг другу и, столкнув два энергопотока, вызвал цепную реакцию. В результате все кванты будущего и прошлого Земли, соединившись при взрыве, превратились в своеобразный темпоральный конгломерат фотонных впадин антиреальности.

В ничтожно малую долю секунды возник непроницаемый пласт, и на К. рухнуло плотное, шероховатое вещество.

Третья попытка оказалась удачной.

Йозеф Черна
Пересадка мозга

Хотя я начинаю свой дневник в связи с чрезвычайными обстоятельствами в первый день нового 101 года по нынешнему летоисчислению (по-старому 17 ноября 2018 года), необходимо вернуться к событиям, которые произошли значительно раньше. Мне трудно объяснить, почему я раньше отрицательно относился к дневникам — вероятно, меня отпугивало позерство, которое, как мне казалось, за этим таится. Однако нынешняя ситуация объяснить будущему читателю, если таковой найдется, что ведение этого дневника по праву можно считать делом первостепенной важности, а не рисовкой.

Если я напишу, что мое имя известно всему миру, это не будет дешевым хвастовством, тем более что именно из-за своей популярности я попал в положение, которого не знало человечество за всю свою историю.

Одну из важнейших проблем науки составляет регенерационная способность нервных клеток, вернее — отсутствие этой способности. Как известно, при повреждениях не все составные части человеческого организма способны к возрождению. Большинство клеток в течение определенного времени обновляется — в одних органах медленнее, в других быстрее, за исключением нервных клеток, которые, не изменяясь, служат человеку до самой своей гибели.

Именно мое — далеко не первое — открытие в этой области получило мировую известность. Оно заключалось в том, что в результате многократных опытов с ферментами эмбриона, развивающегося из яйцеклетки, я наконец обнаружил агента роста нервных клеток. Дальнейшие опыты привели к открытию антител, образующихся в период развития нервной клетки, заключающих ее эволюцию и тем самым обеспечивающих консервацию. Все это позволило ученым заняться грануляцией нервной клетки и фиксированием данного явления. Благодаря этому открытию мое имя записано на скрижалях науки в одном ряду с именами Пастера и Павлова.

Все сказанное объясняет то особое положение, которое я занимаю в общественной жизни страны. Всем известны мои левые убеждения и политическая роль, которую я играл до того, как власть захватили представители нынешнего государственного строя. И все же главари нового режима, полностью противоречащего моим взглядам, не только оставили меня на должности руководителя Института регенерации нервов, уже тогда пользовавшегося всемирной известностью, но и дали возможность мне и моим сотрудникам усовершенствовать институт и сделать его самым авторитетным в мире учреждением подобного рода.

И вот вчера в четверть четвертого дня к нам привезли президента страны, диктатора, у которого во время автомобильной катастрофы был серьезно поврежден головной мозг. Президента доставила свита взволнованных адъютантов и генералов, глядевших подозрительно и враждебно.

Я был дома, когда меня срочно вызвали в институт. Там я застал вице-президента, министра обороны по прозвищу Дикий Кабан. Он заявил, что весь персонал института головой отвечает за президента,

а на меня возложил особую ответственность. Я только рукой махнул и поспешил к больному. Дежурные сотрудники доложили, что повреждение тяжелое, потерпевший без сознания, однако непосредственной угрозы жизни нет, а первая помощь больному уже оказана. Осмотрев президента, я вернулся к нетерпеливо ожидавшему меня генералу. Не стану подробно описывать, что я ему сказал, но смысл сводился примерно к следующему: между человеческим организмом, в особенности его нервной системой, и армией огромная разница. В армии стоит только провучать словам команды, как солдат бросается ее выполнять, хотя отступления от правил случаются и на военной службе... Тут вице-президент метнул на меня злобный взгляд, но я на него не отреагировал. Медицина не всесильна, продолжал я, он и сам прекрасно знает, что от смерти лекарств нет. Я врач и обязан поступать в соответствии с клятвой! делать ради спасения жизни и здоровья больного все, что возможно, невзирая на то, нищий он или император... Но, когда силы природы оказываются сильнее, приходится сдаваться. Если мне не доверяют, в столице есть другой — и не один! — клинический институт, можно отвезти президента туда, хотя, впрочем, в данный момент его жизни не грозит непосредственная опасность.

Обвещанный орденами вице-президент гневно завращал глазами и удалился, заявив, что мы еще с ним встретимся! Один офицер из свиты остался у постели больного, несмотря на наши протесты. Я решил не обращать на него внимания. Уходя из института, я видел, как личная охрана диктатора заняла входы и выходы, а тем, кто пытался войти, предлагали удалиться. Вокруг стояли вооруженные часовые, в один из павильонов вселился целый отряд солдат.

Несколько часов спустя меня пригласили на чрезвычайное заседание государственного совета. По дороге я обратил внимание на необычное скопление полицейских на улицах, тут и там встречались группы слоняющихся без дела людей. Когда я, сопровождаемый присоединившимися ко мне в воротах охранниками, вошел в зал, шум голосов смолк. Члены совета уставились на меня, не скрывая неприязни. После нескольких мгновений тишины вице-президент предложил мне сесть рядом с ним, после чего, поднявшись, изложил точку зрения правительства. Он не скрыл, что я известен им как явный враг режима и, разумеется, самого президента, и они предполагают, что, если бы представилась возможность, я не только утопил бы президента в ложке воды, но и с радостью приветствовал бы падение режима. А потому они будут следить за мной с особой бдительностью и для контроля за лечением президента назначат одного из выдающихся профессор-хирургов, не придерживающихся столь левых взглядов. В продолжение его речи я согласно, даже одобрительно, кивал головой, а потом попросил, чтобы профессора срочно вызвали во дворец, так как состояние больного требует немедленного созыва консилиума.

Затем я обратился к присутствующему на совете министру пропаганды, которого знал по портретам. Этот суший дьявол, «серый кардинал» диктатора, несмотря на всю гнусность своей натуры, обладал весьма привлекательной внешностью и приятными манерами и, видимо, пользовался большим авторитетом среди своих единомышленников. Ходили слухи, будто разумная сдержанность, проявляемая в последнее время и позволившая предотвратить, по крайней мере временно, взрыв народного гнева — результат его влияния. Поэтому я обратился прежде всего к нему.

— Полагаю, мои слова о врачебной этике для вас

мало значат,— сказал я. — Но хочу обратить ваше внимание на следующее. Да, я считаю ваш режим в основе своей крайне отрицательным явлением, в борьбе с которым кровно заинтересован весь народ. Однако в истории бывают моменты, когда попытка свержения существующего строя может принести больше вреда, чем пользы. В частности, сейчас переворот имел бы губительные последствия для внешней политики страны и нанес бы только ущерб движению, посягнувшему на режим. Я не фанатик, который настолько глух и слеп ко всему, что ради немедленного проведения в жизнь собственной идеи способен рискнуть на разгром движения. Дело, которому мы служим, лишь пострадает от провала внешней политики президента.

Очкастый идеолог слушал меня внимательно, а когда я кончил, заявил, что лично он мне доверяет, и предложил остальным последовать его примеру. Дикый Кабан ерзал и крутился, но возразить не посмел, остальные тоже промолчали. Между тем прибыл профессор Корнелиус. Ему сообщили, чего от него хотят. Он возмущенно запротестовал, сказав, что считает подобное требование не только недостойным наскоком на медицину, но и недопустимой несправедливостью по отношению к авторитету профессора Клебера и репутации возглавляемого им института, а посему он отказывается принимать участие в этом фарсе. Профессор выразил свое сожаление по поводу инцидента и заверил меня в своем глубоком уважении. Мы пожали друг другу руки под смущенное покашливание присутствующих. Я потребовал у членов совета для нормальной работы института оставить охрану только в том здании, где находилась палата президента, и удалился, разумеется, в сопровождении почетного эскорта.

Однако всего рассказанного было бы мало, чтобы

заставить меня писать дневник. Прошлую ночь я почти не спал, но не потому, что волновался за судьбу диктатора — он был в надежных руках моих сотрудников. Больше всего надежд я возлагал на своего заместителя — доктора Маттиаса Фельсена, с которым работал долгие годы и которого считал не менее опытным, чем самого себя. Спать я не мог по другой причине: голова раскалывалась от одной мысли, которая не давала мне покоя. Чтобы понять ее, надо вспомнить о некоторых физиологических проблемах, вызвавших ранее большой шум, и о связанном с ними открытии.

Мы знаем, каким неопределимым фактором в практике переливания крови было определение ее группы и какую огромную, неодолимую трудность в области пересадки и замены органов представляла специфика белка: она не допускала присутствия в организме чужеродного белка. Не стану ссылаться на те, кстати ныне уже известные, эксперименты — большая часть их проходила при моем непосредственном участии, — которые в конце концов разрешили проблему, привели к успеху и внедрению ранее невыполнимых методов.

Однако есть в этой области нечто, еще неизвестное миру, о чем знаем лишь я и Фельсен. После кропотливых исследований и серии длительных опытов в прошлом году нам удалось разгадать — чтобы было понятнее, я выражаюсь популярным языком — «изотопные» импульсы нервных проводников. Попытаюсь в самых общих чертах объяснить суть этого явления. Вероятно, многие видели, как укладывают и чинят телефонные провода. Кабель состоит из пучка проводов в изоляционной оболочке различных цветов. Если, скажем, подключить ток к концу красного провода, раздражение можно наблюдать на противоположном его конце, шпими словами, когда я наби-

раю номер, мне отвечает нужный абонент, сколько бы других проводов ни было в пучке...

В своих опытах мы попытались воспользоваться тем же принципом. Действуя изотопами на нервные окончания в различных точках организма, мы заставили эти окончания направлять изотопы в центр нервной системы. В итоге они так насыщаются изотопами, что, пересекая нервное волокно, состоящее из множества нервных клеток, и подвергаясь регенерационному гранулированию, о котором я уже писал, отдельные перерезанные нервные окончания вновь срастаются с другими нервными окончаниями, но лишь с теми, которые пропитаны тождественными изотопами, подобно тому как — я вновь обращаюсь к очень грубым сравнениям — в поврежденном телефонном кабеле один конец красного провода соединяют с другим концом того же провода.

После многочисленных опытов на собаках, у которых нервная система очень развита, когда нам удалось произвести полную пересадку мозга, три месяца назад мы испробовали наш метод на людях. Произошло это при следующих обстоятельствах. В институт доставили двух пострадавших — это были жертвы железнодорожной катастрофы; для спасения их жизни требовалось немедленное хирургическое вмешательство. У одного был настолько тяжело поврежден головной мозг, что жить ему оставалось считанные минуты, прочие же раны опасности для жизни не представляли. У другого повреждение мозга было не столь тяжелым, хотя и критическим, но можно было надеяться, что он выживет после применения методов лечения, апробированных в нашем институте. Однако у этого несчастного была раздавлена грудная клетка, и состояние его признали безнадежным — он тоже мог вот-вот умереть.

Когда пострадавших внесли на носилках, мы с

Фельсеном находились в институте. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы нам стало ясно: вот он, долгожданный миг! Мы приказали немедля доставить больных в мою экспериментальную лабораторию, оснащенную самыми современными кибернетическими приборами, — здесь мы ставили опыты. Оборудование лаборатории позволяло без помощи подсобного персонала, вдвоем — а при желании и одному — проводить самые сложные операции. Так, «грубую» работу по вскрытию черепной коробки вместе со всеми необходимыми побочными операциями с величайшей точностью выполняла специальная операционная машина. Это достигалось всего лишь установлением особых индексов, поворотом рукоятки и нажатием кнопок.

В лаборатории, обменявшись несколькими фразами, мы установили, что есть лишь одна возможность: необходимо произвести замену мозга, чтобы хоть одного больного, у которого меньше телесных повреждений, вырвать из лап неминуемо приближавшейся смерти. Введя раненым препараты, поддерживающие жизненный процесс, мы почти одновременно с этим приступили к регенерации нервов и насыщению нервных окончаний изотопами. Минуты казались нам часами...

В момент помещения раненых в параллельные автоматические конструкции, производящие операции на черепе, человек с поврежденной грудной клеткой скончался. Надо было спешить, чтобы произвести замену мозга, уложиться в «срок», допустимый после клинической смерти. Никогда в жизни я так не волновался: ведь в наших руках была не только возможность спасти человеческую жизнь, но и судьба величайшего открытия!

В считанные секунды машина выполнила задание: не только вскрыла черепные коробки, но и поч-

ти сразу же перерезала ведущие к мозгу кровеносные сосуды, нервные сплетения и обработала нервные окончания, как это сделал бы опытный хирург. Мы торопились восстановить жизненный процесс, не нанеся «новому» мозгу больших травм. Вынув два дрожавших мозга, мы поменяли их местами и снова включили аппарат, который теперь сращивал и соединял сосуды и нервы. Для того чтобы охарактеризовать чрезвычайную чувствительность аппарата, достаточно сказать, что, обнаружив разницу в размерах мозга, он способен — разумется, в определенной мере — самостоятельно произвести коррекцию, отрегулировать объем и давление мозговой жидкости и так далес. По окончании операции с помощью автоматов мы переложили на носилки оба тела, которые казались одинаково безжизненными. Только опытный взгляд хирурга мог констатировать, что больной с повреждением грудной клетки был мертв. Мы прикрыли его простыней, мысленно отдавая дань услуге, невольно оказанной беднягой человечеству. Затем сели возле оперированного и, не глядя друг на друга, стали ждать.

Нам пришлось провести у постели больного около полутора часов, полных надежд и страха. Но вот наконец сердце больного начало нормально работать, и лицо его исказилось от боли. Мы тотчас же ввели ему болеутоляющие средства и снова потянулись бесконечные минуты ожидания...

Не знаю — и тогда не знал — сколько прошло времени, пока больной открыл глаза. Мы с Фельсеном одновременно спросили:

— Как вас зовут?

— Фишер, — ясно произнес он, но вдруг захрипел, глаза у него запали.

Мы прибегли к возбуждающим препаратам, и наши усилия были вознаграждены. Агония продолжала

лась несколько минут, но потом сердечная деятельность возобновилась. Медленно и слабо, но сердце билось.

Обессиленные от пережитых волнений, мы сидели друг против друга. Неожиданно Фельсен вскочил.

— Как он себя назвал? — вскричал он так громко, что я вздрогнул. — Фишер?

— Да, — машинально ответил я, не понимая, что его так встревожило.

Фельсен наклонился, обшарил одежду больного — необходимость срочного хирургического вмешательства не позволила нам раздеть раненых — и вынул из верхнего кармана удостоверение железнодорожника. Оно было выдано на имя Вейлера. Фельсен посмотрел на меня, подбежал к неподвижному телу, накрытому простыней, обыскал его карманы, затем начал рыться в бумажнике. Он вытащил несколько документов, заглянул в них и дрожащей рукой протянул мне. Говорить он не мог. В документах стояло имя Фишера.

Мы оба разом рухнули на стулья, и в тишине я услышал, как Фельсен выдохнул:

— Победа!..

Измученные, мы вышли из лаборатории, предоставив живого и мертвого попечению персонала...

Наутро мне позвонил Фельсен и сообщил, что наш больной, несмотря на все усилия врачей, в три часа скончался. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате повреждения мозга.

— Да, — сказал я. — Жаль беднягу.

В ночь после несчастного случая с диктатором я почти не сомкнул глаз. Все время думал о Вейлере-Фишере. Меня и теперь неотвязно мучает мысль о той операции. А теперь президент страны лежит без сознания в институте, и шансы на его спасение весьма сомнительны. На заседании государственного со-

вета я говорил совершенно откровенно, ибо настолько презираю эту банду, что не считаю нужным притворяться. Я ненавижу диктатора за подлость и злодеяния, которые совершили его палачи во главе с Диким Кабаном и от которых пострадали мои друзья и люди, придерживающиеся демократических взглядов.

18 ноября

Продолжаю дневник, датируя его для удобства по старому летоисчислению. Так привычнее.

Диктатор все еще без сознания. Не нахожу себе покоя. Мысль точит, грызет меня, перед глазами плывут черные круги, хотя внешне я кажусь спокойным. Не знаю, что делать, меня охватывает тревога: состояние больного в любой момент может стать критическим, и тогда будет поздно. Все члены государственного совета днюют и ночуют в институте, они заняли самую большую аудиторию и прилегающие к ней помещения. Сегодня к вечеру с немалым трудом мне удалось проникнуть туда и вызвать для переговоров министра пропаганды и вице-президента. Ни для кого не секрет, что эти двое являются главной опорой диктатора; один олицетворяет грубую силу, другой — интриги и хитрую осторожность. Диктатору удастся поддерживать равновесие, опираясь на эти силы, что, во всяком случае, свидетельствует о его политической изворотливости.

Мы расположились в одном из соседних помещений. Прежде всего я потребовал строжайшего соблюдения тайны, в чем они меня тотчас заверили. Постараюсь по возможности точно воспроизвести наш разговор.

— Господа,— сказал я,— в данный момент состояние президента стабильно, но в любую минуту оно может измениться к лучшему или худшему. Мы делаем все, что в наших силах, однако в интересах

больного я вынужден обратиться к вам с просьбой.

Оба внимательно слушали, министр пропаганды сделал рукой знак, призывавший меня продолжать.

— Вы, разумеется, не специалисты, но, вероятно, и вам приходилось слышать об области науки, занимающейся регенерацией нервов.— Оба кивнули головой, Кабан несколько нерешительно и с опозданием.— Суть этого явления заключается в том, что до определенной степени мы способны побуждать нервную систему формировать новые клетки. Однако эти новые нервные области «пусты», в них отсутствуют тот опыт и те знания, которыми заполнялись старые клетки с самого начала нашей жизни. Разумеется, мы не в состоянии наполнить их новым содержанием, но можем в какой-то степени влиять на характер сознания, «частоту колебаний», если мне будет позволено так выразиться,— вот, пожалуй, наиболее близкое сравнение. Но для этого необходимо детально знать прошлое.

— Что вы имеете в виду? — спросил министр пропаганды.

— В этом и заключается моя просьба: я должен знать самым подробным образом личную жизнь президента.

— Это невысказано! — побагровев от гнева, прохрипел Кабан.

Очкастый теоретик успокоительно поднял руку.

— Я думаю, вы понимаете всю трудность выполнения вашей просьбы, поэтому прошу мотивировать ее основательнее.

— Охотно,— ответил я.— Думаю, вам будет не трудно меня понять. Вероятно, каждый из нас бывал под хмельком, и нам знакомо это состояние.

Оба согласно кивнули.

— Ну-с, мы также имели возможность заметить, как различно проявляется это состояние у разных

людей. Одни озлобляются, начинают грубить, другие просто засыпают. Одни становятся милыми, общительными, другие мрачнеют, замыкаются в себе. Существует масса вариантов. И все же несколько главных типов можно перечислить в соответствии с их «частотой колебаний». Ясно?

Они снова наклонили головы, генерал тревожно, идеолог с выжидательным интересом.

— Если человек находится в бессознательном состоянии, частоту колебаний нельзя установить никакими исследованиями или анализами. Вывести о ней заключение — и то лишь приблизительное — можно только с помощью исчерпывающего знания окружающей больного обстановки и среды.

Тут вице-президент снова сделал протестующее движение, и ордена на его мундире зазвенели. Я попал в чем дело: уже долгое время поговаривали о своеобразных отношениях, которые сложились между ним, диктатором и любовницей диктатора, официально именуемой «домоправительницей» резиденции президента. По мнению одних, дама была близкой родственницей Кабана, другие считали ее его бывшей возлюбленной, которую диктатор отбил, пользуясь своей властью. Как бы там ни было, но чему-то с этим связанному Кабан был обязан своим положением... На лице могущественного идеолога, словно в подтверждение гривуазных слухов, промелькнуло ехидное выражение, однако оно свидетельствовало и о том, что оба правителя — яростные соперники и смертельные враги, и лишь безжалостная рука диктатора удерживает их от того, чтобы они не вцепились друг другу в глотку.

Министр пропаганды искоса глянул на вице-президента. Потом он сказал:

— Будь по-вашему, ничего не поделаешь... А когда вы намерены этим заняться, господин профессор?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил я. И мы договорились завтра рано утром — сегодня было уже поздно — втроем поехать во дворец президента. Кабан удалился с кислой физиономией.

Еще до начала переговоров я вновь осмотрел президента и пришел к убеждению, что его положение безнадежно и очень скоро все наши усилия могут оказаться тщетными. Следовательно, надо торопиться.

19 ноября

Сегодня утром в сопровождении броневиков мы отправились во дворец. В городе чуть ли не на каждой перекрестке стояли танки, а уличное движение почти замерло. Прибыв во дворец, также окруженный плотным кольцом танков, мы направились в личные покои президента, где я прежде всего обратил внимание на мелкие предметы личного обихода, а затем принялся расспрашивать обслуживающий персонал о привычках их хозяина, стараясь во время разговора запоминать лица людей. Люди отвечали неохотно, мне не раз приходилось повторять, что я врач, которому необходимо знать детали в интересах больного. И все же они рассказывали о поведении президента в домашней обстановке только по настоянию руководителя пропаганды — сколько президент курит, что пьет, часто ли бывает гневен, безжалостен, груб, что любит слушать по радио, какие передачи смотрит по телевизору. Я поинтересовался оборудованием ванной комнаты, узнал, сам ли президент бреется. Расспросил сначала его парикмахера, потом повариху; повариха рассказала о его любимых блюдах, камердинер — о характерных привычках. Заглянул я в спальню, осмотрел библиотеку и только после этого обратился с вопросами к двум сопровождавшим меня помощникам президента. От них я

хотел узнать, как ведет себя диктатор во время решения государственных дел. Разумеется, мой интерес касался не государственных тайн, а его индивидуальных особенностей, склонностей.

Наконец настало время самой щепетильной части моего визита. Я спросил, можно ли мне повидаться с домоправительницей. Она пришла, и первое мое впечатление было двойственным. Это была чрезвычайно эффектная зрелая красавица брюнетка, но в ее сдержанных манерах, движениях, голосе — одним словом, во всем ее физическом облике — было что-то неприятное. Мысленно сопоставив ее с Кабаном, я решил, что они вряд ли родственники... Объяснив цель моей встречи, я сослался на врачебную этику и попросил оставить нас вдвоем. Было видно, что Кабану стоило огромных усилий побороть себя и выполнить мою просьбу.

О подробностях беседы я писать не стану.

Из дворца я вернулся в институт и еще раз осмотрел президента. В его состоянии перемен не произошло.

Вечером я поделился с Фельсеном своими впечатлениями. Он с удивлением спросил, зачем мне все это понадобилось. Я ничего не смог ему ответить, так как действовал под влиянием каких-то смутных побуждений.

20 ноября

В полдень ко мне вбежал Фельсен и сказал, что состояние президента ухудшилось.

Начиная с этой минуты, меня охватило странное душевное состояние. Словно прорвалась какая-то плотина и меня подхватил неудержимый поток активности. Я говорил и действовал почти бессознательно, подчиняясь какому-то внутреннему голосу. Прежде всего я распорядился перенести пациента в экспери-

ментальную лабораторию и сам поспешил туда же, таща за собой испуганного до полусмерти Фельсена. По дороге я заметил, что у дверей лаборатории тоже стоит охранник, но в тот момент не придал этому значения...

Когда больного вкатили на носилках и по установленному у нас порядку посторонние вышли из лаборатории, я усадил ошеломленного Фельсена в кресло и высказал ему свои соображения. Я напомнил ему о нашем разговоре и о том, что сохранение жизни президента в данный момент совпадает с интересами страны. Однако положение его безнадежно, он в любой момент может умереть, а потому времени для колебаний у нас нет.

— Что вы задумали? — с тревогой спросил Фельсен.

— Повторить операцию «Фишер — Вейлер», — ответил я.

Фельсен вскочил и заметался по тесному помещению. Я поймал его за руки и, нажав на плечи, заставил опуститься в кресло. Не в силах унять волнения, он простонал:

— Но кто же второй?

— Я!

Какой-то инстинкт заставлял меня говорить очень быстро, поэтому я частил скороговоркой, стремясь заглушить овладевавший мною страх: при мысли о том, что через несколько минут я стану безжизненным телом, все мое существо запротестовало.

Фельсен не мог произнести ни слова.

— Поймите, другого выхода у нас нет, — сказал я и с силой тряхнул его, чтобы вывести из оцепенения.

— Профессор, — простонал он наконец. — Вам ли, прославленному ученому, рисковать собой ради такого негодяя?!

— Не ради него, а ради всех нас, ради будущего. И для этого есть лишь одна возможность: он должен жить! Подумай еще об одном,— в пылу спора я назвал его на «ты», чего раньше никогда не случилось,— подумай, что в святая святых нашего главного врага проникнет человек, который попытается изнутри воздействовать на диктатора, ослабить этот проклятый режим, привести его к гибели. Разве не стоит ради этого рискнуть собственной жизнью?

— Но почему именно вы?

— А кому доверять? Кто может поручиться, что мы не променяем кукушку на ястреба?! Да и времени у нас нет.— И указав на пациента, я крикнул: — Быстрее!

Окрик, видимо, подействовал, Фельсен сделал над собой усилие и, побледнев, выдал из себя:

— Я буду донором!

— Нельзя, дружок.— Я притянул его к себе.— Я все разузнал, ознакомился с окружением президента, с обстановкой, в которой он жил. Думаю, это пригодится, по крайней мере на первых порах, чтобы никто ничего не заподозрил и чтобы волчьей стае не представилось повода разорвать своего вожака... Я старше тебя, опытнее. Да и в политике ты человек неискушенный. Это было бы бессмысленной жертвой с твоей стороны и с моей тоже. В науке ты олицетворяешь собой будущее, а я до некоторой степени уже в прошлом... Начинай! — закричал я, заметив, что тело президента задержалось.

— Но... — заикнулся было Фельсен.

Я выхватил пистолет, который утром, повинуясь какому-то инстинкту, взял с собой из дому, прицелился в своего ученика и вне себя от волнения крикнул:

— Немедленно убирайся отсюда, или я пристрелю тебя как собаку! Ты недостойн доверия!

Лицо Фельсена еще больше побсделело, он в страхе попятился.

— Оперировать буду я сам. Через десять минут ты войдешь, возьмешь железную перекладину от верхней поддерживающей конструкции, которую сейчас снимешь, и голову... — Тут я запнулся. — Вытащишь меня из машины и положишь сюда,— я указал место.— Постарайся размозжить мне голову одним ударом, а потом позови на помощь, выбеги и скажи, что во время операции верхняя часть конструкции упала на профессора. Это ты должен сделать сразу же после операции, не то следствие, если его начнут, установит, что смерть наступила раньше... Понял? А если я буду вынужден сейчас тебя пристрелить, то перед началом операции дам тревожный сигнал, и, когда люди войдут, они увидят трупы двух врачей и президента, который, надо надеяться, будет жить, ибо, пока они сумеют войти, операция уже осуществится. А когда президент придет в себя, он все объяснит, заявив, что был в сознании... Ну, убирайся...

Фельсен вздрогнул, проглотил комок в горле и заговорил:

— Не уйду, профессор. Я согласен сделать операцию и все, что потребуется.— По его бледному лицу текли слезы, губы дергались. Но вот он выпрямился и начал вывинчивать верхнюю часть конструкции.

— Быстрее,— торопил я,— быстрее!

При мысли, что через несколько минут этот железный брус разнесет на куски мой череп, у меня по спине побежали мурашки... Наконец мы сняли и положили на пол тяжелую перекладину.

— Начинай,— сказал я Фельсену, забираясь в аппарат, который со времени нашей первой операции претерпел ряд усовершенствований. Теперь, когда

его включали, он автоматически направлял поток изотопов и даже сам мог провести замену мозга, хотя мы считали, что столь тонкую операцию лучше делать вручную. Уже лежа, я посмотрел на Фельсена: меня растрогало его залитое слезами лицо. Мы обменялись рукопожатием, и я заметил, как он потянулся к кнопке усыпления. Но в последний момент я вдруг схватил его за рукав и, напружинив тело, с отчаянным криком попытался выбраться из аппарата.

Фельсен быстро нажал кнопку, потом, положив обе руки мне на плечи, всей тяжестью навалился на меня и затолкал в аппарат...

Одной рукой я сжимаю рычаги управления танка, другой держу пистолет. Справа от меня Кабан нащупывает затвор пулемета, и я знаю, что чуть выше очковая змея, ведающая пропагандой, устанавливает прицел пушки. Танк движется по мостовой. На улице темно, нигде ни огонька, ни человеческой души. На мне генеральский мундир. Ногой в лаковом сапоге я нажимаю на педаль, улица становится все уже, танк почти касается стен... Вдруг впереди возникает толла во всю ширину улицы. Люди словно впрессованы друг в друга. Над ними развеваются знамена такого же цвета, как лампы на моих брюках. В первом ряду я неожиданно замечаю отца и мать. Не понимаю, как же это? Ведь они давно умерли! Я пытаюсь остановить танк, но он упрямо движется вперед. Кабан злорадно ржет, очковая змея подмигивает мне, а машина продолжает идти дальше. В последний момент мне удается круто повернуть рычаги управления, танк сворачивает в сторону и, не снижая хода, устремляется вперед, сметая на своем пути дома, которые рушатся на мостовую...

...Я очнулся на полу, весь мокрый от пота.

Надо мной сияют знакомые лампы лаборатории, вокруг что-то лязгает, звенит. Я пытаюсь собраться с мыслями. Да ведь это сигнал, который означает, что установленное время истекло! На груди у меня лежит лист бумаги с наспех нацарапанными каракулями. Машинально беру лист в руки и читаю: «Профессор, заканчивайте операцию!» Мой взгляд падает на аппарат, я вскакиваю и с воплем бросаюсь к нему. Стрелки показывают, что трепанация черепа уже произведена, сосуды и нервы перерезаны...

Вне себя от отчаяния я едва удерживаюсь на ногах. Фельсен обманул меня! Когда я потерял сознание, он вытащил меня из аппарата, занял мое место и включил автомат... С тех пор как исчез пульс у обоих, прошло несколько минут. Значит, нельзя терять времени! Я действую автоматически, подчиняясь привычке, ни о чем не думая. Меняю местами мозг Фельсена и президента, произвожу регенерацию. Безжизненное тело Фельсена выволакиваю из машины и тащу к тому месту, на которое приказывал положить себя, поднимаю тяжелую перекладину, движимый смутной мыслью тщательно стираю с нее следы пальцев Фельсена, затем, взяв железину обеими руками, обрушиваю сокрушительный удар на голову своего любимого ученика и сотрудника.

Мне казалось, что многолетний опыт приучил меня не реагировать на зрелище смерти, на вид крови. Но я ошибался. Мир словно перевернулся во мне, а вместе с ним и желудок — что поделывать, палачом я никогда не был! Меняхватило лишь на то, чтобы дать сигнал тревоги, отворить дверь и закричать, вернее, прошептать о помощи...

Когда я пришел в себя, возле меня собрались все сотрудники. Заметив, что я очнулся, они быстро вы-

шли из комнаты, остались лишь мой второй заместитель и старшая сестра. Прежде всего я спросил:

— Что с Фельсеном?

Видимо, заместителю не хотелось отвечать, он проямлил, что на Фельсена, судя по всему, упала расшатавшаяся часть поддерживающей конструкции.

— Но что с ним? — повторил я, не в силах унять дрожь, ибо передо мной вновь возникло кошмарное зрелище.

— Фельсен умер, — ответил врач.

После того как машина закончила все операции, президента, чью голову украшал огромный белый тюрбан, отвезли в палату. Там же установили кровать и для меня, так как я пожелал лично наблюдать за его состоянием, а всем прочим временно запретил там находиться. Даже старшая сестра могла входить в палату лишь по моему специальному вызову.

22 ноября

За последние два дня в состоянии президента не произошло перемен, он по-прежнему без сознания, но по отдельным мелким признакам можно судить о некотором улучшении. Кажется, операция сошла удачно. Но я не нахожу себе места от беспокойства.

В здании института, где лежит президент, прекратилась нормальная работа. Государственный совет оккупировал помещение, я не успеваю отгонять любопытных от дверей палаты. Несколько раз мелькала красная физиономия Кабана...

23 ноября

Сегодня похоронили Фельсена. В состоянии президента намечается улучшение. Пока никого к нему не допускаю. Пыталась проникнуть домоправительница. Очень вежливо отбил ее атаку.

24 ноября

Сегодня президент открыл глаза. Я стоял у его постели и наблюдал, как жизнь медленно возвращается к нему и небритое, заросшее лицо начинает розоветь. Когда он моргнул несколько раз и уставился на меня, мне показалось, что сердце у меня выскочит. С усилием ворочая языком, он произнес:

— Док...

Я вздрогнул. Меня президент не знал, моей работой никогда не интересовался, а в институте один только Фельсен называл меня так, да и то без свидетелей! На мгновение я замер, но затем выслал сестру из палаты и, повинуясь безотчетному порыву, склонился над больным. Раздельно, отчетливо, чтобы он мог понять по движению губ, я спросил:

— Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство?

Взгляд его стал еще более внимательным. Я тут же поправился и несколько раз подряд произнес:

— Как вы себя чувствуете, господин президент?

С каждым разом мой голос становился взволнованнее.

— Но, док... — снова проговорил больной, удивленно обвел взглядом вокруг и перевел глаза на меня.

Я обессиленно опустился на стул, от волнения зубы у меня выбивали дробь. Охотнее всего я бы убежал из палаты.

Не знаю, сколько времени я так просидел, но вот президент повернулся в мою сторону. Делать было нечего, я встал и подошел к постели.

— Как поживаете, док? — ласково спросил он. Я попятился и чуть не упал, зацепившись за стул: так обычно по утрам приветствовал меня Фельсен. — Вам плохо? — воскликнул он характерным, столько раз слышанным по радио глубоким баритоном дикта-

тора. Он сделал попытку подняться, но тут же опрокинулся навзничь.

— Осторожнее! — закричал я. — Вам нельзя двигаться!

Справившись с волнением, я присел на край его постели. От недавнего порывистого движения больного одеяло соскользнуло и пижама расстегнулась. Под ней виднелась могучая мускулистая грудь, поросшая волосами. Невольно мне вспомнилась мальчишески изящная, спортивная фигура Фельсена...

— У меня все в порядке, — произнес я, но голос мне не повиновался. Я глубоко вздохнул. — Как вы себя чувствуете? — Я поостерегся называть его по имени. — Вы знаете, где находитесь?

Он сделал движение, словно спрашивая: «В самом деле, где я?» — задумался и в замешательстве пожал плечами.

— Что вы помните? — спросил я и как бы походя добавил: — Экспериментальная лаборатория... Аппарат для черепных операций...

— Погодите! — вскричал он. — Док, я влез на ваше место!

Видимо, он считал происшедшее в порядке вещей.

— А потом?

— Потом я проснулся здесь, в отдельной палате, — он поморгал. — Фу, как я оброс, — сказал он, проводя руками по груди. — И меня раздражает какой-то скверный запах... Это от меня так пахнет?

— Это запах вашего тела. Каждый индивидуум обладает своим, отличным от других запахом.

— Но раньше я никогда не обращал на это внимания! — воскликнул он.

— Рыба собственной косточкой не давится!

Он насторожился и, казалось, начал что-то вспоминать.

— Вы забрались в аппарат и включили его... В параллельном аппарате лежал президент, помните?

На лице его отразился ужас, он отвернулся. Другого выхода у меня не было: пришлось прыгать головой в воду. Я снял висевшее на стене зеркало и поднес к постели. Он бросил мгновенный взгляд на свое изображение и с душераздирающим криком — вряд ли диктатор был способен на такое проявление чувств — закрыл лицо руками и потерял сознание.

Очнувшись, он разрыдался. За свою жизнь мне не раз приходилось сталкиваться с отчаянием, слышать горькие рыдания, но так плакать мог лишь тот, кто потерял самое дорогое на свете — самого себя... Лишь в эту минуту я осознал, что произошло, что мы сотворили, точнее, что сотворил я. Ведь это моя не продуманная до конца идея рикошетом ударила в другого человека!..

Его удалось успокоить только с помощью самых сильных средств. Когда он, наконец, заснул, я, смертельно измученный, тоже повалился на кровать...

25 ноября

Сегодня я проснулся раньше него. Когда он пробудился, я сказал:

— Доброе утро, господин президент! Как вы себя чувствуете? — Лицо его исказилось, и я понял, что он вот-вот опять потеряет сознание. Тогда я переменял тон. — Выслушай меня, сынок! Выслушай очень внимательно и подумай о том, что я тебе скажу.

Я говорил тихо, но спокойно и решительно. А его взгляд стал ясным и осмысленным. Думаю, диктатор с момента своего рождения так не глядел на мир...

— Мати... — Кажется, я впервые назвал Фельсена по имени, и он слегка повернул ко мне голову. — Ты и сам знаешь, кто ты. Один из лучших, а может быть, самый лучший нейрохирург мира. Ты молод,

энергичен.— Тут он протестующим жестом поднял руку, но продолжал слушать.— Если кто и способен проникнуть в суть явлений, разгадать, что скрывается за внешней оболочкой, то это мы, именно мы — ты и я. Это побудило нас осмелиться на величайший эксперимент в истории человечества.— Он слушал меня, не прерывая.— И уж если мы на него решились, то должны мужественно встретить и последствия.— При этих словах сердце у меня сжалось.— Я в последний раз называю тебя Фельсеном, последний раз произношу имя Мати. С этой минуты ты президент страны Хавер Фелициус, и никогда не был никем иным! Первое время тебе будет тяжело, придется привыкать к множеству непривычных для себя вещей, но потом все наладится и ты будешь плавать, как рыба в воде...

Он никак не отреагировал на мои слова.

Я сообщил представителям совета, что через два-три дня президент сможет принять на несколько минут двух советников, но никаких вопросов задавать ему нельзя, так как это может помешать начавшемуся выздоровлению. Для полного излечения очень важно абсолютное спокойствие.

Вечером мне почудилось, будто я слышу оружейный грохот, но что это значило, я не понял. Мы ведь почти отрезаны от мира, всем необходимым нас снабжают сотрудники института.

27 ноября

В прошедшие два дня состояние больного то резко ухудшалось, то вселяло надежду. Волнения так вымотали меня, что я был на грани полного нервного истощения. Надеюсь, в моей жизни ничего подобного больше не повторится.

Вчера утром президент внешне казался спокойным, но я заметил, что его что-то тревожит. Он ле-

жал неподвижно и на все мои вопросы отвечал легким покачиванием головы. Я старался исподволь наблюдать за ним, чтобы не раздражать откровенной слезкой. Принесли прессу, и, желая вывести его из оцепенения, я положил журналы и газеты ему на одеяло. Результат превзошел все мои ожидания. Сначала он взял иллюстрированный журнал, машинально перелистнул его, но вдруг отчаянно вскрикнул и разразился рыданиями: ему на глаза попалось извещение о похоронах Фельсена. С великим трудом мне удалось его успокоить.

Я дежурил возле него, и бурный поток мыслей сменялся звенящей душевной пустотой. Но вот больной очнулся. Первыми его словами были:

— Док, я этого не хочу! Сделайте что-нибудь!

Я обнял его голову, спросил, слышит ли он меня, в состоянии ли следить за моими словами. После небольшой паузы он ответил утвердительно.

— Сынок,— произнес я нетвердым голосом,— ты требуешь невозможного. На кладбище похоронили не тебя, ведь ты это знаешь. Разве ты не чувствуешь, что находишься здесь, в институте? — И я легонько потряс его.— Ты президент, полномостный хозяин страны. Твое слово закон, ты распоряжаешься жизнью и смертью каждого, так неужели ты не можешь взять себя в руки? Разве ты не чувствуешь огромной ответственности, которая на тебе лежит? Ты отвечаешь за жизнь всех нас, за судьбу нации!

На мгновение глаза его блеснули, но тотчас им снова овладело прежнее состояние.

— Док, верните все назад, сделайте повторную операцию! — умолял он.

— Это невозможно,— вздохнул я, и голос мой прервался.— Я не могу этого сделать. Видишь, к чему привел твой необдуманый поступок? А все потому, что в последний момент я струсил. Да, испугал-

ся. Но это была физическая слабость, минутное «короткое замыкание», ты как врач должен был понимать... Меня жизнь закалила больше, я сознательно брался за эту роль, сознательно, понимаешь! И роль эту надо играть, как играют свои роли актеры, невзирая на то, симпатизируют они своим персонажам или нет... Я эту роль выучил, хорошо ли, плохо ли — другой вопрос, но коли ты, пожалев меня, не отрепетировав ее, ввел себя в спектакль, так играй и не жаль себя!

Он долго молчал, потом сказал:

— Хорошо!

Вскоре после этого меня пригласили на консилиум по поводу тяжелого повреждения мозга. Повинуясь шестому чувству, я подошел к тумбочке и вынул из нее пистолет, который положил туда, когда переселился в эту палату президента. И правильно сделал, ибо, когда вернулся, президент, едва держась на ногах, стоял у тумбочки и шарил в ящике. Мы оба промолчали, он поплелся к постели, лег и натянул одеяло на голову.

Наш спор возобновлялся трижды, суть его не менялась, но тон постепенно смягчался. Меня эти разговоры очень волновали — ведь каждый новый взрыв мог вызвать катастрофу.

Последний приступ произошел сегодня вечером и закончился поистине неожиданным аккордом. Когда я вновь повторил, какую огромную ошибку он совершил, из уважения ко мне взяв на себя непосильную роль, он вдруг заговорил. Лицо его неуловимо изменилось, в нем проступило выражение не свойственной Фельсену стальной воли.

— Не из жалости и не из уважения к вам. — Я был ошеломлен. — Я... — Тут он запнулся, но овладел собой. — Я сам захотел стать диктатором! — заявил он решительно. — В первый момент я дейст-

вительно подумал о том, что я моложе и, вероятно, лучше перенесу операцию и справлюсь с душевным напряжением, связанным с необычной ролью. Но решающий толчок дал инстинкт, отбросивший все второстепенное, — мной овладела жажда власти... Вот вам правда!

Мое первоначальное изумление сменилось чувством глубокого облегчения. Я присел на краешек постели и сказал:

— Чего же ты хочешь в таком случае? Ты президент, всесильный властитель страны, и веди себя, как подобает в твоём положении. — Он молчал. Я встал и поклонился: — Как вы себя чувствуете, ваше превосходительство? Завтра я разрешу вам свидание с двумя членами государственного совета. Вы не возражаете? — И я подмигнул.

Он выпрямился в постели.

— Если вы, док... простите... Я понятия не имею, кто вы такой, но, очевидно, вы здесь распоряжаетесь... Если вы находите это нужным, у меня возражений нет, — ответил он и тоже подмигнул.

С моей души свалился камень. О своих чувствах я не стану, а быть может, и не смогу писать. Все отошло в сторону перед полуторжествующей, полутревожной мыслью о том, что операция удалась...

28 ноября

Утром президента постригли, причесали, побрили. Только теперь я заметил, какой он видный мужчина. Затем мы вдвоем держали «военный совет». Я предупредил его, как надо себя вести. Вчера он начал хорошо, нужно продолжать в том же духе. Когда я был во дворце, мне пришлось убедиться, что президент по натуре человек простой, но жестокий и наглый. Поэтому излишняя вежливость и деликатность сейчас только повредят. Не беда, если он мно-

гого не сможет вспомнить или не узнает своих сподвижников. Пусть расспросит у любого, кто он, чем занимается. Я же всем объясню, что в таких случаях выпадение памяти вполне оправдано, но это состояние вскоре пройдет. Одного он не должен забывать ни при каких обстоятельствах: того, что он всесильный диктатор. Если он сорвется и волчья стая учует его колебания, я не дам за его жизнь и ломаного гроша! Как только они почувствуют, что стальная хватка слабеет, они разорвут его, словно овечку!

Я со своей стороны, несмотря на «протесты» президента, заставлю его приближенных согласиться на мое пребывание во дворце после лечения под тем предлогом, что должен находиться возле пациента до его полного выздоровления.

Посещение президента делегацией государственного совета прошло гладко. Он отнесся к ним с высокомерием, приличествующим истинному диктатору, и с моего разрешения дал согласие на завтрашний визит вице-президента и министра пропаганды. Признаюсь, предстоящая аудиенция меня тревожила. Мы снова в деталях обсудили, как ему себя держать. Уверенность президента в себе возросла настолько, что мне пришлось напомнить ему об осторожности. Как бы он не зарвался и не совершил непоправимой ошибки! Но он, начав входить во вкус, пропустил мои увещевания мимо ушей...

29 ноября

Однако радоваться было преждевременно. Сразу после полуночи я пережил такое волнение, какого не забуду, пока жив. Я проснулся от звука, от которого зашлось сердце, когда же сел в постели, то в полумраке увидел, что президент лежит на полу, хрипит и бьется. Я попытался усадить его, но мне удалось

только прислонить его к кровати. Все мои увещевания ни к чему не приводили, он смотрел на меня стеклянным взглядом и что-то пытался сказать. Не без труда я понял его бессвязную речь.

— Не хочу... Я не выдержу, док, помогите!

Я тряс и раскачивал его, пока — очень нескоро — он не замолк. Я помог ему лечь в постель, и тогда он расплакался.

— Док, помогите!

— Вам приснился плохой сон? — спросил я, но он молчал и только вздрагивал.

Прошло добрых полчаса, прежде чем он прислушался к моим доводам и наконец уснул. При мысли о том, что мне пришлось пережить, меня и сейчас бросает в жар.

К счастью, утром ночной приступ бесследно прошел. В назначенное время явились оба помощника президента. Постараюсь как можно точнее воспроизвести состоявшуюся беседу.

— Прежде всего, господа... — начал президент, но, заметив недоумение на их лицах, помолчал и спросил: — Скажите, где я нахожусь?

Оба с удивлением взглянули на меня. Министр пропаганды проворчал:

— Господин президент до сих пор не знает, где он находится? Вы ему не представились?

— Состояние господина президента не позволяло мне этого сделать, а поскольку сам он не интересовался, я молчал. Не уверен, нужно ли рассказать ему об этом сейчас.

— Почему? Где я нахожусь? — нетерпеливо перебил президент.

— В Институте Клебера, — помедлив, ответил идеолог. Диктатор наклонился вперед и, не мигая, уставился на обоих государственных деятелей.

— Почему? Как я попал в это чертово логово?

Кто меня привез сюда? — вскричал он. — И кто он такой? — презрительный жест в мою сторону.

Министр пропаганды хотел было ответить, но я опередил его.

— Ваше превосходительство! Разрешите мне объяснить. Мое имя профессор Клебер. Вам, ваше превосходительство, очевидно, неизвестно, что вы стали жертвой автомобильной катастрофы. Ранение было такого рода, что эти господа вынуждены были доставить вас сюда. — Он изобразил изумление на своем лице. — Они боялись за вас и угрожали мне, но я заверил их, что сделаю все возможное для спасения вашей жизни. Кроме того, я им кое-что объяснил. Могу сказать об этом и вам, но считаю не совсем удобным. Вы скорее поверите, если услышите не из моих уст... Ну а доказательством того, что господа доверяли мне не напрасно, служит наш разговор. Он мог бы и не состояться... — Я многозначительно взглянул на президента. Он ответил мне суровым взглядом и опустил веки. — Впрочем, для меня теперь это такое же чертово логово, как и для вас, господин президент.

Он вопросительно поднял бровь, и тогда я попросил Кабана распахнуть дверь. Когда президент увидел стоявшего на часах солдата с автоматом, он улыбнулся.

— Хорошо сказано, профессор. — Он прислушался. — Что за шум?

— Служба безопасности наводит порядок в поселке Иоахим...

— Пушками? — ледяным тоном осведомился президент у Кабана.

— Мы были вынуждены... — выдавил тот.

— Говори! — закричал диктатор, и вице-президент, поежился. Но прежде чем он ответил, президент словно бы неожиданно заметив меня, недовольно мах-

нул рукой: — А, ладно, потом... Но не вздумай чего-нибудь упустить! — и мановением руки положил конец аудиенции.

— Над чем ломаете голову, господин профессор? (Я вздрогнул: президент, слегка улыбаясь, искоса наблюдал за мной.) Вы мною довольны? — И он протянул мне руку.

Я пожал ее и в замешательстве вышел из палаты.

1 декабря

Мой пациент быстро поправляется не только физически, но и нравственно. Сегодня мне уже не казалось, что глазами президента на меня смотрит Фельсен — это был волевой, твердый взгляд. Когда я предложил дня через два-три переселиться во дворец, на мгновение он оробел, но тотчас оправился и потребовал к себе вице-президента, ведавшего военными делами. Из доклада он узнал, что восстание подавлено. Он отдал приказ подготовиться к его возвращению во дворец. Кабан ушел, и тогда президент сделал вид, будто лишь теперь заметил меня.

— Ну как, господин профессор, вы мной довольны?

В ответ я только развел руками. В голосе президента звучала непривычная для меня твердость.

3 декабря

Сегодня рано утром в сопровождении чуть ли не всей армии мы направились во дворец. Президент просто-напросто приказал мне следовать за ним. Пришлось прямо в халате сесть в пуленепробиваемый автомобиль. У входа в личные апартаменты президента нас встретила домоправительница. У меня мурашки по спине поползли, когда я заметил выражение робости на лице президента, но моя тревога оказалась напрасной. Он с достоинством поклонился и

поцеловал ей руку, что немалое удивило не только женщину, но и свиту. Прежде чем мы вошли в покои, он заявил, что я нахожусь здесь по его настоянию, и все мои указания и пожелания, касающиеся его особы, для каждого являются приказом.

Но вот, наконец, мы остались одни.

— Профессор, — сказал президент, — я думаю, что вместе мы будем находиться в большей безопасности, поэтому настаиваю на вашем пребывании здесь.

Мне не оставалось ничего иного, как пожать плечами.

5 декабря

Пользуясь подсказками обслуживающего персонала, президент «восстанавливает» обстоятельства своей частной жизни, знакомится с предметами личного обихода. Последствия «выпадения памяти» исчезают довольно быстро. Одна проблема, весьма щепетильная и грозившая опасными последствиями, вчера неожиданно разрешилась на редкость удачно.

Мне пришла мысль, что диктатор, наверное, вел какие-то записи и вряд ли держал их в архиве вместе с официальными документами. Должно быть, они находились где-то под рукой. В спальне мы сравнительно легко нашли сейф, но не сумели разгадать сложной комбинации его замка. В ответ на мое шутовское замечание о том, что, мол, его превосходительству этого-то и не следовало забывать, президент в гневе заскрежетал зубами и велел мне замолчать. На сей раз мы с ним не перемигнулись...

Большой беды в том, что хозяин вскрыет свой личный тайник и велит сделать новый замок, разумеется, не было, но мы старались избегать случайностей.

И вот тут у него возникла идея. Он оцупал мундир, в котором его привезли в институт, и в потайном

кармашке нашел крошечный блокнот. Мы безуспешно перелистывали странички, как вдруг заметили, что уголок обложки слегка отклеился. Сорвав тонкую бумажку, среди множества цифр непонятого назначения нашли и комбинацию букв. Пользуясь ею, попытались открыть сейф, но, к нашему величайшему изумлению, безуспешно. Мы долго сидели, недоумевая, как вдруг меня осенило. Взяв из рук президента книжечку, я попробовал открыть сейф, набирая буквы справа налево. Дверца распахнулась. Весьма простая хитрость.

— Господин профессор, вы величайший человек! — с пафосом воскликнул президент. У меня вертелась на языке благодарность за столь высокую оценку, но я вовремя удержался. Во-первых, потому, что его восторг был искренним, во-вторых, потому, что я и сам был донельзя доволен успехом.

Из записей президента нам действительно удалось немало узнать о вещах, до сих пор скрытых от остального мира. Это оказалось весьма полезным. В числе прочего выяснилось и подлинное имя президента, его происхождение и то обстоятельство, что домоправительница и в самом деле была родственницей и возлюбленной Кабана.

10 декабря

В последние дни события приняли такой оборот, что у меня голова идет кругом. Я восхищен восприимчивостью президента и его способностью приспосабливаться к обстоятельствам.

Первые два дня я по необходимости присутствовал на всех государственных переговорах, чтобы сглаживать некоторые промахи, якобы вызванные пресловутым «выпадением памяти». Только теперь можно связать в логическую цепочку все происшедшее. В первый день обсуждался доклад о подавлении вос-

стания. Из него выяснилось, что восставшим удалось вывести из-под удара главные силы. Штаб восстания не был захвачен. В этом факте члены совета усматривали измену. Во время совещания президент преимущественно молчал. К вечеру следующего дня он снова созвал всех, за исключением министра пропаганды, которому поручил переговоры с послом Блуффонии. Тогда я не обратил на это внимания, но сегодня все выяснилось.

Я ночевал в спальне президента. Вечером у нас состоялся примечательный разговор. Президент долго расхаживал по комнате, потом остановился возле меня.

— Док, — впервые за долгое время он обратился ко мне, как прежде, — завтра я велю произвести облаву и обыски на улице Ньютона. Все, кого там найдут, будут задержаны.

Я оторопел: на улице Ньютона помещается штаб повстанцев, до сих пор его не удавалось обнаружить никаким ищейкам диктатора. Фельсен, как и я, был членом штаба! Я с трудом нашел в себе силы спросить:

— Но, бога ради, зачем?

Президент спокойно объяснил:

— Ведь это ваша мысль, док. Если сегодня мой режим падет, это окажется роковым как для находящихся у власти правых, так и для готовых к революционному перевороту левых. Не правда?

— Правда.

— Вот видите, а ваши сподвижники и руководители придерживаются иного мнения! Каждую минуту можно ожидать новой атаки, и, должен признаться, ваше имя тоже занесено в черный список.

— Мое имя? — несказанно удивился я.

— Да, да! Ваше. Из-за меня. Вы не только спасли мне жизнь, которая, кстати говоря, полностью

находилась в ваших руках — все знали, что мое состояние безнадежно и жизнь моя гроша медного не стоит.

Все эти «мне», «меня», «мое» он произносил с такой уверенностью, что я содрогнулся и с ужасом смотрел на это чудовищное порождение собственных рук.

— Мало того, — продолжал он, — вам еще вменяют в вину, что вы последовали за мной сюда во дворец, чтобы выхаживать меня. Вот почему ваш институт я вынужден буду охранять так же, как свою резиденцию, ибо рано или поздно вам придется туда вернуться.

У меня голова шла кругом, и лицо выражало такой же ужас, как лицо президента, когда он впервые после операции увидел себя в зеркале. Значит, я, один из руководителей движения, человек, придерживающийся левых взглядов, враг?! Есть от чего прийти в ужас!

— О себе я не забочусь, но штаб движения, лучшие люди страны, образец незапятнанной честности и чистой совести!.. Как вы могли такое придумать?

Президент перебил меня:

— За них беспокоиться нечего! Я не стану их расстреливать. Несколько лет пребывания в лагере и на принудительных работах, пока положение в стране не изменится, и их можно будет освободить. Разумеется, это не рай, но не обязательно все погибнут... Кое-кто уцелеет... Вы же знаете, пока эти люди на свободе, на наши головы в любой момент может обрушиться удар, а этого и вы боитесь, так как он означал бы гибель государства. Правительство Блуфонии не станет деликатничать, как я... Вы поняли меня, док?

От неожиданности я не только отвечать, думать был не в состоянии. Вдруг я вскочил:

— Мне необходимо с ними увидеться! Я должен им рассказать...

Президент взглянул на меня так, что слова застряли у меня в горле. Когда он заговорил, голос его резал как бритва.

— Вы с ума сошли!.. Кто вам поверит? Да и что вы можете сказать? Скорее всего, вас объявят ненормальным, запрут в сумасшедший дом!

Что можно было возразить?

— Док! — продолжал президент так же решительно. — Вы отправитесь в институт и будете находиться там под домашним арестом. Вас необходимо защитить от ваших друзей и от ваших собственных недобудуманных поступков. А кроме того, это снимет с вас подозрение, будто вы поехали со мной добровольно. Люди поймут, что я вынудил вас находиться при себе, — пленник не предатель, а мученик! Вам понятна моя мысль? Однако несколько дней вы еще пробудете здесь.

— Но мои друзья...

Он с жаром перебил меня:

— Профессор! Вы же культурный человек с ясной головой! Вам ли говорить о таких абсурдных вещах? Помните, что писал Маккиавели? «Главных врагов убей в первые минуты своего прихода к власти, и чем больше, тем лучше, это устроит прочих, и власти твоей будет обеспечена безопасность. Если же ты не сделаешь этого, если из жалости или по другим причинам не убьешь достаточного количества людей, оставшиеся организуются против тебя, и позднее ты сможешь навести порядок уже с большими жертвами и тогда будешь действительно жесток...» Мне удастся обойтись малой кровью, потому что мой предшественник сделал всю грязную работу... мой пред... Черт бы вас побрал, господин профессор! Как мне теперь говорить по вашей милости?.. — В явном за-

мешательстве он подошел ко мне и обнял меня, потер лоб. — Что со мной будет? — спросил он изменившимся тоном.

— Ты сам этого хотел, Жорж Данден...

Он выпрямился, покосился на меня, а когда заговорил, в голосе его снова зазвучал металл:

— Сентиментальность всегда опасна, сейчас же она может оказаться губельной.

Я долго не мог заснуть.

На следующий день я не виделся с президентом: когда я проснулся, его уже не было. Из покоев выйти мне не удалось — у дверей стоял часовой. Издалека доносился оружейный гул. В сейф — я заметил это только сегодня — был вставлен новый замок...

Президент явился к вечеру и заявил, что теперь я буду спать в другой комнате. Он объяснил свое решение тем, что не хочет по утрам будить меня. Затем без всякого перехода сообщил, что велел казнить министра пропаганды. Я был настолько ошеломлен, что не задал ни одного вопроса. Но он заговорил сам:

— Я вам сказал, что намерен произвести облаву на улице Ньютона, не так ли? Нам удалось поймать мелких пташек, однако ни одного из руководителей арестовать не пришлось. Очевидно, их предупредили... А вот министра пропаганды там нашли! Когда вице-президент вне себя от гнева, впрочем скорее от радости, ввел его сегодня утром ко мне, я задал преступнику всего один вопрос: что он там делал? Он не ответил ни слова. Через пять минут его расстреляли.

— Какая жестокость! А если он шпионил в ваших интересах?

Президент жестом отверг это предположение.

— Я его не посылал, а тот, кто действует вопреки моему приказу, предает меня. И кому, как не министру пропаганды это знать! Возможны три варианта:

первое — упомянутый вами шпионаж. Но это исключено, так как не входило в его задачу, а кроме того, он помешал бы людям, профессионально занимающимся шпионажем, и тем самым мне. Второе, — продолжал он с железной фельсеновской логикой, — предположим, он и в самом деле принадлежал к левым силам. Зная его прошлое, я отбрасываю этот вариант. Третье — и, как мне кажется, наиболее реальное предположение: он искал себе союзников в стане моих врагов. Во всех трех случаях он был предателем. И если я еще могу помиловать врага, так как знаю, чего от него ждать, то предателя — никогда!.. Вы, вероятно, знаете, что этот негодяй и вице-президент ненавидели друг друга, их объединяла только зависть ко мне. Они были уверены, что, свергни они меня, и им прежде всего придется драться друг с другом. У каждого были свои приспешники... Но эта крыса думала, что корабль тонет, и попыталась спастись. Если б он просто сбежал, я бы махнул рукой, черт с ним! Но изменить! Теперь мне предстоит труднейший цирковой номер: балансировать с грузом в одной руке.

Я не мог скрыть своего отвращения.

— Ваше положение тоже не из легких, док. Надо поберечься. Мне было бы жаль...

С этими словами он отпустил меня.

Шум и грохот на улице усиливались, и это придавало моим мыслям еще более мрачный характер. На следующий день президент вызвал меня к себе. Вид у него был весьма встревоженный.

— Я пригласил вас, чтобы проститься, дорогой господин профессор. В создавшихся условиях институт действительно будет для вас более надежным местом. Я отпускаю вас с тяжелым сердцем. Не легко держать груз в одной руке, — он кисло улыбнулся. —

А теперь и вы не сможете мне помочь... Да хранит вас бог!

Броневи́к провез меня по безлюдным улицам, которые странным образом напоминали сон, приснившийся мне в операционной... Возле института стояли танки, расхаживали военные, но кругом было тихо.

12 декабря

Я расположился в экспериментальной лаборатории. Долго не мог заснуть, а когда наконец задремал, меня разбудил взрыв. Следом послышался гул, который то приближался, то отдалялся, и ружейная перестрелка. Так длилось всю ночь напролет, хотя временами усталость одолевала меня и я погружался в забытие.

Утром во время смены караула я услышал за дверью какие-то голоса. Похоже, там шла перебранка. Потом в дверь постучали. Я открыл не сразу, вспомнив, каким взглядом смерил меня вчера вечером часовой у двери. Стук возобновился.

— Кто там?

— Откройте, профессор!—прозвучало едва слышно. — Очень важно!

Обращение меня поразило. После некоторого колебания я все же отворил дверь. В комнату вошел солдат. Не ожидая моих вопросов, он быстро заговорил:

— Я член организации. После вчерашнего налета многие считали, что вы нас предали. Часовой у двери тоже из наших, он собирался вас убить.

Его слова поразили меня в самое сердце.

— А меня утром послали из дворца сменить часового и дали особый приказ: во что бы то ни стало с вами расправиться.

Не помню, спросил ли я его о чем-либо, но, очевидно, спросил, потому что солдат продолжал:

— Нет, приказ отдал не Кабан, а сам президент. Он велел пристрелить и часового, коли потребуется, если тот станет мне мешать... И приказал торопиться. Тогда я понял, что вы наш человек, а не предатель. Я очень спешил, ведь мне были известны намерения часового... Я пришел вовремя, теперь мы вдвоем будем вас охранять.

Снаружи послышался какой-то шум. Солдат открыл дверь, чтобы позвать товарища, и в этот момент в конце коридора я увидел президента. Правая рука его неподвижно висела, в левой был зажат пистолет, и он размахивал им над головой. Спотыкаясь, он буквально ввалился в лабораторию и растянулся у наших ног.

— Профессор, — едва слышно простонал он, — профессор, помогите. — И потерял сознание.

Я перевернул его на спину и увидел, что правая сторона мундира в крови — в темном коридоре это было незаметно. Часовой хрипло сказал:

— Ночью наши начали штурм... Пристрелили его!

Второй солдат нерешительным движением поднял винтовку. Я бросился к нему.

— Игра еще не кончена! Никто из нас не может взять на себя ответственность за смерть президента. Он и так дышит на ладан... Помогите поднять его.

Не знаю, что побудило меня положить президента на стол, выдвинутый из операционного аппарата. Я стянул с президента мундир и ахнул. Справа зияла огромная рана от разрывной пули — стреляли сзади. Кое-как я перевязал его и привел в чувство.

— Что произошло? — спросил я.

— Док, помогите, — простонал он. — Меня преследуют, — он попытался подняться. — Если вы мне не поможете, я погиб!

Мысли с бешеной быстротой закружились у меня в голове. Вечером, прибыв в институт, я расспросил

преемника Фельсена о новостях. Наряду с прочими делами он упомянул о том, что в одной из палат лежит безнадежный больной с тяжелейшим повреждением мозга. Рана диктатора тоже смертельная, в этом сомнений нет. Значит, можно попытаться... Я подошел к телефону и распорядился подготовить больного к операции и срочно привезти в экспериментальную лабораторию. А солдатам приказал впустить сюда лишь санитаров с носилками. Всем остальным вход воспрещен.

Я сделал президенту инъекцию, ввел тонизирующие препараты и, стараясь поддержать в нем бодрость духа, осторожно принялся расспрашивать о случившемся. Из его бессвязного рассказа удалось в общих чертах представить следующую картину.

Вчера вечером по различным признакам диктатор догадался, что вице-президент готовится к решающему удару. Однако в последние дни и сам президент не терял времени даром и пытался собрать вокруг себя единомышленников, хотя ему очень мешало то обстоятельство, что враги Кабана, ранее группировавшиеся вокруг министра пропаганды, после казни своего руководителя стали в оппозицию к президенту. И он не мог теперь на них полагаться. Ему удалось собрать всего несколько человек для обеспечения личной безопасности... А сегодня на рассвете к нему явилась взволнованная домоправительница и, дрожа, рассказала о намерениях Кабана. Президента возбудило приближение опасности, а его влечение к этой женщине полностью затмило рассудок. Потеряв над собой власть, он схватил ее в объятия, не обращая внимания на ее сопротивление и не слыша криков о помощи... Он опомнился, когда взбешенный Кабан в припадке неудержимой ревности, позабыв о всякой осторожности, вбежал в комнату и накинулся на него. Они сцепились друг в друга мертвой хваткой.

— Это была борьба не на жизнь, а на смерть, — президент тяжело дышал. — Знаете, док, я ведь неплохо владею приемами дзю-до. — Он слабо улыбнулся. — Только это помогло мне противостоять его бычьей силе. Пока мы возились, я заметил в руках обезумевшей женщины пистолет, который выпал из моего кармана. Я сделал быстрое движение, и мой враг оказался между мной и пистолетом. Раздался выстрел, он выпустил меня и упал...

Президент закашлялся, на губах у него показалась кровавая пена. Затем, прерывисто дыша и все время останавливаясь, он продолжал свой рассказ. Через открытую дверь, возле которой лежали трупы часовых, он заметил приближавшиеся фигуры в военных мундирах и бросился к потайной двери, но, прежде чем успел скрыться, получил пулю в спину. Оглянувшись, он заметил, как из руки лежавшего на полу вице-президента падает пистолет...

Спотыкаясь на каждом шагу, он все-таки сумел выбраться во двор, доплелся до стоявшей там машины, приказал водителю везти себя в институт. Солдат не сразу повиновался, тогда президент вытащил испуганного парня из машины, отобрал у него оружие, сел на его место и помчался по улицам, заполненным толпами людей. Сам не знает, каким чудом добрался...

Я подивился его физической силе и необыкновенной воле к жизни.

Но вот за дверью послышались шаги, это привезли больного...

На этом дневник обрывается. Я, Альфред Стейг, институтский служащий, к написанному могу добавить лишь то, что видел утром того дня, дата которого последней помечена в дневнике.

Мы с коллегой Сандерсом получили указание немедленно привезти больного под номером 63 из Х-отделения в лабораторию профессора Клебера для операции. За день до этого институт наводнила солдатня, нас то и дело останавливали.

За институтской оградой бушевала толпа. Не успели мы добраться до лаборатории, как люди с криками прорвали цепи солдат и ворвались в парк. Я видел, как все больше солдат переходит на сторону народа. Бегущий во главе толпы танкист заметил нас. Он махнул в нашу сторону рукой, и даже в оглушительном шуме я слышал его крик: «Это он!.. Ско-рее!..»

Бежавшие впереди оказались у дверей лаборатории почти одновременно с нами. Двое часовых попытались их задержать, но толпа смела их вместе с нами и больным. Впереди неся танкист с криком: «Этот негодяй скрывается здесь!» Он, видимо, понял, что наш больной не тот, кого они ищут.

Мы с Сандерсом, как могли, старались защитить больного, но все наши усилия ни к чему не привели. Когда нас буквально втащили в лабораторию, я увидел президента с окровавленной повязкой на груди. Он поднялся, и покачнувшись, шагнул вперед. Взгляд его был мутным, очевидно, он не понимал, где находится.

— Вот он! — заорал танкист.

Кто-то камнем разбил верхнее окно, и танкист схватил тяжелую железную перекладину, лежавшую у диковинной машины.

Профессор Клебер прикрыл собой президента.

— Это не он! Не президент!

— Что ты врешь, предатель! — вскричал танкист и взмахнул высоко поднятой перекладinou.

Удар поразил профессора и стоявшего позади высокого президента. Вне себя от ужаса, я прислонился

к тумбочке, где лежали тетрадь и ручка. Не знаю для чего, но я сунул то и другое в карман халата и, увидев, что больной, которого мы сопровождали, тоже умер, двинулся к выходу. Но меня так сдавили, что я едва не задохнулся.

Сандерсу чудом удалось вытащить меня из толпы. Я очнулся на скамейке парка. Вокруг было пусто, но где-то вверху рокотал гром. Я поднял голову к небу и увидел, как из гигантских самолетов Блуфонии выпрыгивают и летят к земле тысячи парашютистов...

Задание

Третий ихтизилитл потерял направление. Вместо треугольного континента, на который его нацелили, он рухнул на гладкую вулканическую равнину и застыл, наполовину зарывшись в красноватый песок. Попытка установить связь потерпела неудачу. Хотя ихтизилитл вскоре после прибытия — в соответствии с предписанием — и выпустил свои антенны, чтобы связаться с базой, в системе ориентации перегорел небольшой, но очень важный контур. Поэтому направленный пучок волн огромной энергии, отклонившись от цели, пронесся мимо Ихтизина, и ихтизилитл остался предоставленным самому себе. Однако такой поворот событий не вызвал в нем особого замешательства. Планировалось, что он выполнит свое задание самостоятельно.

— Достаточно будет и двух, — высказал свое мнение конструктор, — нет смысла высылать новый...

Траурная речь по ихтизилитлу, которого посчитали пропавшим, была, таким образом, немногословной. Непредвиденный выход из строя, хотя и в редких случаях, но неизбежно предусматривается статистикой. И посылать целых четыре ихтизилитла в однуединственную планетную систему, в то время как детекторы Ихтизина обнаруживают все новые и новые

заселенные планеты, было бы ничем не оправданным расточительством.

Настали другие времена, и конструкторы тоже начали мыслить другими категориями. Кропотливая, индивидуальная работа — теперь дело прошлого. Борьба за освоение жизненного пространства в космосе требовала разработки системы массового производства ихтизитлов. Конечно, размещение каждого ихтизитла давало гарантию на длительное время. Весьма редко попадались такие солнечные системы, где распространение потенциального соперника требовало бы одновременной посылки нескольких ихтизитлов.

Он считал и откладывал в памяти, сколько сотен тысяч раз облетела планета свою центральную звезду, испускавшую желтоватый свет, но эта цифра не имела особой важности: конструкторы творили, рассчитывая на вечность. Его сенсорные устройства бдительно следили за окружающей обстановкой, в то время как его самого вновь и вновь то засыпали, то обнажали периодически повторяющиеся песчаные бури. Даже миллионной доли энергии, сконцентрированной в нем, было бы достаточно для обуздания бешеной энергии этих шквальных бурь, но это не входило в его задачу. Ему оставалось лишь ждать, и он ждал с терпеливостью машины, готовый выждать хоть миллион лет.

Он не знал, да это его и не интересовало, что стало с двумя другими ихтизитлами, направленными в зону планет, располагавшихся на внешних орбитах. Не было никакой нужды, более того, было бы даже опасно, если бы они взаимодействовали или поддерживали друг с другом какой-либо контакт. Так он не узнал и того, что ихтизитл, посланный на одну из ги-

гигантских планет, успел выполнить свое задание: луна средних размеров, на поверхности которой начался было медленный процесс упорядоченного развития, позволявший догадываться о формировании будущей жизни, уже тысячелетия вращается вокруг центра системы, раздробленная на куски. Другой ихтизилитл — в соответствии со своим назначением — пока еще плавает в виде гигантских размеров газового облака в толще атмосферы соседней планеты-великана и ждет своего часа.

И он тоже ждет. Его создатели не могли знать с полной определенностью, на какой планете внутренней зоны может в первую очередь возникнуть разумная жизнь, поэтому ему нужно было в равной степени следить и за своей планетой, и за ее окружением. А может быть, то, чего он дожидается, прибудет извне...

— Выход на орбиту стоянки прошел успешно, — четко доложил в микрофон Капитан. — Все системы работают нормально... Приступаю к выполнению следующего задания: расстыковке спускаемого аппарата...

Четырнадцать минут спустя с Земли пришло согласие на осуществление запланированной операции. После двадцати девяти недель стремительного полета они находились в непосредственной близости от поставленной перед ними великой цели: корабль-носитель весом 450 тонн с наполовину пустыми баками вращался вокруг планеты Миркс по эллиптической орбите с большой осью 10 тысяч километров. Добраться в сохранности дальше этого до сих пор удавалось лишь трем автоматическим зондам.

Вспыхнули ракетные сопла спускаемого аппарата, слабым толчком отделив от корабля-носителя 25-тон-

ное транспортное устройство. Сверкающее в солнечном свете металлическое тело, уменьшаясь в размерах, уплывало все дальше. На последней стадии спуска Капитан взял управление на себя. Взревели ракетные двигатели, вздымая огромное облако пылевидного красноватого песка, покрывающего скалы. Затем наступила тишина.

Он заметил огненную полосу в верхних слоях атмосферы вскоре после того, как установил, что неизвестный предмет, вращающийся вокруг планеты, разделился на две части. Среагировал быстро и для внешнего наблюдателя фантастическим образом. Сбросив с себя внешний покров, созданный им в процессе приспособления к окружающим условиям, он принял новую форму — форму правильного многоугольника. Для примитивного существа эта фигура ничем не отличается от окружающих скал. Для существа же разумного...

До Вмешательства предстояло еще одно испытание. Конструкторы рассчитали, что концентрированный удар должен быть тем сильнее, чем выше развитие форм жизни, по которым он наносится. Поэтому для большинства ихтизитлов они установили различные критерии: использование радиоволн для связи, умение пользоваться атомной энергией или, скажем, применение лазерных лучей...

...Он сумел различить три существа. Сначала он привлек к себе их внимание с помощью регулярно модулируемых радиосигналов; его распознали и поняли — этот факт он тщательно отложил у себя в памяти. Следующий шаг... Он довел свой внешний покров до высокой степени плотности и стал ждать...

Зазвенели удары огромной силы, посыпались искры — все напрасно. Резец вновь и вновь впустую

отскакивал от скалы неизвестной породы. Капитану первому надоело это занятие.

— Попробуем-ка лазером, — сказал он.

Спустив с плеча тяжелый аппарат, он передал его Геологу.

Тот быстрыми движениями подключил аппарат к батареям, прикрепленным у пояса. Проверил напряжение и вопросительно взглянул на своего товарища.

— Давай!!! — нетерпеливо крикнул Капитан. — Некогда нам возиться тут целыми днями с этим, как его там!..

Геолог кивнул и послушно нажал на клавишу. Стрелки, показывающие выходное напряжение, подскочили вверх, и пучок света, тонкий, как игла, вонзился в серую глыбу, напоминающую многоугольной формы кристалл...

Их первой реакцией было удивление. И только спустя несколько дней на смену ему пришло другое чувство: страх перед чужой разумной злой волей.

Эндре Дараж

Порог несовместимости

Он приготовился встретить болота — вернее, одно сплошное, покрывающее весь континент болото, но неожиданно для себя обнаружил, что запутался в плетях виноградных лоз. Сквозь зелень лозы он взглянул на небо: галактический корабль казался отсюда еще одной звездой, неотличимой от множества других.

Адапт обиженно замкнулся в серебристой оболочке.

— Мы находимся на периферии звездного скопления, — за одно солнцестояние раньше предупредил его кибернетический мозг. — Эта часть галактики интереса не представляет, здесь можно наблюдать лишь угасшие холодные звезды и остывающие планеты. В данный момент корабль движется вдоль внешнего края этой звездной вселенной, — сухо информировал Адапт, — предлагаю повернуть обратно.

Они поссорились, и теперь Адапт беспрекословно выполняет его приказы, но в переговоры с ним вступать не желает. И все же у него не хватило духа сердиться на робота: гениальный замысел конструктора соединил в нем безукоризненную логику и богатую гамму эмоциональных эквивалентов: Адапт питает склонность к поэзии и сочиняет неплохие баллады. «А кроме того, Адапт — надежный друг», — с симпатией подумал он о своем далеком спутнике; он поднялся с теплой земли, осмотрелся и двинулся наугад в ночь.

На пути его лежала чахлая оливковая роща. «А тогда, миллионы лет назад, здесь развились ги-

гантские рептилии», — подумал Наблюдатель, припомнив давнюю приятную усталость в мускулах. В целой галактике не было лучшей охоты! И какой титанический труд: преобразовать в экстракт горы и горы волокнистого, питательного мяса. Груз для двадцати тысяч транспортных кораблей! Зато перенаселенные планеты 4456-й и 7610-й систем удалось обеспечить провизантом.

В слабом отсвете звезд он вдруг заметил мелькнувшую тень: определенно это было какое-то живое существо; напуганное, оно отпрянуло в сторону. «Неужели Четверорукое? — подумал Наблюдатель. — Нет, не похоже, слишком крупное. В прошлый раз, улетая отсюда, мы покрыли поверхность планеты льдом, чтобы законсервировать миллиарды необработанных мясных туш. Интересно бы узнать, что случилось с колонией Темноглазых?»

Впереди него бесшумно скользнула тень. Время от времени существо останавливалось, дожидаясь, когда он подойдет, и это показалось ему знакомым.

— Неужели это ты? — изумленно воскликнул он. — Вот уж не ожидал тебя здесь встретить!

Темные глаза собаки сверкнули голодным блеском, в них отразилась покорная мольба, и только.

— Значит, твоя эволюция пошла по этому пути? — он протянул открытую ладонь. Собака трусливо отскочила и бросилась бежать в сторону огней, мерцавших у горизонта.

Где-то совсем поблизости послышались приглушенное пение, жалобный плач.

На общем фоне выделялся высокий мужской голос, исполненный глубокой скорби. По обеим сторонам дороги тянулись деревья, распространяющие терпкий аромат, а вдали он увидел светлые контуры примитивных жилищ-коробок.

«Все признаки третьей ступени эволюции», — оп-

ределил Наблюдатель. Темноту разрывали огни смердящих факелов, выставленных у каждого дома; нигде никаких следов применения электричества или ядерной энергии. При свете факелов он увидел множество темных фигур, застывших перед каким-то продолговатым ящиком.

Неужели это потомки Четвероруких? Наблюдатель смешался с толпой. В открытом гробу лежала молодая женщина удивительной красоты. Залюбовавшись ее тонким лицом, он склонился над гробом.

Внешний облик женщины соответствует десятой ступени эволюции, а окружающая среда, условия жизни намного отстают в развитии. Интересно, что может здесь в такой степени препятствовать гармонии адекватного развития?

Перед ним требовательно встряхнули кружкой для церковных сборов.

— Пожертвуйте на заупокойную службу, судары!

Здоровенный широкоплечий монах башней навис над ним.

— За упокой души усопшей!

«Очевидно, им неизвестен способ восстановления биологических организмов, — размышлял Наблюдатель. — Научить их, что ли? Конечно, уровень их жизни крайне примитивен, однако анатомическое строение предполагает развитый интеллект, а из этого можно сделать вывод, что они без труда поймут мои намерения». Наблюдатель принял решение и, отстранив протянутую к нему кружку для пожертвований, рукой в перчатке коснулся груди умершей.

— Организм молодой, — он посмотрел в глаза остолбеневшему монаху. — Достаточно будет одного короткого лучевого импульса для восстановления жизни. Посмотри, она улыбается, а сейчас встанет. Тебе помочь? — обратился он к женщине. — Или ты в состоянии подняться без посторонней помощи?

Рядом с гробом убитый горем муж продолжал оплакивать усопшую, испуская скорбные вопли. Глаза у него, как и у всех остальных, были закрыты траурной повязкой, и сцену возрождения жизни наблюдал только монах. При виде неслыханного кощунства глаза у него чуть не вылезли из орбит.

— Эй, стража, — взревел он, — схватить колдуна!

Звеня оружием, подоспел небольшой отряд. Первым подбежал воин в шлеме, украшенном перьями. Маленький шлем почти скрывался под пышным плюмажем. Тонким мечом, похожим на вертел, воин пронзил женщину.

— Умершему нет возврата! — воскликнул он звучным, приятным голосом.

Проглянула луна. В ее призрачном свете толпа казалась угрюмее; замелькали угрожающе поднятые кулаки, слышались яростные возгласы:

— Колдун! В пекло его!

Все голоса перекрывал визгливый крик мужа.

— Пронзить колдуна! Смерть ему, смерть!

— Нет! — покачал головой воин в шлеме, украшенном перьями, и осенил себя крестом. — Мы должны отвести его в Желтый Дворец. Не каждый день удается поймать такого злокозненного колдуна.

Стража не успела еще схватить кудесника, как гонец вскочил на коня, затрубил в рог и помчался по залитой лунным светом равнине мимо крестов и придорожных распятий.

Через час Верховный инквизитор перебирал кнуты в поисках наиболее подходящего, но затем остановил свой выбор на железном пруте с изогнутыми шипами. Любовно оглядел орудие, погладил его и сунул в жаровню с раскаленными углями. Предвкушая наслаждение, пальцы его сладострастно дрогнули; взяв гусиное перо, инквизитор осмотрел его, опробовал на оборотной стороне какого-то испорченного

смертного приговора, но взгляд его невольно возвращался к орудию пытки. Этот железный прут он всегда предпочитал другим, потому что тот быстро раскалялся; вот и на сей раз долго ждать не пришлось. Он тронул стоявший на столе серебряный колокольчик и вопреки обыкновению не ограничился этим, а крикнул страже, веля войти. Обычно он проявлял сдержанность, как и подобает лицу высокого духовного сана, но сегодня победило любопытство.

— Ввести его!

Инквизитор ожидал увидеть перед собой дряхлого старца, знахаря с заросшей волосами физиономией, но в тесном бронзовом проеме дверей показался изящный красивый юноша в плотно прилегающем к телу серебристом одеянии необычного для здешних краев покроя.

Стражники, вооруженные алебардами, смотрели исподлобья, угрюмо и хитро, их налитые кровью лица блестели от пота. Сейчас они менее всего напоминали храбрых хранителей порядка, доставивших пленника на допрос. Похоже было, что это он привел с собой сбитых с толку стражников.

— Почему он не связан?

Молчаливая кучка стражников окаменела. Кудесник мягко улыбнулся, шагнул вперед и обнял священнослужителя. Верховный инквизитор затрясся от ярости.

— Я спрашиваю, почему он у вас не связан?

Стражники отводили глаза, норовили спрятаться за спины друг друга.

— Отвечайте или я прикажу вас колесовать!

Из кучки испуганных стражников выступил безносый Жоао, который не один десяток лет образцово выполнял обязанности подручного палача. Он медленно обнажил шею под ледяным взглядом Верховного инквизитора.

— Взгляни и убедись, господин мой...

На продубленной всеми ветрами коже резко выделялась лиловая полоса.

— Мы пытались заковать его в цепи, господин мой, но он воспротивился. Я хотел заставить его силой, и тогда он оторвал мне голову и снова приставил ее.

— Где начальник отряда?

— Он повредился в уме, господин мой...

Неприятный холодок пробежал по тощей спине инквизитора. Ему было хорошо известно, что колдунов на свете не бывает, но он также хорошо знал, что преданный Жоао никогда не посмеет ему солгать. Инквизитор раздумывал, как ему поступить, и вдруг ощутил страх. Не сразу ему удалось овладеть собой.

— И вы хотите, чтобы я поверил вашим вымыслам? Вон отсюда, я после определю вам наказание!..

Старый инквизитор и юноша остались наедине при свете невысоких, толстых свечей. Из-за колонн иногда долетало бряцанье металла. Вот звякнуло оружие на верхней галерее Дворца. Кольцо вокруг пленника сомкнулось.

— Назови свое имя! Откуда ты прибыл?

Взмахнув рукой, гость указал вверх.

— Ты пришел с гор?

Пленник молча покачал головой, не опуская глаз. Глаза у него были странные — светлые, будто серебряные, а зрачков совсем не было видно.

— Понимаю, — брезгливо поморщился Верховный инквизитор. — Ты посланец неба!

Инквизитор с отвращением подумал, что ему предстоит выслушать одну из давно знакомых бредовых исповедей. Он в сердцах выхватил раскаленные щипцы из жаровни и от возбуждения выронил их из рук. Юноша услужливо и поспешно поднял щипцы за раскаленный конец и с учтивым поклоном протянул

раздосадованному инквизитору, кожаной рукояткой вперед.

— Здесь твои трюки не помогут, — недовольно пробурчал инквизитор, — все равно костра тебе не миновать!

Верховному инквизитору давно прискучило его занятие. Если бы не приятная возможность время от времени помучить ближнего, он, по всей вероятности, отказался бы от своего сана. Но инквизитор был прирожденным садистом.

— Для тебя же лучше будет сразу признаться во всем! — невыразительно отбарабанил он привычную фразу.

Раскаленное орудие пытки в руках юноши успело остыть. Гость положил его на стол почтительно, так как незнакомый предмет принадлежал человеку пожилому.

Юноша заговорил, но губы его по-прежнему оставались неподвижными.

— Я удивлен, как медлительны вы в своем развитии, бородатый! Один из твоих учеников захотел меня оперировать, я не понял, зачем, — вероятно, из любознательности. Но был при этом так неловок, что вынудил меня показать ему правильный способ такой операции. Надеюсь, он усвоил урок. А ты, наверное, здесь главный хирург?

Инквизитор в гневе стукнул кулаком по столу, так что даже пальцы его покраснели и распухли.

— Слушай и запоминай, чревовещатель: здесь задаю вопросы я!

— У меня мало времени, о врачеватель! — слетали слова с неподвижных губ. — Я должен торопиться, опасаясь, как бы не сместилась кривая второго порядка!

Юноша пристально вглядывался в пол, вымощенный каменными плитами.

— Я вижу, под нами находится экспериментальная операционная. Ну, и каковы ваши успехи?

Лицо бородатого инквизитора исказилось. Он трижды хлопнул в ладоши, плиты раздвинулись, и в полу образовался люк.

— Ты упорствуешь в своем притворстве? Хочешь уверить меня, будто взгляд твой проникает сквозь стены? — в ярости прошипел инквизитор. — Не утруждай себя, я тебе помогу, чтобы виднее было! Смотри, любуйся, скоро ты тоже туда угодишь!

В отвесах пламени у ног их открылась камера пыток. Скрипело колесо дыбы, щелкали щипцы, визжала пила. У жертв не было сил даже хрипеть.

— Усердие ваше весьма похвально! А что, оперируемые — все из добровольцев?

— Это не добровольцы, сын мой, — ласковое обращение сорвалось у него нечаянно, — это грешники! Торопись признанием облегчить вину, если не хочешь очутиться среди них! Мне донесли, будто ты хотел воскресить умершую в Рыбацком городке... Это правда?

— Что значит «умершая», объясни мне, хирург! Инквизитор дважды хлопнул в ладоши.

— Смотри и трепещи!

Стена раздвинулась, из ниши выкатился скелет. Угрожающе щелкнули крупные желтые зубы, зловещий огонь светился в отверстиях черепа, костлявая рука была вытянута вперед, а острый, длинный палец нацелился в сердце юноши.

— Значит, так устроен ваш скелет, — заметил гость, — очень похож на наш. Жаль только, что вы так запускаете свои зубы...

Инквизитор досадливо махнул рукой. Скелет обиженно попятился к нише. Гость терпеливо повторил свой вопрос:

— Прощу тебя, объясни, что значит «умершая»!
Инквизитор рухнул в кресло.

— Я вижу, ты — неисправимый грешник! Ты циничен, как сам сатана!

Его обволокло серебристым взглядом, и взгляд этот заслонил от него все вокруг.

— Ты какой-то необычный мутант, бородатый, твоя мысль оперирует одними абстрактными понятиями: умерший, грешник, сатана. Адапт сердит на меня, поэтому я не хочу запрашивать у него информацию, но ты вполне мог бы объяснить, что значат эти твои туманные определения... — Юноша приблизился к люку, увлекая за собой священнослужителя. — Ваша наука пока еще на самом низком уровне развития. — Он перегнулся и посмотрел вниз. — И техника у вас примитивная. Если пожелаешь, я могу снабдить тебя более совершенными приборами. Взгляни сам: вон тому мальчику в углу ноги вы ампутировали, а новые приставить не торопитесь. Ну, конечно, я так и знал! Потеря крови критическая. Где у вас кран кровепровода?

Палачи в камере испуганно переглянулись. Наконец один из них не выдержал:

— Так лучше для мальчика, не вмешивайся, добрый человек. Если ты воскресишь его, как ту женщину, меня заставят снова мучить его. А мне очень жаль его, ведь это — мой родной брат.

Юноша с лучистыми глазами вдруг понял, в какой мир он попал, потому что Адапт наконец-то соизволил отозваться с галактического корабля и перечислил данные:

— Крайне примитивная система... Диспропорция биологического и общественного развития... С Космическим Кольцом не совместимо... немедленно покинуть...

Гость одним прыжком отскочил от люка.

— Адапт прав. Я прибыл слишком рано. — Юноша в раздумье обхватил подбородок. — Если я окажу вам помощь, внезапный качественный скачок в развитии вызовет только кризисы...

Он резко повернулся к инквизитору.

— Скажи, жалкий мутант, я не ошибся, это действительно та планета, которую вы называете Землей?..

Из-за колонн подкрадывались слуги, держа наготове сеть и толстые веревки... Инквизитор лицемерно потупился.

— Похоже, ты от страха лишился ума. Хочешь, я отпущу тебя на свободу?..

Палачи бесшумно подкрадывались.

— Теперь я совсем не понимаю тебя, бородатый!.. Что могло бы удержать меня? И почему?

За спиной у юноши заплечных дел мастера пригнулись, готовясь к броску.

— О чем ты спросил меня? Земля ли это? Да, ты не ошибся, это Земля.

С шелестом взлетела сеть...

— Это Земля, но для тебя она развернется адом!

Накинутаая сеть напряглась. Проворно заскользили по ней веревки, опутывая жертву.

— Я напрасно теряю время с тобой, бородатый, — услышали палачи голос из-под сети, — твой интеллект крайне примитивен! По умственной недоразвитости ты уникален даже в масштабах Всего Пространства... Готовься, я заберу тебя с собой, и мы заменим тебе мыслительный аппарат...

Позднее все очевидцы — палачи и подручные — показали под присягой, что внезапно сверкнул огненный столб, небеса разверзлись, послышался подобный грому гул, и Верховный инквизитор вознесся ввысь.

Если верить этим утверждениям, то он не иначе, как сподобился небесной благодати.

Золтан Чернаи

Камни

Господин Профессор мыл руки. Долго держал под теплой струей белые пальцы, потом маленькой щеточкой потер ногти. Он думал о пациенте, которого только что обследовал. «Бедняга, жить ему осталось три-четыре месяца, не больше... Левая почка уже не работает, да и правая вот-вот откажет...» Потом вдруг вспомнил совсем о другом, о вилле на Балатоне, точнее, о большом участке, который помог ему купить за бесценок некто Гут — в благодарность за успешную операцию. «Не меньше миллиона обойдется мне строительство... и мол нужен для парусной лодки, много что нужно...»

Резкий голос сестры Илоны прервал его размышления.

— Господин профессор, вас ожидают три человека, а четвертый, который только что пришел, просил передать вам это, — она протянула ему визитную карточку.

Профессор надел очки. «Д-р Лорант Кардош, физик-ядерщик, кандидат физических наук», — прочитал он на изящно оформленной визитной карточке. «Надо же, Кардош! Он, оказывается, здесь! А я думал, что после пятидесят шестого года он так и не вернулся», — размышлял про себя профессор.

— Что же вы стоите, разищув рот! — прикрикнул он на сестру. — Немедленно пригласите его!

Юлия, пухленькая секретарша с платиновыми волосами, злорадно ухмыльнулась. Надев наушники, она печатала с магнитофонной ленты текст лекции о новых методах цистоскопии, которую профессор должен завтра читать в университете. Они с Илоной не выносили друг друга.

В дверях появился пациент. Сутулый, худой, со впалыми щеками, волосы стрижены ежиком. По лицу было видно, что его мучают сильные боли. Но черные глаза живо блеснули, когда он протянул профессору руку.

— Привет, Банди! Узнал меня?

— Еще бы, Лори! Каким ветром тебя занесло к нам? Я думал, ты там остался. Юлия, принесите коньяк и сигареты.

— Спасибо, не беспокойся! — пробовал было возразить гость, но проворная секретарша уже ставила на маленький столик напитки и сигаретницу. Они сели, чокнулись.

— Рад тебя видеть. За твое здоровье!

— Спасибо, здоровья-то как раз мне и не хватает.

— Надеюсь, ничего серьезного? Ты не из-за этого ко мне пришел? Ты ведь, верно, знаешь, что я хирург-уролог. Не успеешь оглянуться, как я уже что-нибудь да извлеку из твоей почки!

Кардош слабо улыбнулся.

— Я пришел к тебе, Банди, как к старому школьному товарищу... вернее, к своему сопернику. Ведь мы всегда были соперниками, помнишь? Это было благородное состязание, и ты — победил... Ты — знаменитость с мировым именем, а я всего лишь маленький клерк в услужении госпожи науки.

— Ну, ну, не скромничай! — профессор шутливо погрозил гостю пальцем. — И не будем говорить о том, кто из нас победил. Вспомни хотя бы Магду!

Здесь победил ты! Ведь она с тобой, она вышла за тебя замуж. Ну, расскажи, где ты сейчас работаешь?

— В научно-исследовательском институте атомной физики. Работаю на циклотроне... Ничего интересного. Одно и то же изо дня в день.

— В этом смысле и у меня рутина. Ну, а на что жалуешься? У тебя, очевидно, сильные боли?

— Уже третьи сутки мучаюсь. А сейчас совсем не могу стало, вот и притащился сюда, в больницу. Я, разумеется, хотел пойти к терапевту, но в коридоре случайно увидел на двери твою фамилию... Банди, у меня ужасно болит поясница. Бывают такие приступы, что я пачками глотаю алгопирин и ридол, но ничего не помогает! Раньше у меня не было никаких ревматических болей. А сейчас, посмотри, я даже выпрямиться не могу. У меня постоянно, ну как бы это сказать... позыв помочиться, я бегу в туалет, и выясняется, что бежал зря. Скажи, что бы это могло быть? Посоветуй, к кому мне обратиться.

— Тебе никуда не надо идти. Скажи, у тебя болели когда-нибудь почки?

— Почки? — удивился Кардош. — Никогда.

— Ну, тогда пошли со мной. Я провожу тебя в амбулаторию. Тебя необходимо обследовать. Если мой диагноз подтвердится, то ты обратился как раз по адресу. В конце концов тебя все равно направили бы сюда и ты оказался бы у меня под но... Я хотел сказать, попал бы ко мне в руки.

В сопровождении сестры Илоны они проследовали в амбулаторию. Пациент разделся и лег на кушетку. Профессор долго ощупывал поясницу, живот, потом пошел мыть руки перед тем, как сделать цистоскопию и рентген.

— Ну, что я говорил? Диагноз мой был безошибочен. У тебя камни! — торжествующе объявил про-

фессор пациенту, который уже лежал в отдельной палате.

Профессор внимательно рассматривал у окна только что проявленные рентгеновские снимки.

— Из левой почки у тебя выходит камень величинной с горошину и заклинивает мочеточник. Из-за этого и боли и общее плохое состояние. Несколько дней пробудешь здесь, у нас, не бойся, резать я тебя сразу не стану. Попробуем выгнать твои камни. И в правой почке есть несколько камешков, от них тоже освободимся. Юлия потом оформит все как положено. А мне прежде всего нужна твоя медицинская карта с места работы... Я хочу знать, сколько времени ты подвергался облучению на циклотроне.

— Немного... Точнее, меньше трети дозволенного срока, — слабым, страдальческим голосом прошептал больной. — Можешь делать со мной все, что хочешь. Только... сообщи Магде, моей жене.

— Ну, конечно, сообщу! Скажи мне номер телефона и не беспокойся ни о чем, лежи отдыхай. Вот увидишь — все будет в порядке. Сейчас мы дадим тебе прекрасный успокаивающий коктейль из многих компонентов, и очень скоро боли пройдут.

После инъекции больной заснул. Профессор собрал снимки, что-то отметил в карточке больного и вышел из палаты.

— Пожалуйста, успокойтесь! Прошу вас, не надо волноваться, дорогая Магда!.. Я прошу тебя, не плачь! В который раз говорю тебе: никаких причин для беспокойства нет! — утешал профессор жену Кардоша.

А сам в это время думал о том, что Магда Мерэй, в которую когда-то был влюблен весь их класс, все

еще моложавая и поразительно красива, может быть, даже красивее, чем раньше. В ее голубых, необыкновенных глазах стояли слезы. Профессор чувствовал, что капли холодного пота побежали у него по спине под рубашкой, настолько волновала его эта женщина. Но он все-таки сделал над собой усилие и заставил себя говорить с ней так, как должен говорить врач в подобной ситуации.

— У Лори совершенно особые почки, это факт, — продолжал он утешать Магду. — Но все обойдется! Несколько камней я уже выгнал... Я сам исследовал их и теперь знаю, что нужно делать, чтобы предупредить возникновение камней подобного химического состава. Никакого органического заболевания у него нет, просто химическая реакция способствует кристаллизации камней. И нет никакой необходимости соблюдать особую диету. Лори может пить и есть все, что ему нравится, все другие органы у него здоровы. Только об одном следует заботиться — о пищеварении. Чтобы поправиться, иначе говоря, чтобы предотвратить образование камней, ему надо принимать угольные таблетки. Обычная карботерапия — по две таблетки три раза в день, перед едой. Таблетки улучшат пищеварение и помешают образованию камней, а чтобы снять побочное действие лекарства, я выпишу легкое слабительное средство... Через неделю он сможет вставать и скоро вернется к своим циклотронам.

— Я очень благодарна тебе, Банди! — прошептала Магда и сунула плотно набитый конверт в карман белого профессорского халата.

— Что ты, что ты! Это совершенно лишнее, прощу тебя, — протестовал профессор.

— Не надо, не спорь со мной. Ты это заслужил.

— Вообще-то.. Звоните мне. Я буду вашим домашним врачом. Лори я обследовал досконально, дру-

гой врач нам только помешает. А почки Лори я знаю уже как свои пять пальцев.

Юлия, секретарша, нехотя сняла телефонную трубку.

— Алло! Слушаю... К сожалению, не смогу. Господин профессора сейчас нет. Будет через четверть часа. Кто спрашивает? Да, да, конечно. Сразу же передам... До свидания.

Едва Юлия положила трубку и стала делать запись в блокнот, как дверь открылась и в приемную вошел профессор.

— Господину профессору звонила жена доктора Кардоша, — доложила секретарша. — Она просила передать, что ее мужу стало плохо на улице и его на скорой помощи увезли в больницу. Очень просила сразу же сообщить это господину профессору...

Странные морщинки побежали по лицу профессора, словно он одновременно смеялся и плакал.

— Я в больницу! — сказал он и выбежал из комнаты.

— К сожалению, дорогая, я должен тебе признаться, необыкновенные почки твоего мужа и со мной сыграли злую шутку. Но операция прошла успешно, на редкость успешно! Мне удалось сразу же перевести Лори из больницы для пострадавших от несчастного случая к себе и из обеих почек я удалил новые камни. Правая почка была менее поражена и функционирует нормально. В наше время многие живут с одной почкой... Лори еще сто лет проживет! Но сейчас, разумеется, он нуждается в длительном курсе лечения. Отдых и покой по крайней мере в течение полугода. Я всю устрою. Как только он не-

много оправится после операции, я отправлю его в санаторий. Но что не менее важно, моя дорогая, тебе тоже крайне необходимо отдохнуть!.. Вот, посмотри, это — приглашение на Международную конференцию в Лондоне, которое я недавно получил. Поедем со мной, а после Лондона махнем еще куда-нибудь... Я помню, ты всегда мечтала о Майами!

Подполковник Петхё, внимательно изучив папку с делом, покачал головой и хлопнул ладонью по столу:

— Марика! Пригласите ко мне «ювелиров».

Через несколько минут в комнату вошли два молодых, широкоплечих следователя. Подполковник предложил им сесть. Секретарша принесла кофе.

— Знаете, ребята, хоть я и старая лиса, но такого мне еще не приходилось слышать! — и подполковник принялся излагать суть дела. — Мы получили сообщение из Лондона, от Интерпола. Английские таможенники в лондонском аэропорту задержали одного венгерского хирурга, профессора урологии, доктора Эндре Гарди... Вы слышали когда-нибудь о нем?.. Нет? Ну, а я слышал. Не так давно я приходил к нему для повторного осмотра, ведь это он извлек из моей спины пулю Йошки Коломпара. Ну вот, вспомнили теперь? А потом господин профессор уехал на какую-то конференцию в Лондон с одной женщиной. Нет-нет, не с женой! Как же звали эту женщину? Ах да, он уехал с вдовой некоего Лоранта Кардоша... Ну, а когда они вышли из самолета в аэропорту Хитроу, то во время обычного таможенного осмотра в одном из его чемоданов обнаружили какие-то странные камешки... Необыкновенные и ни на что не похожие. Господин профессор убеждал таможенников, что это камни, извлеченные из почек во время операций, сво-

его рода «хирургический трофей», экспонат, который он хочет продемонстрировать участникам конференции. Но таможенникам, конечно, задурить голову не удалось, они обратились к экспертам, и тогда выяснилось, что «почечные камни» господина профессора — алмазы! Да еще самого высокого качества. Когда они объявили об этом господину профессору, тот рухнул как подкошенный. Его сразу доставили в больницу, сделали все, что было в их силах, но в тот же день профессор скончался. Инфаркт. Всего только несколько слов еще удалось вытянуть из него, до самой последней минуты господин профессор упорно твердил: «Они мои... Биоалмазы!.. Циклотрон и уголь... уголь!» Вот и все. А теперь эта история свалилась на наши головы! К нам приезжают специалисты по алмазам из Интерпола... Надо подготовиться к встрече. Они уверены, что господин профессор был главарем международной шайки контрабандистов, за которой они уже несколько лет охотятся... Посмотрите, вот здесь фотоснимки камней. Тот, что побольше, напоминает окаменевшего паука. Или точнее — полп. Как же, черт возьми, он получал их?

Золтан Чернаи

Эксперимент „Аргус-1“

Профессор Берталан невидящим взором уставился на свой письменный стол, на котором его секретарша устроила необычную «выставку»...

Посреди стола, на листках с машинописным текстом лежала толстая тетрадь в темно-синей нейлоновой обложке. Справа в небольшой кучке — мелкие предметы личного пользования: наручные часы, два золотых перстня с печаткой, удостоверение личности, проездной билет на автобус, перочинный нож, паркеровская шариковая ручка. По другую сторону стола — какой-то небольшой прибор, напоминающий слуховой аппарат, и большой пустой конверт, в котором, судя по адресу и почтовым штемпелям, должно быть, и прибыли все эти предметы.

Окна рабочего кабинета, размещавшегося на первом этаже, выходили в институтский парк. Дверь на балкон была открыта, и в комнату струился мягкий солнечный свет и аромат ранней осени. По террасе прыгали черные дрозды.

Профессор наконец вышел из оцепенения: его дрожащие пальцы потянулись к тетради в синей обложке. Он вертел ее в руках, будто видел впервые. Взгляд его машинально скользил по надписи, сделанной черной тушью на белой наклейке: «Дневник эксперимента «Аргус-1». Д-р Геза Мартин. Церебрология». Он открыл тетрадь наугад, где-то посередине, пролистал назад несколько страниц и углубился в чтение.

6 июля

Самым смышленным из подопытных животных оказался экземпляр под номером 17 (Зеро, немецкая овчарка, самец). В течение одного периода сна наблюдались две фазы РЕМ (подергивание лап — имитация бега, паузы, движение ушами и хвостом). Четкие рефлексы сна.

7 июля

Для третьей фазы эксперимента решил использовать Зеро. Пока приучаю его к себе. Взял домой. Цель ясна. Ясен и путь, ведущий к ней. Теперь мне надо только найти средство для ее достижения! Метод применения электродных игл не годится, слишком разрушаются ткани мозга. Несомненно одно: отправной точкой должен послужить сон! Ведь сон есть не что иное, как некий «внутренний фильм», где кинокамерой является глаз, а проектор, кинолента и экран скрыты в мозгу. В качестве первого шага я попробую каким-нибудь образом уцепиться за этот «внутренний фильм» и вывести его на осязаемую поверхность!

21 июля

Я не слишком-то продвинулся вперед. В научной литературе, кроме работ по сомниологии Буртона и Кейно, ничего мало-мальски стоящего найти не удалось. Сейчас меня пока интересует не механизм действия мозга и сознания в целом, а только часть его: сон как таковой, как образное явление, возникающее в мозгу.

25 июля

Составил подробную программу исследований и показал шефу. Тот клюнул. Вызвал меня к себе и учинил основательный допрос. По-моему, тема ему нравится, и он только ради поддержания своего авторитета делает вид, будто чинит мне препятствия.

26 июля

Зеро настолько привык ко мне, словно провел со мной несколько лет. Видимо, он очень признателен мне за то, что я выбрал его из числа приговоренных к смерти. Животное просто великолепное. Даже шеф привязался к нему. Уж этого пса я не буду колоть электродными иглами. Не причиняя ему боли, сделаю из него отличную собаку-поводыря, настоящий «живой глаз» для тех слепых людей, у которых центр зрения в мозгу не поврежден, а слепота вызвана исключительно болезнью или травмой глаза. Зрительные центры в мозгу я нашел уже несколько месяцев назад и точно нанес их на карту в «agea peristrata». Сконструировал управляемый нейротрансмиссионный биорецептор и подключил его к мозговому центру подопытного животного. Но этим способом мне до сих пор удавалось вывести на экран телерекординга только беспорядочные вспышки света. Значит, такой путь не годится... Надо искать другой! Решением проблемы может быть только более совершенный рецептор, которым можно управлять извне.

3 августа

Нашел! Благодаря космонавтике дистанционное управление сделало огромный шаг вперед. Автоматические исследовательские зонды теперь летают вокруг внешних планет Солнечной системы: исследуют, измеряют, фотографируют и — что для меня самое главное — принимают импульсы и передают их обратно на Землю. В одном журнале по космонавтике мое внимание привлек визистор. Это миниатюрный дистанционный рецептор, который с помощью сфокусированных лучей превосходно решает проблему приема, модуляции и отвода — как раз то, что мне нужно! Если бы я смог подключить визистор к биорецептору, мне не понадобилось бы больше сверлить, перепили-

вать черепа собак и пашниговывать их мозг иглами, помещенными в платиновые трубки. Достаточно было бы на голове собак закрепить рецепторный блок, нащупать с помощью тончайшего регулятора центр зрения и установить оптимальное фокусное расстояние.

15 августа

Служба снабжения приобрела для меня десяток визисторов. Соединить их с биорецептором оказалось легче, чем я ожидал. Закрепив лейкопластырем новый рецепторный блок на черепе подопытного животного номер 31 (Цезарь, дворняжка, самец), я подключил его к телерекордингу. Эта процедура также прошла гладко. Я соединил рецептор с системой принимающих оптических камер и, усыпив Цезаря, стал ждать первой фазы РЕМ. Удача! На экране телерекординга появился фильм, зафиксировавший сон собаки! По полу собачьей клетки двигалась пластмассовая миска, полная манной каши... Казалось, будто я сам, своим собственным языком жадно вылизываю любимое блюдо Цезаря! Это был, естественно, «немой фильм», но ведь меня пока интересует только изображение, эффект зрения. Остальное я оставляю собакам.

20 августа

Итак, есть механизм и аппарат! Первый этап завершен. Теперь очередь за вторым: надо попробовать через глаз собаки постепенно вывести на телерекординг картины, снятые в *состоянии бодрствования*, иными словами, *увиденные картины!*

27 августа

Поскольку теперь необходимо было вести непосредственную, прямую передачу, я попробовал установить рецептор где-то на полпути — между сетчаткой глаза, где формируется изображение, и зрительными

центрами в мозгу... Первые эксперименты грозили страшным провалом: после включения прибора собаки приходили в смятение, начинали прыгать и визжать! Вскоре я понял, в чем беда. Рецептор полностью поглощал у зрительного центра квант изображения! Как только я включал рецептор, у собак пропадало зрительное восприятие: они слепли... К счастью (спасибо визистору!), после выключения все приходило в норму, собаки вновь обретали зрение и успокаивались. Я тщательно обследовал их: как оказалось, ни глазу, ни мозгу не было причинено явного вреда. Решение напрашивалось само собой: зафиксированный в глазах животного квант изображения следует распределить таким образом, чтобы его хватало и для мозга, и для экрана телерекординга... Я сделал верный вывод. Выяснилось, что все зависит от правильной установки рецептора. Надо было очень тщательно отладить фокусировку и одновременно усилить дозировку электрических импульсов на височную кость собаки — только и всего!

После некоторых поисков удалось «сфокусировать» вывод изображения почти у всех подопытных животных. Правда, по сравнению с возможностями человеческого глаза и нашей потребностью в богатстве зрительных образов картины эти были нечеткими и бесцветными (Но ведь это только первый, самый первый опыт! Открываются неограниченные возможности для совершенствования!) Важно другое: во время эксперимента собаки вели себя совершенно спокойно. Их зрение не страдало, и они почти не чувствовали неудобства. Ни у одного подопытного животного я не наблюдал ни малейшего ухудшения.

5 сентября

Написал шефу рапорт с просьбой о проведении третьей фазы эксперимента. Роль подопытного «сле-

пого», естественно, взял на себя. Моим «живым глазом» будет Зеро... Шеф сначала бурно запротестовал, вероятно, боялся попасться на удочку. Наконец, после крупного разговора, когда он пытался запугать меня, «чудовищными опасностями», он заставил меня написать заявление о том, что всю ответственность за опасные моменты эксперимента я беру на себя. Я заявил, что готов подписать любые бумаги и, более того, совершенно освобождаю его и институт от ответственности за «неслыханное легкомыслие»: с завтрашнего дня уйду в отпуск, чтобы закончить эксперимент дома!

8 сентября

Дома у меня есть все условия для проведения третьего этапа опыта. Начал подготовку Зеро. Он переносит установку рецептора легко, в хорошем настроении, судя по всему, явно безболезненно. Теперь очередь за *мной*. Вместо телерекординга я подключу к «живому глазу» Зеро самого себя, свой собственный мозг!

12 сентября

Сделал рецептор, который можно подключить к черепу человека. Он напоминает обычный слуховой аппарат. Во время испытаний просмотрел сон Зеро, записанный на телерекординге. Для этого воспользовался черными очками, обеспечивающими полную темноту, и пристегнул рецептор к голове. Пустил телерекординг и с помощью регулятора крохотного аппарата, помещенного за ухом, навел фокусное расстояние. Никакой боли не почувствовал. Но когда у меня в голове промелькнула первая картина, я вздрогнул. «Мозговое» зрение вызвало удивительное чувство... В первый раз я просто не смог его вынести! В панике выключил рецептор, сорвал с глаз очки. Понадобилось несколько попыток, чтобы я постепенно привык. Интересно, что я буду чувствовать, когда

смогу непосредственно и постоянно видеть глазами собаки Зеро?

Профессор Берталан вздохнул, отодвинул тетрадь и расстегнул воротник рубашки. Начиная с этого места дневника правильный, разборчивый почерк изменился. Дальше шли оборванные, неровные строчки, которые едва можно было прочесть.

17 сентября

Все кончено! Где-то я допустил ошибку. Шеф оказался прав. Контрольных опытов явно было недостаточно, и вот... Мне не следовало бы... Сетчатка! Вероятно, атрофировались окончания зрительного нерва. Неужели организм уничтожает не только чужой, но и свой орган, ставший лишним?!

Когда мы с Зеро приступили к эксперименту во дворе, поначалу все шло хорошо. Правда, ужасно странно было видеть *таким образом!* Видеть *чужими* глазами... снизу... Потеряв равновесие, я присел. Глазами Зеро я видел вокруг себя совсем другой мир! Дольше я не мог этого вынести. «Предстоит еще долго тренироваться, пока не привыкну», — подумал я. Выключил, а затем снял с головы рецептор, снял и очки, но и тут — даже *после этого!* — перед глазами была непроглядная тьма! Я сразу понял, что произошло. *Я ослеп!* Промелькнула отчаянная мысль: у меня остается единственная возможность! Я снова надел на голову рецептор (он был уже настроен); поводок Зеро, который был сплетен с проводами рецептора, я крепко сжимал в руке. В темных очках более не было нужды. Включил рецептор. Я снова видел! Видел... но что? Небо и облака... Зеро выл, задрав голову кверху. Но мне уже было все равно. Все-таки я вижу! Глазами Зеро — по *вижу!* И, возможно, теперь уже всегда буду видеть только *так*.

19 сентября

Два дня без передышки тренируюсь с Зеро. И оба страдаем. Меня мучают невыносимые головные боли, затылок и виски горят, словно в огне. Зеро становится все беспокойнее, не хочет слушаться! Я вынужден жестоко дрессировать его! Ведь ему теперь всегда надо смотреть *туда*, куда я хочу! Сейчас, когда я пишу, он сидит рядом со мной на стуле и смотрит на тетрадь... Если он смотрит точно туда, куда хочу смотреть я, тогда и только тогда я вижу достаточно хорошо. А что мне остается? Поздно! Пока я не приспособлюсь к своему «поводырю», я не могу выйти из дому. Помощи не прошу. Не нужно мне ни упреков, ни сострадания. Но и помощь не нужна.

23 сентября

Это моя последняя запись. Больше не могу... Не жизнь, а сущий ад! Зеро как с цепи сорвался — все время сопротивляется, отказывается мне повиниться! Видимо, понял, для чего он мне нужен, и придумал, как можно меня наказать: он не открывает глаз! Понапрасну я бью его — даже с закрытыми глазами он легко спасается от меня. К счастью, поводок... Провода рецептора у меня в руках! Я его не выпущу, скорее... Ведь без Зеро, без его открытых глаз я беспомощен. Не бью... его... больше. Удача! Мы помирились. Он сидит рядом со мной и смотрит в дневник. Завтра продолжу.

На этом запись оборвалась. Профессор Берталан закрыл тетрадь. Некоторое время он как будто размышлял, не перечитать ли отдельные места, но затем отказался от своего намерения. Сжав лицо ладонями, он сидел неподвижно, а затем потянулся к лежащим перед ним бумагам и взял самую верхнюю из них. Пробежал глазами крупный заголовок и обрывки фраз: «ПРОТОКОЛ НЕСЧАСТНОГО СЛУ-

ЧАЯ...» «Переходил вместе с собакой дорогу на красный свет...» «..собака вырвала поводок и убежала...» «40-тонный грузовик...»

Берталан положил протокол на стол. Снова взял дневник, подержал в руках, но тут же положил обратно, затем неожиданно упал на стол и обеими руками сгреб все в кучу.

Зазвонил телефон.

— Алло! Ах, это вы? Нет, вы мне не помешали. Я как раз собирался вам позвонить. Ну... собственно говоря, да. Закончил. Можете забрать. Что вы говорите?! Да оставьте вы эти причитания! Его все равно не воскресить! Жизнь безжалостна, и все же надо жить дальше. Как знать, может, завтра то же случится со мной или с вами! Машины носятся как угорелые, и жизнь каждого из нас находится в постоянной опасности. Да, да... Это было «заурядное» уличное происшествие! Конечно, чему же еще быть?! С полицией уже все улажено. Бумаги передайте в отдел труда и договоритесь обо всем с ними! Да, естественно, с обычным текстом. «Научно-исследовательский институт мозга и нервной системы извещает о трагической гибели старшего научного сотрудника, д-ра Гёзы Мартина и т. д. и т. п.» Нет. Я назначу не его! Вызовите из Мали доктора Перьеши, он примет участок Гёзы!

Профессор Берталан швырнул телефонную трубку, устало, тяжелой походкой вышел на террасу, а затем, ускорив шаги, углубился в парк. Сев на ближайшую скамейку, он откинулся и начал искать в кармане пиджака сигареты.

Неподалеку от него зашевелился куст. Из-за куста вышла собака, худющая — кожа да кости, шерсть свалаялась клочьями. Повизгивая, принюхиваясь поднятым вверх носом, пес потащился к профессору Берталану.

Петер Куцка
Мишура

Над исследуемой планетой в крошечной тьме космоса появилось нечто необычное, неопределенной формы и несоизмеримой величины. Это была сложная, ритмично вибрирующая система бесшумно шевелящихся металлических антенн, стеклянных щупальцев и колючих защитных экранов; в глубине клубка из прозрачных нитей, бледно-голубая, как рыбий пузырь, светилась кабина.

В кабине работали двое.

Один из них — его звали Иэлом — настраивал катапульти, нетерпеливо ожидая, когда можно будет отправить посылку.

Второй, которого под лучами дальнего Солнца называли Ауrom, все еще возился с посылкой. Он спешно прокручивал нить на вращающихся дисках запоминающего и кодирующего устройства перед мерцающими трубками и микроскопически крохотными кристаллическими клавишами.

Они были далеко от дома. Те, кто измеряет пространство скоростью света, сказали бы, что они в сотнях световых лет.

— Сейчас будет готово... — пробормотал Аур.

Иэл взглянул на энергометр.

— Надо поторапливаться.

— Боюсь что-нибудь упустить, — сказал Аур, — пусть они познакомятся со всеми нашими открытия-

ми, с установленными взаимосвязями... У нас есть основания считать, что они поймут. Это разумные существа, правда, не такие, как мы, с более замкнутой биологической системой... Но наши приборы точно показывают, что у них есть поселения, искусственные источники света, они используют волновые свойства материи... Вполне вероятно, что кругозор у каждого из них в отдельности и неширок, но сообща они, наверное, расшифруют нашу информацию.

— А если они применят ее для борьбы друг с другом? — спросил Иэл, опуская коробку в отверстие катапульты.

— Ничего не поделаешь... остается только надеяться на их сообразительность, инстинкт самосохранения и на наши знания... Ведь если они действительно поймут нас, то не смогут обратить ее друг против друга.

Его голос звучал торжественнее обычного.

— Отправляйся... А потом мы погрузимся в анабиотический сон. Жаль, что нельзя связаться с ними непосредственно.

Иэл нажал клапан катапульты.

Голубой свет кабины, похожей на рыбий пузырь, погас. Космический корабль — так бы его назвали жители планеты — беззвучно провалился во тьму.

А разумные обитатели планеты ничего не заметили. Космический корабль парил на большой высоте, он не отражал лучей локаторов, шарящих по небу, и не мешал радиосвязи. Правда, несколько телескопов, составленных из примитивных линз, были направлены в небо, но астрономы спали, поднимали праздничные тосты или смотрели на экраны телевизоров.

Конечно, были на планете места, где люди глядели в небо, напрягая обострившийся слух, потому что ждали: вот-вот приблизятся грохочущие машины с ракетами, пулеметами и бомбами.

Впрочем, планету окутали облака, спустившиеся необычно низко, и наблюдение было почти невозможно.

Шел снег.

Крупные, густые хлопья медленно падали и на город Б.

— Значит, все-таки рождество будет со снегом, — говорили люди, выглядывая из окон.

К вечеру снег пышной пеленой покрыл улицы и площади — пропасти и долины, пролегшие между зданиями.

Физик пересекал площадь, окруженную голыми черными капитанами. Под мышкой он держал темно-зеленую елку, а в руках тащил шуршащие пестрые свертки, перевязанные бечевками.

Он радовался пушистому белому снегу и тишине.

В эту минуту мозг его отдыхал.

Сегодняшний день был очень утомительным: неожиданный звонок государственного секретаря, прерванная лабораторная работа, наспех созванное совещание, строго секретная информация, недоверие в глазах генерала, тупость на его лице и высокомерие, которое, казалось, исходило даже от его сигары.

— Когда же вы наконец будете готовы? — в который раз спрашивал генерал.

Что можно ответить на такие вопросы? Он не техник, чтобы называть точные сроки, и не коммерсант, сколько бы ни пытались с ним торговаться. Когда все подготовим, тогда и будем готовы...

Особенно раздражал его государственный секретарь. Тонкие намеки на обязанности гражданина, неуклюжая лесть и изощренный шаптаж, коварные

фразы о том, что он-де перековался и стал материалистом, а это плохо принимают в определенных кругах....

«Я всегда шел прямым путем», — подумал физик и невольно оглянулся на свои следы в снегу.

Тут-то он и увидел коробку.

«Потерял кто-то...» — мелькнуло у него в голове. И только потом он спохватился, что коробка лежала на самом верху большого сугроба и вокруг не было видно следов.

Физик вернулся и поднял прозрачную коробку.

Он улыбнулся.

«Мишура.. — подумал он. — Как давно я ее не видел... Теперь такой не купишь. Хороша будет на елке...»

Он опустил коробку в боковой карман пальто,

Елку наряжали в холле. Дети были возбуждены, шумели в соседней комнате, ожидая, когда прозвонит колокольчик и они наконец смогут прорваться к елке и с восторженными криками наброситься на подарки.

Физик молча укреплял на елке свечи и бенгальские огни.

— У тебя плохое настроение, — сказала жена. — Что-нибудь случилось?..

— Ничего особенного. Я был у государственного секретаря.

— А-а, — проговорила жена, — понимаю... Не обращай внимания.

Муж посмотрел на нее. Такие знакомые глаза, губы, волосы *...

* По-венгерски «мишура» дословно означает «волосы ангела». — *Прим. перев.*

— Фу ты! — воскликнул он, хлопнув себя по лбу. — Чуть не забыл... Мишура!

Он выбежал из холла, порываясь в карманах пальто.

— Посмотри, что я нашел в снегу, — сказал он жене. — Мишура. Повесим, да?

— Какая прелесть, — женщина перебирала шелестящие нити, — и до чего мягкие...

Дети, увидев наряженную елку, визжали от восторга. Каждый первым хотел зажечь бенгальский огонь.

— Пусть старший, — сказал физик и бросил спички старшему сыну, а сам подошел к двери и выключил свет.

Взглянув на елку, он остолбенел.

Мишура светилась. Сначала появились только крохотные беспорядочные цветные точки, затем точки слились в линии, каждая нить переливалась диковинным светом, и теперь стали видны не только сами нити, но и еще какое-то голубоватое мерцающее сияние вокруг.

— Ой, как красиво! Как красиво! — кричали дети. «Флюоресценция... — подумал физик. Мгновением позже у него мелькнуло сомнение. — Что это? Вторичное излучение в тончайших нитях? Но отчего?»

— Подожди! — крикнул он сыну, но было уже поздно. Пламя спички накалило палочку бенгальского огня, голубой свет прорезали красные искры... Затем внезапно что-то вспыхнуло.

В мгновение ока пламяхватило нити мишуры.

Пока физик подбежал к елке, чтобы сбить с нее пламя, необыкновенные нити почти все сгорели.

От мишуры сохранились лишь несколько съездившихся на полу обрывков с обгорелыми концами. Все остальное бесследно исчезло.

Физик подобрал уцелевшие нити и стал задумчиво рассматривать их, затем свернул и положил в конверт.

В исследовательском институте вот уже несколько недель только и было разговоров, что «о проблеме мишуры». Вся эта история была совершенно непонятной. Разгадать тайну коротких, в несколько сантиметров, светящихся нитей оказалось труднее, чем организовать производство кобальтовых бомб. Не удавалось установить их химический состав, не знали, что делать с их невероятной воспламеняемостью и невообразимой прочностью. Природа цветных светящихся точек, вспыхивающих в нити, и «флюоресценция» вещества ставили ученых в тупик. Где были сделаны эти нити, с какой целью, при помощи каких технических средств? И наконец, как они попали на то место, где их нашел физик?

Возникали запутанные и противоречивые гипотезы, предположения одно фантастичнее другого, развивались самые крайние теории. Ученые ломали головы, не спали ночей, подсчитывали, выводили формулы, исписывали горы бумаги—безрезультатно...

Но все были окончательно поражены, когда один молодой коллега физика заявил, что ему удалось прояснить загадку. Этот молодой человек проследил за цветными точками, вспыхивающими в нити. В расположении точек, в комбинации цветов он увидел определенную закономерность. Он еще раз исследовал электрические и магнитные свойства нитей. И предчувствуя, что из этого получится, заложил данные в счетную машину.

— На них находится текст... — заявил он комиссии ученых, занимающихся этой проблемой.

— Текст? — переспросил председатель.

Молодой исследователь показал папку.

— Да, — сказал он чуть смущенно, — текст, вернее, информация.

— Что же это за текст, позвольте спросить? — откинулся в кресле председатель.

Молодой человек молчал.

— Ну? — спросил председатель.

Молодой человек раскрыл папку и вынул из нее единственный листок бумаги. Горло его перехватило от волнения, он оглядел членов комиссии. Физик, который уже познакомился с результатами работы молодого сотрудника, кивнул ему. Тот начал:

— Это может показаться невероятным, но я приведу доказательства... Текст этот следующий:

«Мир разумным существам планеты... Мы, Иэл и Аур, исследователи космического пространства, передаем вам все знания нашего мира... Будьте осторожны! Если эти знания использовать в целях уничтожения...»

Молодой человек положил листок.

— Вот и все... — сказал он тихо.

Члены комиссии молчали.

Космический корабль несся в абсолютной тьме межзвездного пространства. Два путешественника погрузились в долгий анабиотический сон. Приборы время от времени принимались щелкать, потом снова смолкали, лампочки зажигались и гасли, все антенны, распределители энергии, торчащие в стороны защитные экраны огромного корабля работали бесперебойно.

По следам „воздушного корабля“

Инопланетянин в серебристом плаще, наделенный телепатическим даром, лицом к лицу сталкивается с инквизитором. Конфликт эпох, разделенных тысячами, единоборство мировоззрений, случайное пересечение мировых линий...

Есть вечные темы, к которым вновь и вновь, словно наращивая витки спирали, возвращается научная фантастика. Рассказ Эндре Даража «Порог несовместимости» напомнил мне повесть польского писателя Кшиштофа Боруня «Восьмой круг ада» и очень близкую к ней по колориту новеллу чехословацкого фантаста Вацлава Кайдоша «Опыт». Поистине знаменательно, что именно писателей стран социализма заинтересовала по сути одна и та же проблема, которую можно обозначить в трех словах: столкновение прошлого с будущим. И не менее символично, что и повелевающий миром духов Фауст Кайдоша, и инквизитор Боруня, и мракобес из рассказа венгерского писателя Даража выглядят одинаково жалкими и бессильными. Причем не столько в сопоставлении с могуществом людей будущего или звездных пришельцев, сколько в сравнении с их высокой моралью. Поэтому отнюдь не случайно, что венгерский, польский и чехословацкий писатели сумели, каждый по-своему, показать могучую силу нравственной убежденности человека нового мира.

Продолжая начатый в предисловии рассказ о венгерской фантастике, я как бы принимаю эстафету от Петера Куцки, с которым нас связывает многолетняя совместная работа в международных писательских организациях. Петер Куцка внес немалый вклад в развитие современной венгерской фантастики, которая в последние годы стала заметным явлением культурной жизни страны.

Показательно, что именно Будапешт в 1971 году сделался столицей первого Международного форума фантастов социалистических стран. Ведущие венгерские издательства широко раскрыли двери перед литературой, которая стала музой научно-технической революции. Выходят очень популярные в стране журналы и бюллетени, посвященные исключительно научной фантастике, появляются новые фантастические фильмы.

Сделанный Петером Куцкой исторический обзор венгерской научно-фантастической литературы избавляет меня от необходимости начать свой очерк с азов. И все же мне хочется немного дополнить венгерского коллегу и задержаться на одном имени, ибо оно, на мой взгляд, дает ключ к пониманию своеобразия совокупного мира, созданного венгерскими фантастами. Речь идет о Фридеше Каринти, которого Куцка справедливо причислил к классикам. Легенды и анекдоты об этом замечательном остроуслове и по сей день можно услышать в кабачках Буды и Пешта. Любимыми книгами юного Каринти были романы Жюль Верна и «Трагедия человека» Мадача. Глубокий интерес к чисто человеческим аспектам научно-технического прогресса замечательный венгерский фантаст и сатирик сохранил до конца своих дней. Еще гимназистом он написал роман «Путешествие на Меркурий», в предисловии к которому сформули-

ровал свое кредо: «Я не стремлюсь показать, как долететь до Меркурия, я просто показываю, что в мыслях это вполне возможно. Мысль — лучший воздушный корабль, за несколько мгновений мы можем очутиться там, где захотим, и в сотнях вариантов представить свое путешествие».

Чудесный корабль Каринти понес его не только на Меркурий, но и в «Свадебное путешествие через центр Земли» и «Путешествие в Фа-ми-ре-до», в седую древность («Сын своего века») и далекое будущее («Экзамен по истории»), на Марс («Легенда о поэте») и, уже в образе марсианина, вновь на грешную землю («Письмо в космос»). И все это было написано в 20-х годах нашего века!

Каринти был современником Уэллса и Кафки, Чапека и Ионеско. Он зорко провидел и величайшие победы человеческого разума, и то безмерное падение, которое уготовил этому разуму фашизм. Подобно Кафке он обостренно ощущал мертвое отчуждение, которое породил капитализм, подобно Уэллсу предчувствовал творческое «безумие» радикальных научных идей нашего века. И вывод, к которому он пришел, был беспощаден и точен, как это свойственно подлинному знанию, как это характерно для настоящего искусства: «Капитализм волей-неволей становится на пути технической революции, ибо она неминуемо ведет к упразднению частной собственности, которую, кстати, мне вовсе не жаль!»

Последняя повесть Каринти называлась «Путешествие вокруг собственного черепа». В Будапеште я видел снятый по ее мотивам цветной фильм. Он вновь поразил меня странным пророческим синтезом, который так характерен для Каринти. Венгерский художник не только предвосхитил некоторые новейшие открытия в области нейрохирургии мозга,

но и облек их в ту изощренную, неуловимо ускользающую форму, которая характерна для многих современных деятелей западного киноискусства, в частности для Феллини (вспомним его знаменитый фильм «Восемь с половиной»).

Романы Каринти оказали большое влияние на все последующее развитие венгерской литературы. Его урокам следовали и Гурант Хегедюш — автор утопии «Когда война умрет», и современные венгерские фантасты, чьи произведения включены в этот сборник. Некоторые из них уже хорошо знакомы советскому читателю по другим сборникам и антологиям: «Несчастный случай с профессором Баллой» Дежё Кемени, «Пересадка мозга» Йожефа Черны, «Блеск и нищета кибернэросов» Эрвина Дертяна и очень запоминающаяся новелла Белы Балажа «Встреча», посвященная острой проблеме столкновения человека с неизмеримо более высоким интеллектом. Поединок капитана «Меркурия» с шарообразным существом из системы Эпсилон Эридана заранее обречен на неудачу. Это даже не поединок, а скорее кратковременный контакт, в результате которого получает информацию только одна сторона. В такой же односторонний контакт вступает микробиолог, поместивший на предметный столик микроскопа штамм бактерий, или физиолог, подключивший усыпленную обезьяну к энцефалографу. Ни того, ни другого не интересует в данный момент, как относятся к подобному способу общения испытуемые. Более того, микробиолог знает, что простейшие лишены не только интеллекта, но и нервной системы, а физиолог никогда не забывает о том, как далеко отстоит на древе эволюции *Homo sapiens* от остальных приматов. Шарообразное существо тоже не особенно церемонится с пришельцами, мозг которых состоит лишь из 10^{10} клеток. Оно вступает в столь упизнительный для человека односторон-

ний контакт лишь волей случая, так сказать, вынужденно.

Фантастика и наука последних лет приучили нас к мысли, что возможен разум, для которого человек с его извечными проблемами может оказаться просто неинтересным («Мишура» Петера Куцки). Как уверяет член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский, подобная ситуация вполне реальна. Но так ли это на самом деле? Абстрагируясь от того, унижает ли нас это или нет, мы можем разрешить вопрос с помощью единственно возможного в данном случае метода аналогии. У человека есть определенные основания считать, что он стоит неизмеримо выше пчел или же муравьев. Однако это не мешает нам проявлять пристальный интерес к удивительным обитателям ульев и муравейников, обладающим своего рода коллективным, скажем так, подобием разума. Утратим ли мы этот интерес, когда узнаем о пчелах и муравьях все? Боюсь, что на этот вопрос трудно ответить определенно.

Возможно, высший интеллект потому и является высшим, что способен исчерпать любую сущность до конца. Тогда действительно мы не вызовем в нем никакого интереса. В крайнем случае этот непостижимый для нас разум проявит к нам сдержанное любопытство. Причем доброжелательное, ибо бесцельное зло — защита слабоумных. Подобный случай как раз и продемонстрировал Бела Балаж. Его новеллу можно рассматривать в качестве антитезы знаменитого «Чудовища» американского фантаста Ван-Вогта, где носителем сверхинтеллекта выступает человек, силой мысли разоружающий злую волю галактического пришельца.

В том-то и состоит магическая притягательность фантастики, что она позволяет взглянуть на одно и

то же явление с разных сторон, как это отметил в свое время еще Каринти.

Вряд ли обитатели космоса будут похожи на те бесчисленные модели и карикатуры, которые создали фантасты Земли. Вряд ли поведение и эмоции, если последние и впрямь окажутся, иных биообъектов напомнят нам хотя бы одну из земных форм. Природа разнообразна, и нам не измерить ее возможности узкой меркой заурядной планеты, обращающейся вокруг захолустной звезды. Но иных мерок мы не знаем, их у нас просто нет, а в центре фантастики — ибо фантастика прежде всего литература — изначально стоит Человек. Сила фантастического образа мысли в том и состоит, что он позволяет осознать присущие Человеку слабости.

Балаж показал нам некий образец сверхчеловеческого разума, умолчав, однако, о соматических, если позволительно так выразиться, подробностях. Материальная основа шарообразного существа, особенности его размножения, схема метаболизма — иными словами, все чисто биологические характеристики — остаются за кадром. И это понятно. Трудно, если вообще возможно, представить себе принципиально иную жизнь. Можно, конечно, как это сделал Балаж, предоставить все читательскому воображению или ограничиться крайне общей, ничего не говорящей характеристикой: кристалл, океан Соляриса, дух в колодце у Бредбери, почему-то полюбившаяся многим фантастам мыслящая плесень, о которой впервые упомянул академик Колмогоров. Но читательское воображение не заполнит созданный писателем вакуум, а общая характеристика будет столь же общо и формально воспринята. Попытка дать конкретную разработку также не сулит писателю особых успехов. «Придуманное» инопланетное существо либо продолжит смешной список чудовищ, либо

окажется полностью геоморфным, земным по природе и привычкам. Вот, по сути, все мыслимые варианты. Как мы знаем, в научной фантастике всем им была отведена надлежащая дань.

В этом смысле пришелец в серебристом одеянии из рассказа Эндре Даража — лишь один вариант из многих, и, наверное, не самый оригинальный. Легче вообще не показывать носителей звездного разума, как это делает, скажем, Кальман Папай («Слова и снова»), либо просто прибегнуть к спасительной поддержке юмора. Каринти, во всяком случае, именно так и поступал. Присущий ему непринужденный снижающий патетику юмор стал почти традиционным для венгерской фантастики. И не только фантастики. Возьмем, к примеру, рассказ «Невидимое оружие» Дежё Кеменя — по существу чистой воды детектив с очень небольшой дозой фантастического элемента. В свое время близкие задачи успешно решала Мариэтта Шагинян. Смертоносный ультразвуковой диапазон певца-убийцы вызывает в памяти свисток, заставлявший жертву накладывать на себя руки («Лори Лэн — металлист»). Но, невзирая на жанровые особенности и литературные реминисценции, рассказ выглядит довольно оригинальным. Причем как раз благодаря юмору.

На тонкой грани между научной фантастикой и детективом умело балансирует и Золтан Чернай, один из самых популярных фантастов современной Венгрии. В известном смысле его новелла «Камни», в которой фигурируют алмазы, возвращенные человеческим организмом, проливает своеобразный луч света на смутно угадываемые пока криминальные проблемы недалекого будущего. И опять-таки благодаря откровенно юмористической манере прогностическая функция произведения, несмотря на известную искусст-

венность идеи, отнюдь не выпирает на передний план.

Рассказ «Черные и белые дыры» молодого писателя Петера Сентмихайи Сабо посвящен одной из наиболее увлекательных и спорных проблем современной астрофизики. Подобно герою «Космической одиссеи» А. Кларка, космолетчик Джек Флойд рассматривает загадочные объекты Вселенной как своего рода переходные коридоры в области иных пространственно-временных измерений. Эти, как их принято называть, сингулярные точки характеризуются поворотом «стрелы времени» и, как следствие, обратным течением биологических процессов. Лишь ценой собственной жизни (что, впрочем, весьма характерно для поэтики научной фантастики) Флойдю удастся подтвердить свою парадоксальную гипотезу. Здесь ярче всего проявляется идея жертвенности и личной причастности исследователя к объекту исследования. Высочайшей его ответственности не только за судьбы человечества, но, в какой-то мере, и всей Вселенной, ибо только через мысль было дано осознать самое себя слепой эволюции. Подобное одухотворение космических процессов и привнесение хрупкой человеческой теплоты в вечный холод пространства придают рассказу Сентмихайи Сабо особую эмоциональную глубину. Личная трагедия Флойда, бегущего от неотвратимых кошмаров раковой агонии, как бы растворяется в суровой и прекрасной бесконечности за бортом космолета, в неохватной бездне, пронизанной зовущим светом немигающих звезд.

Этот рассказ напомнил мне превосходный фильм польского режиссера К. Занусси «Спираль», где с обнаженной беспощадностью подлинного искусства исследуется тщетный бунт уходящего из жизни, но не смирившегося с неизбежностью человека. И если порыв героя Занусси навстречу смерти сугубо лока-

лен и не способен всколыхнуть даже «микровселенную» больничной палаты, то самопожертвование Флойда, напротив, дарует человечеству высшую власть над временем, олицетворенным в Хроносе — самом неумолимом из олимпийцев. Это, если угодно, самоубийственный прыжок в бессмертие. Как отдельная личность, Флойд, несомненно, терпит крушение, которое в то же мгновение оборачивается триумфом, ибо все процессы, все состояния Вселенной диалектичны, жизнь торжествует над смертью и «черным дырам» неизбежно сопутствуют «белые».

Показать бесконечный во времени мир через смертного человека — едва ли не главная идея искусства. В венгерской научной фантастике она, бесспорно, стала центральной.

Так, на новом витке спирали, на новом уровне знаний воплощается вечная идея фантастики. Мимо нее, естественно, не смог пройти и Каринти, которого по праву называют венгерским Уэллсом.

«Последний долгожитель» Пала Молнара, «Мишура» Петера Кудки, «Снова и снова» Кальмана Папай, «Сжатие времени» Петера Сентмихайи Сабо не только вновь возвращают нашу мысль к опыту первооткрывателей — Эдгара По и Вашингтона Ирвинга, но и позволяют проследить блистательные витки, проложенные Булгаковым и Уэллсом, и, конечно, увидеть прихотливый след «воздушного корабля» Фридеша Каринти.

Еремей Парнов

Коротко об авторах

- БАЛАЖ, БЕЛА** (1937) — астрофизик по образованию, время от времени пишет интересные научно-фантастические рассказы.
- ДАРАЖ, ЭНДРЕ** (1926—1972) — поэт, писатель, критик, представитель поколения, вошедшего в литературу после освобождения страны. Наряду со стихами, составившими несколько сборников, писал фантастические повести и рассказы.
- ДЕРТЯН, ЭРВИН** (1925) — писатель, кинокритик, эссеист. В его научно-фантастических романах преобладает тема роботов. Перу Дертяна принадлежат также теоретические статьи на эту тему.
- КАСАШ, ИШТВАН** (1949) — писатель, научный работник в области физики. В печати публиковался его увлекательный приключенческий роман, относящийся к направлению «космической оперы», и несколько рассказов.
- КЕМЕНЬ, ДЕЖЁ** (1925) — писатель, журналист, переводчик. Рано обратился к научно-фантастической литературе. Его перу принадлежит сборник научно-фантастических детективных рассказов. Многие произведения Кемени переведены на другие языки.
- КУЦКА, ПЕТЕР** (1923) — поэт, писатель, критик, автор нескольких повестей и сценариев к фильмам, больше всего тяготеет к теоретическим проблемам научной фантастики. Постоянный редактор журнала «Галактика» и серии «Книги по фантастике», вы-

пускаемой издательством «Космос». Широко известен за рубежом как активный деятель в области научной фантастики.

- МОЛНАР, ПАЛ** (1952) — журналист и писатель, одаренный представитель «новой волны» в венгерской научной фантастике.
- ПАПАИ, КАЛЬМАН** (1948) — писатель, физик по образованию. В венгерскую фантастику вошел рассказами и одним романом.
- СЕНТМИХАЙИ САБО, ПЕТЕР** (1945) — разносторонне одаренный литератор: поэт, эссеист, романист, новеллист, драматург. Для его фантастики характерны философское содержание, своеобразный юмор и легкая, игривая форма.
- РОНАСЕГИ, МИКЛОШ** (1930) — редактор молодежного издательства, автор двух научно-фантастических романов и нескольких рассказов.
- ХЕРНАДИ, ДЮЛА** (1926) — писатель, драматург, сценарист, автор нескольких утопических драм. Его фантастику отличают образное богатство, глубокий лиризм, пристрастие к парадоксам.
- ЧЕРНА, ЙОЖЕФ** (1899) — готовился стать художником, затем долгое время работал в полиграфической промышленности. Пишет стихи, очерки, рассказы, рассматривая фантастику как средство для выражения определенного общественного содержания.
- ЧЕРНАИ, ЗОЛТАН** (1926) — один из наиболее известных писателей в современной венгерской фантастике, популярный не только у себя на родине, но и за рубежом. Играет видную организационную роль в развитии венгерской научной фантастики.

Содержание

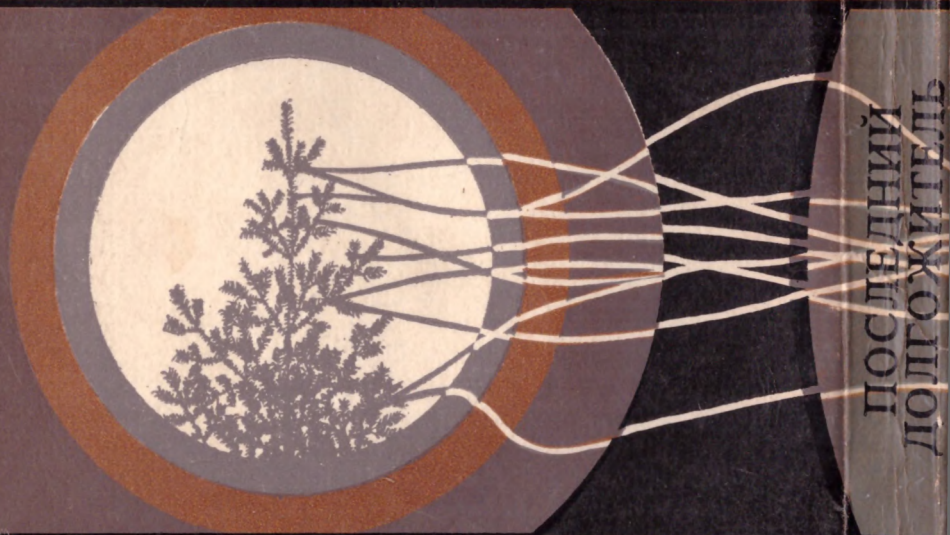
Петер Куцка. НЕМНОГО О ВЕНГЕРСКОЙ ФАНТАСТИКЕ. Пер. Т. Воронкиной	5
Пал Молнар. ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ. Пер. Т. Воронкиной	19
Эрвин Дертян. БЛЕСК И НИЩЕТА КИБЕРНЭРОСОВ. Пер. Т. Воронкиной	32
Петер Сентмихайи Сабо. ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ДЫРЫ. Пер. Н. Дарчиева	57
Петер Сентмихайи Сабо. СЖАТИЕ ВРЕМЕНИ. Пер. Н. Подземской	77
Бела Балаж. ВСТРЕЧА. Пер. Н. Дарчиева	86
Кальман Папай. СНОВА И СНОВА. Пер. Н. Подземской	92
Дежё Кемень. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ С ПРОФЕССОРОМ БАЛЛОЙ. Пер. Е. Тумаркиной	122
Дежё Кемень. НЕВИДИМОЕ ОРУЖИЕ. Пер. Е. Тумаркиной	161
Миклош Ронасегги. ЧЕТЫРЕ КРУЖКИ ПИВА. Пер. Т. Воронкиной	209
Дюла Хернади. ПАРАДОКС. Пер. Т. Воронкиной	227
Дюла Хернади. <i>Homo protesiensis</i> . Пер. Т. Воронкиной	230
Йожеф Черна. ПЕРЕСАДКА МОЗГА. Пер. Е. Тумаркиной	233
Иштван Касаш. ЗАДАНИЕ. Пер. Н. Дарчиева	278
Эндре Дараж. ПОРОГ НЕСОВМЕСТИМОСТИ. Пер. Т. Воронкиной	283
Золтан Чернай. КАМНИ. Пер. Л. Васильевой	293
Золтан Чернай. ЭКСПЕРИМЕНТ «Аргус-1». Пер. Н. Дарчиева	301
Петер Куцка. МИШУРА. Пер. Т. Воронкиной	310
Еремей Парнов. ПО СЛЕДАМ «ВОЗДУШНОГО КОРАБЛЯ»	317
Коротко об авторах	326

Зарубежная

фантастика

1 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МИР · МОСКВА

